

В. И. Сариниди

902.6
С20

Афганистан: сокровища безымянных царей

Ответственный редактор
В. В. ВОЛКОВ

Фотографии
Л. Б. БОГДАНОВА, В. И. САРИНИДИ,
В. С. ТЕРЕБЕНИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1983

Сариниди В. И.

С20 Афганистан: сокровища безымянных царей.
М., Главная редакция восточной литературы из-
дательства «Наука», 1983.

159 с. с ил.

В книге советского археолога рассказывается о работе Советско-афганской археологической экспедиции в конце 1978 — начале 1979 г. на городище Тилля-Тепе («Золотой холм») возле г. Шибирган на севере Афганистана. Экспедиция обнаружила шесть захоронений I в. до н. э. — I в. н. э. со множеством золотых изделий, многие из которых оказались подлинными сокровищами искусства.

С 0507000000-178
013(02)-83 КБ-7-59-1983

902.6

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1983.

Содержание

1. История научного поиска	3
2. Дельфины плещутся в Амударье?	10
3. Принц или нищий?	14
4. Мышиная возня и золотые сокровища	23
5. Из дальних странствий возвратясь	34
6. Таинственная Золушка	54
7. Скифская царица?	58
8. У истоков мировой империи	72
9. Послесловие	79

История научного поиска

Мы сидим в зале международного аэропорта «Шереметьево» и ждем посадки на рейс Москва — Кабул. Мы - это художник-реставратор Владимир Бурый и я - археолог, назначенный временно исполняющим обязанности начальника Советско-афганской археологической экспедиции. Мы сидим в баре под светлым кругом абажура и в который уже раз обсуждаем предстоящий полевой сезон в Афганистане. Он для нас необычен, хотя уже десятый год - с 1969 г.- ведутся полевые работы Советско-афганской экспедиции. В этом году советские археологи впервые будут работать в Демократической Республике Афганистан, которая была провозглашена в результате победы Апрельской революции 1978 г. С момента установления новой власти не прошло еще половины года. После короткой остановки в ташкентском аэропорту самолет берет курс на Кабул, и вот уже сквозь разрывы облаков за голубой ниткой пограничной реки Амударьи просматривается Северный Афганистан, та его часть, которая в древности называлась Бактрией. Эта обширная плодородная равнина, орошаемая множеством рек и речушек, как бы зажата с одной стороны величественными: скальными отрогами Гиндукуша, а с другой – песчаными дюнами левобережья Амударьи.

В результате многолетних кропотливых полевых обследований нашей экспедиции удалось обнаружить страну, казалось бы, безвозвратно потерянную среди песчаных барханов современной пустыни. Археологические материалы с документальной точностью показали, что уже во II тысячелетии до н. э. на бактрийской равнине процветала высокоразвитая земледельческая культура. Под песчаными наносами были обнаружены десятки поселений этой культуры – укрепленные крепости и дворцовые здания знати, культовые храмы, выявлены обширные связи бактрийского общества со странами – от Индии и Ирана до Месопотамии и соседней Средней Азии.

Высокоразвитая и оригинальная культура древних бактрийцев документируется изделиями многих видов искусства - от камнерезного до художественной бронзы. Особую научную ценность имеют резные каменные амулеты, нередко с сюжетными изображениями, отражающими сложные мифологические представления, бытовавшие на этой территории в середине II тысячелетия до н. э.

В середине I тысячелетия до н. э. на территории соседнего Ирана возникла могущественная по тем временам держава во главе с персидскими царями, происходившими из рода Ахеменидов. Бактрия силой оружия была включена в Ахеменидское государство, и ежегодно отсюда в далекую Персию тянулись тяжело груженные данью верблюды. Об этом можно судить с полной уверенностью, так как на юге Ирана, в древней столице державы Ахеменидов - Персеполе сохранились дворцовые постройки, на каменных рельефах которых изображены и бактрийцы. Судя по большим размерам податей, Бактрия в то время была процветающей страной. В начале IV в. до н. э. честолюбивый греческий царь и талантливый полководец Александр Македонский предпринял свой знаменитый восточный поход и вступил в пределы Ахеменидского государства. Преследуя отступающие персидские войска, греки достигли северных владений Империи Ахеменидов и завоевали Бактрию.

После ранней смерти Александра Великого его сподвижники разделили между собой завоеванные территории, стараясь захватить наиболее богатые и процветающие страны. В результате этого дележа один из военачальников Александра Македонского, Селевк, создал новое – Селевкидское государство, в которое вошла и Бактрия. Однако, будучи расположенной чрезвычайно далеко от центра Селевкидского царства, Бактрия уже в середине III в. до н. э. отделилась от

него, и на ее территории возникло независимое Греко-Бактрийское царство. Правящую верхушку Греко-Бактрийского государства составили греческие колонисты и эллинизированная бактрийская знать. И хотя это государство просуществовало всего сто лет, оно оставило глубокий след в истории эллинистического мира.

Яркие, полные драматизма страницы истории Греко-Бактрийского царства до сих пор поражают воображение историков. В пору наивысшего экономического и культурного расцвета его влияние распространилось вплоть до Южного Афганистана и Индии, что приводило к смешению разных культур и традиций. В результате такого смешения происходил сплав культур, который на многие века predetermined развитие культуры этой части древневосточного мира. Свидетельством тому служат руины города Ай-Ханум, построенного греками на левом берегу р. Амударьи. Это чисто греческий город, до деталей копирующий города материковой Греции, но расположенный далеко от метрополии в глубинной Азии. Раскопки его французской археологической миссией приносят все новые доказательства оригинального характера эллинистической культуры. «Страной тысячи городов» называли античные авторы Бактрию. Однако в середине II в. до н. э. в цветущие оазисы Бактрии вторгаются несметные полчища воинственных кочевников. Огнем и мечом прошли они через Бактрию, оставляя после себя разграбленные, дотла сожженные города.

Наука до сих пор не располагает достаточно полными материалами для ответа на вопрос: кто были эти воинственные кочевники? Но главное известно. Уже с древнейших времен на необъятных степных просторах Средней Азии обитали кочевники, которых греки называли скифами, а персы - саками. Этот кочевой, варварский мир входил в соприкосновение с оседлыми городскими цивилизациями, нередко были и военные столкновения. Античные историки донесли до нас пророческие слова одного из первых греко-бактрийских государей, Евтидема: «На границе... стоят огромные полчища кочевников... и если только варвары перейдут границу, то страна, наверное, будет завоевана ими».

Его опасения оправдались через несколько десятилетий. В огне пожаров кончат свои славные дни город Ай-Ханум. В руинах и клубах дыма оставляют кочевники после себя «мать городов» Бактры, которая имела мощные, казалось бы, неприступные укрепления, о чем свидетельствуют сохранившиеся до наших дней остатки городских стен. По ним может проехать колесница, запряженная четверкой лошадей, мощные башни расположены так близко одна к другой, что через бойницы простреливался каждый метр высоченных оборонительных стен.

Проходили годы, и постепенно завоеватели-кочевники сами начали переходить к оседлости. Они восстанавливают ими же разрушенные города и основывают новые, все больше отходят от традиций предков и перенимают эллинистическую культуру. Постепенно на месте бывшего Греко-Бактрийского царства, на его обломках создается новое государство - Империя Великих Кушан, ядром которого становится Бактрия.

Все это оживало в памяти, пока самолет, пересекая Афганистан с севера на юг, не перевалил через Гиндукуш и не пошел на посадку.

Кабул встретил нас чудесной солнечной погодой и благожелательными улыбками обслуживающего персонала аэропорта. Впервые нас встречали коллеги из афганского института археологии, и уже вскоре мы сидели в номере гостиницы «Метрополь» и слушали рассказы о событиях Апрельской революции.

На следующий день началась подготовка к полевому сезону. Наши товарищи по экспедиции – Теркеш Ходжаниязов из Туркменистана и Зафар Хакимов из Узбекистана вместе с московским водителем Владимиром Ерофеевым – должны с экспедиционным грузом и автомашинами переправиться через Амударью из советского пограничного города Термеза в афганский порт Хайратон. Еще двое сотрудников – Уктам Пулатов из Таджикистана и Рустам Сулейманов из Узбекистана – должны приехать на месяц позднее. Пока экспедиционные грузы и автомашины будут переправляться в Афганистан, нам в Кабуле предстоит заняться обычными формальностями в министерстве торговли, решить ряд вопросов, связанных с работой нашей экспедиции, в министерстве культуры и институте археологии.

Наша основная цель: сохранить преемственность работы экспедиции и, хотя лучшее время для полевых работ уже прошло, постараться провести раскопки одного из древних памятников, желательного находящегося поблизости от какого-либо города или населенного пункта. Таким условиям более всего отвечало древнее поселение Тилля-Тепе, расположенное на окраине г. Шибиргана в Северном Афганистане.

По иронии судьбы ровно десять лет назад, когда мы поздней осенью впервые выехали на раскопки в Афганистан, базой был выбран именно г. Шибирган. В двух отношениях этот район выгодно отличался от остальных: во-первых, в окрестностях города много неизученных древних памятников и, во-вторых, в городе была большая колония советских специалистов, занимавшихся здесь разработкой богатых газовых месторождений. Вспоминается осенний день 1969 г., когда наша экспедиция впервые приехала в Шибирган, центр газовой промышленности на севере Афганистана. Город расположен менее чем в 100 км от р. Амударьи, по которой в этом районе проходит государственная граница между Афганистаном и СССР. На окраине города нам был выделен домик, который стал базой экспедиции.

Уже в первый поисковый выезд мы в 5 км к северу от Шибиргана обнаружили археологический памятник, осмотр которого не оставил сомнений, что это остатки огромного античного города, видимо древней столицы всего шибирганского оазиса; место это у местного тюркского населения называется Емши-Тепе. Мы взобрались на самый высокий холм (впоследствии оказалось, что это древняя цитадель), откуда, как на ладони, видны холмы, составляющие контур бывшего города Емши-Тепе. Как оказалось, высоченные городские стены, усиленные боевыми башнями, составляли неприступный замкнутый круг диаметром около 0,5 км с несколькими узкими воротами. Необычный круглый план города Емши-Тепе получает свое объяснение лишь через десять лет, пока же перед нами в кольце стен располагалась пониженная часть, частично распаханная местными крестьянами под поля, а частично запятая пастбищами, на которых паслись отары овец. В северной части, где мы стояли тогда, находилась цитадель, по-видимому, с остатками дворца - резиденции местного правителя.

Огромный по масштабам античного времени площадью около 20 га, с обширным пригородом, на котором располагались небольшие деревушки, Емши-Тепе бесспорно, являлся административным центром всего этого региона, некогда входившего в состав легендарной Бактрии. Если учесть, что на всей территории между предгорьями Гиндукуша и песками левобережья Амударьи мы не обнаружили такого крупного памятника, как Емши-Тепе, то станет очевидным его столичное значение в древности. Уже вскоре мы начали здесь первые, пробные раскопки.

Мои профессиональные интересы были связаны не с античным, а с более древним периодом, поэтому все внимание я сосредоточил на поисках более древних памятников в окрестностях Шибиргана. Надо сказать, что до работ Советско-афганской экспедиции памятники доантичного периода на территории бывшей Бактрии известны не были, так что шансы на обнаружение их в первый же полевой сезон практически равнялись нулю. Казалось, что наиболее древние поселения должны быть расположены подальше, у развалин, видневшихся у самого горизонта. Однако в результате их обследования выяснилось, что это были поселения периода Емши-Тепе. Интересующий же меня памятник располагался почти у самых городских стен Емши-Тепе, в 0,5 км от него.

Когда мы поднимались на пологий склон одного из холмов близ Емши-Тепе, мы и представить не могли, какие сюрпризы приготовила нам судьба. Поросший сухой, выгоревшей травой, невзрачный на первый взгляд холм высотой чуть больше 3 м и диаметром около 100 м, казалось, ничем не отличался, а по размерам даже уступал многим другим, уже обследованным памятникам. Каковы же были наши удивление и радость, когда на поверхности холма нам посчастливилось обнаружить черепки древней посуды с еле заметными, выгоревшими на солнце, расписными орнаментами. В Северном Афганистане подобные черепки еще никому не встречались, зато в пору моих первых самостоятельных раскопок обломки похожей посуды я находил в Южном Туркменистане. Они относились к рубежу II- I тысячелетий до н. э., и казалось невероятным найти вот так сразу памятник такой же древности здесь в Бактрии. Бо-

лее того, несмотря на длительные раскопки подобных памятников на юге Туркменистана, до сих пор люди, оставившие их, представляли в науке интригующую загадку древности. В самом деле, ни происхождение, ни повседневный быт, ни тем более дальнейшая история этого общества так и не стали ясными, хотя над проблемой работали археологи многих стран мира. Словом, было достаточно оснований, чтобы начать пробные раскопки на обнаруженном холме. Для начала следовало узнать наименование его у местных жителей, и первый же встречный, крестьянин на соседнем хлопковом поле, без колебания сказал - Тилля-Тепе, что в переводе означает Золотой холм.

Такое название, казалось, обязывало нас найти что-то необыкновенное и из ряда вон выдающееся, однако изо дня в день под лопатами рабочих мелькали лишь все те же невзрачные черепки, к тому же не всегда украшенные расписными орнаментами. Небольшой раскоп, заложенный на верхушке холма, выявил жилые дома периферийного сельского поселения середины I тысячелетия до н. э. Естественно было предположить, что нижележащие строения должны относиться к более древнему времени. Для уточнения решили на месте одного из раскопанных помещений пробить вертикальную шахту - стратиграфический шурф. Это обычный прием в археологии, когда при минимальных затратах времени и средств можно установить хронологическую последовательность жизни памятника - в какое время он возник и когда был заброшен.

До трех метров от верхушки холма углубились рабочие в его недра, но никаких признаков более древних культурных слоев обнаружено не было. Тогда заложили еще один стратиграфический шурф, но уже не на верхушке, а на склоне холма, чтобы быстрее достичь самого нижнего культурного слоя времени основания памятника. По мере углубления шурфа под былыми полами помещений появились остатки фундаментов нижележащих строений, под ними мусорные слои, оставленные в еще более древний период, и так на глубину до 8 м.

Теперь с документальной точностью было установлено, что памятник на холме Тилля-Тепе - редкий случай, когда на предгорной равнине паводки, намывая миллиметровые глинистые слои, из столетия в столетие консервировали нижние слои памятника от естественных размывов и развевания. Ежегодные паводки сносили и сносят с гор тончайшие глинистые прослойки, которые за два тысячелетия подняли шибирганскую равнину на несколько метров. Самые древние культурные слои Тилля-Тепе покоятся глубоко под современной равниной, надежно сохранив для археологов самые древние памятники материальной культуры.

В 1969 г. мы так и не достигли самого нижнего горизонта - снежная зима, ветры и холода заставили отложить завершение раскопок до следующего полевого сезона. Согласно договору экспедиция ежегодно проводила раскопки в Афганистане лишь в три осенних месяца. Так было и в этот раз. В Москве мы снова и снова изучали орнаменты на найденных на Тилля-Тепе черепках сопоставляя их с находками из Южного Туркменистана но так и не могли найти ответов на многие вопросы, связанные с происхождением людей, пользовавшихся этой посудой в одно и то же время в Средней Азии и Афганистане. Нужны были новые материалы, а их могли дать только новые раскопки.

Мы с нетерпением ждали нового полевого сезона в Афганистане. Однако в 1970 г. раскопки памятника так и не состоялись. В наше отсутствие строительство асфальтового шоссе, которое должно было связать Кабул с севером страны, достигло района Шибиргана. Пройдут века, многое сотрется в памяти людей, но это уникальное сооружение будет вечным памятником сотрудничества Афганистана и СССР. Достаточно вспомнить, что в начале нашего века французская экспедиция под руководством А. Фуше почти месяц добиралась из г. Кабула в г. Мазари-Шариф на севере страны. По каменистой, избитой дороге, серпантинном поднимающейся по скалам Гиндукуша, из века в век медленно тянулись повозки с лошадьми, а в наше время автомашины, пока не началось осуществление грандиозного проекта — строительство автодороги. Старая дорога, упершись в скальный щит перевала Саланг, огибала его по отвесным кручам с осыпающимися из-под колес камнями. Доведя асфальтовую автодорогу до этого места, строители пробили трехкилометровый туннель в сплошном скальном массиве перевала Саланг. Нужно хоть один раз проехать через перевал, чтобы оценить дерзно-

венный, почти фантастический замысел строителей, получивший практическое воплощение в дороге, по которой теперь тысячи автомашин перевозят грузы из одной части страны в другую.

Летом 1970 г., когда строительство автодороги приблизилось к окрестностям Шибиргана, строителям надо было выбрать где-то грунт для подсыпки на будущее полотно дороги. И хотя по обе стороны от трассы множество холмов, дорожники почему-то выбрали для этих целей именно холм Тилля-Тепе. Сюда подогнали мощный экскаватор, огромный ковш которого принялся методично вгрызаться в земляной массив холма. Тяжелые самосвалы с утра до вечера курсировали между Тилля-Тепе и трассой шоссе, перевозя бесценный для нас грунт. К моменту приезда экспедиции разрушение памятника приняло угрожающие масштабы. Вместо высокого конуса холма мы увидели обширный котлован, в центре которого среди клубов пыли видна была лишь движущаяся стрела экскаватора, безжалостно вгрызавшегося в грунт. Под стальными зубьями ковша брызгами разлетались осколки керамики, а мощные гусеницы экскаватора крушили стены зданий древнего поселения.

Наше энергичное вмешательство приостановило дальнейшее разрушение холма, и, как оказалось позднее, экскаватору оставалось пройти считанные метры до находок, принесших через несколько лет мировую славу Тилля-Тепе.

Раскопки были продолжены лишь в следующем, 1971 г., да и то в ограниченных масштабах. Планировалось обследовать обнажения, вырытые экскаватором, а главное, установить мощность культурных напластований от верха до самого низа памятника. Уже через две недели стало ясно, что ядро памятника составляла высоченная кирпичная платформа, на верху которой располагалось какое-то монументальное здание, предположительно резиденция местного правителя или храм. Со дна глубокого шурфа мы извлекли обломки расписной керамики с новыми мотивами орнаментов, но опять, как и раньше, происхождение и дальнейшая история носителей этой культуры оставались загадкой. Для ее решения были необходимы длительные, крупномасштабные раскопки. Однако к этому времени в области г. Балх были обнаружены ранее совершенно неизвестные памятники эпохи бронзы, и на их изучении сосредоточилось основное внимание Советско-афганской археологической экспедиции.

И в течение пяти лет, с 1972 по 1977 г., раскопки на Тилля-Тепе были заброшены. И хотя наш «первобытный» отряд глубоко увяз в новых проблемах, связанных с историей племен, некогда обитавших к северу от г. Балха, в научных планах экспедиции вопрос о Тилля-Тепе не был закрыт. Он лишь ждал своего времени, и вот осенью 1977 г. археолог Теркеш Ходжаниязов и я в третий раз вернулись к раскопкам этого памятника. Полуразрушенные строительными работами, зажатые вплотную подступившими хлопковыми полями, останцы холма еще много могли рассказать об истории некогда живших здесь людей. С большим трудом расчистив небольшой участок хлопкового поля у основания одного из останцов, под которым еще сохранились намертво отпечатавшиеся в глине отпечатки гусениц экскаватора, мы продолжили раскопки, прекращенные пять лет назад.

На этот раз мы намеревались выявить общую планировку строений, для чего нужны были планомерные раскопки выбранного участка былого поселения, а не закладка шурфов, как в 1971 г. Уже вскоре после начала работ стало ясно, что раскоп попал на край поселения - обнажилась мощная стена, сложенная из сотен, если не тысяч сырцовых, не обожженных, а лишь высушенных на солнце кирпичей. Метр за метром углубляли рабочие раскоп, обнажая гладь мощной стены, и только на глубине около девяти метров ниже окружающей холм равнины появилось, наконец, материковое основание стены. Почвенные наслоения, поднявшие уровень равнины на девять метров, надежно законсервировали мощную оборонительную стену от естественных климатических разрушений. Продолжая раскопки вширь и идя вслед за стеной, мы обнаружили отходящую от нее по внешнему фасу круглую в плане башню, что прояснило назначение открытого нами древнего архитектурного сооружения. Раскопки этого года убедили нас, что на Тилля-Тепе сохранились остатки монументального сооружения типа храма, окруженного по внешнему фасу оборонительной стеной. Было заманчиво выявить хотя бы в общих чертах планировку и назначение всего здания, однако в том году для этого

не оставалось уже ни средств, ни времени.

С такими результатами и призрачной надеждой на продолжение раскопок мы покинули Афганистан зимой 1977 г. Дело в том, что министерство культуры и информации Афганистана выдвинуло требование провести научную реставрацию какого-нибудь мусульманского сооружения типа мечети или медресе как непременное условие к разрешению дальнейших археологических раскопок. Ни в материальном, ни в особенности моральном плане мы не были готовы выполнить подобные требования, и в связи с этим дальнейшая деятельность экспедиции оказалась под угрозой прекращения. Но произошло то, с чего мы начали наш рассказ, - Апрельская революция. К власти пришли новые люди с новыми идеями и новыми представлениями о сотрудничестве двух соседних стран.

И вот, как десять лет назад, мы всем составом экспедиции выезжаем из Кабула в Шибирган для продолжения работ на Тилля-Тепе. Выбравшись из лабиринта кабульских улиц, наша автомашина мчится по новому шоссе среди степных просторов, навстречу предгорьям Гиндукуша. Перед Салангом военизированная охрана осматривает машину, но, узнав, кто мы и откуда, радостно улыбаются и желают счастливого пути. Поднят полосатый шлагбаум, и мы медленно въезжаем на перевал. Вот, наконец, полукруглая арка, и начинается слабо освещенный электрическими лампочками туннель, после которого совсем по-другому воспринимаются и лазурь прозрачного осеннего неба и солнечные блики на поверхности речушек, журчащих далеко внизу по узкому ущелью. По обочине шоссе спешат в школу босоногие ребяташки, одетые в пестрые туркменские и узбекские халаты, мягкий, певучий персо-язычный говор сменяется твердым тюркским выговором. Мы в Северном Афганистане, населенном в основном узбеками и туркменами, которые, кстати, и составляют основную массу рабочих-землекопов в нашей экспедиции.

В Шибирган въезжаем в погожий октябрьский день. Это небольшой зеленый городок, населенный по преимуществу узбеками, центр газовой промышленности Афганистана, отсюда по газопроводу идет газ в Узбекистан. Именно поэтому в городе большая колония советских специалистов, помогающих в эксплуатации газовых месторождений. Живут они здесь годами с семьями, и, когда идешь по городу, создается впечатление, что находишься в Узбекистане - отовсюду слышна смесь русских и узбекских слов. И уже вскоре перестаешь удивляться, когда на типичном восточном базаре, покрывая местный говор, вдруг раздается: «Ваня, помидоры не забудь купить!»

Визит к новому губернатору заканчивается несколькими телефонными звонками, и вскоре мы устраиваемся в удобном особняке, который нам временно предоставляет местное начальство. Это маленькая ведомственная гостиница министерства газовой промышленности Афганистана, предназначенная для приезжих специалистов-газовиков, но, оценив ее удобства, мы остановились в ней на весь экспедиционный сезон. Здание гостиницы представляет собой каре из нескольких помещений с уютным внутренним двориком, отграниченным от внешнего мира высокими стенами с маленькой калиткой. Позднее в связи с характером наших находок мы по достоинству оценили все эти преимущества.

Итак, раскопки Тилля-Тепе начались. Одна группа рабочих-землекопов под руководством Теркеша Ходжаниязова приступила к раскопкам внутри бывшего сооружения, другая - во главе с Зафаром Хакимовым начала раскоп по внешнему фасу, вдоль оборонительной стены, обнаруженной еще в прошлый полевой сезон.

В результате двухнедельных раскопок выявился контур монументального сооружения, оплывшие руины которого со временем образовали холм Тилля-Тепе. Строители этого сооружения выбрали небольшое естественное возвышение и возвели на нем высокую, шестиметровую платформу из сырцовых кирпичей прямоугольной формы. Почти квадратная в плане платформа была обнесена по внешнему краю высоченной кирпичной же стеной с круглыми угловыми башнями и дополнительными башенками посередине каждого фаса. В процессе раскопок внутри оборонительных стен уже вскоре появились верхушки кирпичных колонн.

С первых чисел ноября погода с каждым днем стала ухудшаться. С Амударьи тянуло

сыростью, промозглый ветер нагонял морозящие тучи. И к середине ноября мы стали подумывать о досрочном завершении раскопочных работ. Особенно испортилась погода к 12 ноября – всю ночь моросил дождь, тяжелые тучи почти накрыли наш холм, и уже в середине следующего дня мы вынуждены были прервать раскопки. Среди находок того, казалось бы, обычного рабочего дня была одна, которая хотя и привлекла наше внимание, но по достоинству оценить ее мы тогда не сумели. Это были обломки заржавевших железных полос с торчащими из них железными же гвоздями. Одна из таких полос, согнутая под прямым углом, напоминала скобу, некогда прибитую гвоздями к доскам.

Весь следующий день, 13 ноября, опять шел дождь, и ни о каких раскопках не могло быть и речи. А 15 ноября в Кабуле открывался Международный кушанский семинар, так что уже рано утром 14 ноября я выехал в Кабул. Открытие семинара было обставлено с необыкновенной помпой. Печать, радио и телевидение комментировали его работу. И именно 15 ноября 1978 г., когда в Кабуле в конференц-зале ультрасовременного здания «Радио» состоялось официальное открытие семинара, в пригороде г. Шибиргана советскими и афганскими археологами было сделано выдающееся открытие в мировой кушанистике. В тот пасмурный день на Тилля-Тепе продолжали раскоп западного фаса крепости. Советский археолог Зафар Хакимов и его афганский коллега Абдул Хабиб Азами, наблюдавшие за этим участком работ, одновременно заметили, как в лопате одного из рабочих желтым пятном блеснула какая-то находка – среди рыхлой земли на лопате лежал золотой диск размером с пятикопеечную монету.

Позвали руководителя работ Теркеша Ходжаниязова. Немедленно работы на западном участке были приостановлены, рабочие переведены на другой раскоп, а Зафар и Абдул Хабиб принялись осторожно зачищать то место, где был найден золотой диск. Вскоре под щетками, кисточками и совками стали появляться плохо сохранившиеся кости, а затем и полуразрушенный человеческий череп. Стало ясно, что открыто древнее захоронение с незаурядными погребальными приношениями.

Теркеш в это время тщательно пересматривал кучку земли, которую рабочий набросал из раскопа в течение двух предыдущих дней. Труд Теркеша оказался не напрасным. В отброшенной земле было обнаружено 164 золотые бляшки, которые преспокойно пролежали здесь без всякого присмотра с 13 ноября! Но дальше так продолжаться не могло. Сразу же в известность были поставлены местные власти, и вскоре военизированная охрана заняла пост на Тилля-Тепе. Сначала это были сменяемые посты, но после обнаружения новых могил на раскопы провели электричество, установили прожекторы, пригнали два полевых вагончика, и в них жили 15—20 солдат военизированной охраны которая несла круглосуточное дежурство.

О находке сообщили в Кабул, и уже 18 ноября я выехал на место раскопок. До перевала Саланг, как всегда в это время года, мягко пригревало осеннее солнце, но после перевала, ближе к бактрийской равнине, погода стала ухудшаться, и к Тилля-Тепе мы приехали в середине пасмурного осеннего дня. Всю дорогу в голове вертелись одни и те же мысли: что это – клад или погребение и к какому времени все это относится? Ведь открытие произошло в мое отсутствие и, кроме самого факта – найдено золото, – я больше ничего не знал.

Свернув с асфальтового шоссе на дорогу к Тилля-Тепе, мы увидели, что у холма стоит много грузовых машин, пассажиры которых плотным кольцом окружили место раскопок. В дальнейшем это будет наиболее типичная картина, и в те редкие дни, когда посетителей было мало, мы чувствовали себя несколько потерянными и забытыми.

Первым встретил нас Теркеш, и он же показал «золотое» погребение. Прошло всего три дня с момента обнаружения захоронения, и оно еще оставалось почти нерасчищенным. Исключая хладнокровного, невозмутимого во всех случаях жизни Теркеша, который продолжал руководить раскопками храма на Тилля-Тепе, все остальные, сгрудившись вокруг одного скелета, в меру сил и возможностей расчищали его.

На следующий день после нашего приезда из досок и фанеры над погребением соорудили «домик», под которым расположился со своими инструментами экспедиционный ре-

ставратор Владимир Бурый. Из дощечек были сбиты ящички для инструментов, химикатов, словом, оборудовали полевую лабораторию, и в ней с утра до вечера усердно трудились два местных туркмена Чары и Гафур-ага. Работая несколько лет с советскими специалистами-археологами, они под их руководством овладели методикой реставрации. Гафур-ага – степенный и рассудительный, полная его противоположность - подвижный, крайне эмоциональный Чары, успевший, несмотря на молодость, сменить много профессий - был даже полковым барабанщиком. Мастер на все руки, ловкий и смывленный, он с самого начала легко вошел в нашу экспедицию, и вот уже семь лет был ее неперенным участником. Рядом с этими ветеранами начинал выучку новый сотрудник института археологии афганец из Кабула Ареф Иноят, решивший овладеть профессией реставратора. Это трио прочно и надолго обосновалось под крышей временного домика. Не спеша, с большой тщательностью, под завистливыми взглядами остальных сотрудников занимались они расчисткой костяка. Каждый комочек земли извлекался из могилы только пинцетом, лишь в редких случаях применялись щетки. Обнажившиеся участки костей пропитывали в несколько слоев специальными ксилоловыми и ацетоновыми растворами. Дело в том, что повышенная влажность почвы от близости современных орошаемых полей сильно нарушила костные остатки. Рыхлые, мягкие кости рассыпались при первом неосторожном прикосновении. Только тщательная консервация химикатами позволила закрепить костяк так, что его оказалось возможным извлечь из могилы и даже переправить в Кабул.

Каждая бляшка осторожно промывалась в спиртовом растворе, зарисовывалась и измерялась. Шла утомительная, кропотливая работа, в результате которой Владимиру Бурому вместе с его сотрудниками удалось воссоздать первоначальную картину захоронения.

Дельфины плещутся в Амударье?

Хотя захоронение было обнаружено после того, как Могильное сооружение практически было разрушено, тем не менее по сохранившимся деталям удалось установить, что прямоугольная могильная яма была вырублена на склоне холма в кладке заброшенной к тому времени западной стены храма. Удалось даже установить примерные размеры могильной ямы - 2,5 м в Длину и 1,3 м в ширину. К моменту раскопок дно ямы находилось на глубине около 2 м от поверхности. Сразу е насторожил факт очень примитивного устройства могильного сооружения - стены ямы не имеют даже простой глиняной обмазки. Правда, местами прослеживался белый налет, который мы сначала приняли за побелку, однако при внимательном рассмотрении оказалось, что это естественные высолы. Белые пятна на дне могильной ямы также оказались не остатками специальной побелки, а следами разложения органических остатков.

На полу могильной ямы некогда располагался деревянный гроб, днище которого крепилось к боковинам железными скобам, прочно прибитыми толстыми гвоздями. Скобы располагались попарно по обе стороны от головы, таза и стоп ног костяка, причем двух скоб на месте не оказалось, что сначала было трудно объяснить, пока мне не вспомнились железные скобы, найденные до обнаружения самого погребения. Извлекли их из реставрационной лаборатории, склеили и примерили к сохранившимся отпечаткам в земле – они подошли с завидной точностью.

Итак, деревянный гроб был скреплен железными скобами. Следующий, более сложный вопрос: была ли гроба крышка? Никаких следов деревянной трухи поверх скелета обнаружено не было, зато отпечатки ткани прослеживаются на шляпках гвоздей и железных скобах.

Из этого следует, что гроб был покрыт тканью наподобие покрывала. Казалось бы, какую научную информацию могут дать заржавленные обломки железных полос, однако, обследовав все фрагменты, наши реставраторы установили, что отпечатки ткани имеются не только на скобах, но и на днище гроба. Из этого документального факта стало очевидным, что гроб был не просто покрыт покрывалом, а плотно закутан в него.

Покойник лежал в гробу на спине, в вытянутом положении, лицом вверх. К моменту раскопок сохранились лишь скелет и украшения, некогда нашитые на погребальные одеяния. Но прежде чем обратиться к ним, отметим один, на первый взгляд, казалось бы, незначительный факт: когда под совками и щетками археологов наметились контуры скелета, мы обратили внимание, что череп лежал не строго лицом вверх, а чуть завалившись на левую щеку. Как известно, после того как труп окоченеет, члены его уже не могут сдвинуться, так что в данном случае есть все основания допустить, что смерть наступила в каких-то исключительных обстоятельствах, когда в момент смерти голова естественно отвалилась в сторону, а челюсть отвисла вниз. Как бы то ни было, но покойник лежал на спине, с руками, вытянутыми вдоль тела; носки вытянутых ног соприкасались. Мы никогда не узнаем, как случилось, что при последних минутах жизни около умирающего не оказалось ни одного близкого человека, чтобы достойно проводить его в потусторонний мир. А о том, что здесь погребено лицо, занимавшее достаточно почетное положение в обществе, можно судить по тому, что в захоронении было найдено 2,5 тыс. золотых украшений.

Естественно думать, что покойник был обряжен в несколько погребальных одеяний, на каждое из которых были нашиты сотни золотых бляшек, образовавших сплошной орнаментальный слой. Одежды сгнили, и нашивные бляшки сползли со своих мест, наслоились, создав бессистемную, хаотическую картину, которая открылась перед нами в процессе раскопок. Нанося на чертеж расположение на костяке каждой бляшки, мы получили сложное декоративное панно, которое, к сожалению, ничего не дало для воссоздания первоначального вида погребения. Было от чего прийти в отчаяние.

Пришлось перейти к послойной графике, изготовить несколько последовательных чертежей и наносить на них украшения только одного определенного слоя. Хотя не все получалось так, как хотелось бы, но послойная фиксация позволила, хотя и чисто формально, разделить всю массу золотых бляшек на несколько слоев, внутри которых стала намечаться некоторая закономерность встречаемости разных типов нашивных украшений.

В результате скрупулезной аналитической работы удалось добиться некоторых положительных результатов. Тот факт, что основная масса нашивных бляшек располагалась от головы до бедер свидетельствовал о том, что именно верхняя часть одежды была украшена наиболее богато. От одежды помимо нашивных бляшек сохранились еще и золотые нити золототканого шитья. Сами золотые нити сохранили волнообразную форму, что предполагает поперечные нити либо хлопковые, либо шелковые, совершенно сгнившие к этому времени. Золотые нити были обнаружены только под костяком — из этого наблюдения мы сделали вывод, что золотыми нитями было расшито либо покрывало, которым был устлан изнутри гроб, либо короткая накидка или плащ, что представляется более вероятным. Золотые нити располагались под скелетом не сплошь, а многослойными отдельными участками, отмечая тем самым крупные орнаментальные узоры, вышитые на общем фоне простой ткани. На отдельные золотые нити нанизано множество жемчужин. Можно представить, как эффектно выглядели погребальные одеяния, расшитые золотым шитьем с белоснежными жемчужинами, которые образовывали сложные, преимущественно растительные узоры, окаймленные золотыми нашивными бляшками. Видимо, на эту же золототканую накидку было нашито семь золотых пластин с однотипными рельефными изображениями коленопреклоненного человека, на плечах которого лежит туша дельфина, в правой руке человек держит предмет, отдаленно напоминающий весло. Голова слегка повернута в сторону, лицо широкое, с крупным носом и чуть тронутыми в легкой улыбке губами, волосы короткие, видимо, курчавые. Узкая талия перехвачена поясом, из-под которого в стороны расходится четко моделированный трилистник. Из-за плеч спускаются длинные, возможно, пальмовые листья, в основании пластин помещены три кружка. Дельфин изображен достаточно реалистично, однако рыба чешуя на его теле показывает, что мастер довольно смутно представлял себе это животное, придав ему рыбы признаки. Это указывает на

местное, бактрийское изготовление украшения. Морская тематика невольно вызывает в памяти сюжеты, связанные с греко-римским искусством, где образ дельфина занимает одно из ведущих мест. Очевидно, что и сама композиция навеяна прикладным искусством Средиземноморья, получившим в Бактрии местную переработку (рыбья чешуя на теле дельфина).

Бляшки с рельефными изображениями людей с дельфинами были обнаружены в один из первых дней исследования первого захоронения, когда мы еще не знали с точностью, к какому же времени оно относится. Античная тематика этих бляшек сразу же сузила хронологические рамки, но все же точно датировать погребение мы не могли. Забегая вперед, скажем, что точный ответ находился в одной из коробочек, в которые мы ссыпали мелкие обломки костей, обрывки золотых нитей, кусочки немногих металлических предметов, словом, всю ту мелочь, для специального изучения которой у нас тогда не было свободного времени. Среди немногих металлических обломков был маленький, размером с двухкопеечную монету, сильно окислившийся серебряный кружочек. Это была древняя, плохо сохранившаяся монета, чеканенная за 20 веков до наших дней в подражание монетам греко-бактрийского царя Евтидема. Такие монеты чеканились в то смутное время, когда Греко-Бактрийское царство уже было разгромлено, а Кушанская империя еще не возникла.

После послойной фиксации на чертеже нашивных бляшек удалось установить, что в верхней части костяка центральное место среди них занимали крупные, шестилепестковые розетки, нашитые в два ряда в виде широкой полосы, опоясывающей грудь и переходящей на спину. Сверху и снизу эта полоса окаймлена мелкими цилиндрическими бляшками. Сзади на шее золотые застежки в виде двух массивных литых выпуклых дисков с крючком и петлей для застегивания. Не исключено, что именно этими застежками платье скреплялось сзади, если только не плащ, но в таком случае следует допустить, что застежки с груди во время погребения сдвинулись на спину.

Итак, мы установили, что верхняя часть одежды была расшита широкой горизонтальной полосой из шестилепестковых розеток, оконтуренных сверху и снизу цепочкой золотых цилиндров. К плечам от этой орнаментальной полосы отходят своеобразные бретельки, расшитые тремя рядами золотых бляшек-треугольников, инкрустированных трилистников и полусфер из бирюзы. В небольшом количестве сюда же были нашиты инкрустированные бирюзой, лазурином или гранатами миниатюрные золотые «бантики», украшенные мелкой золотой зернью. Украшения верхней передней части одежды завершала массивная литая золотая пятилепестковая брошь, инкрустированная бирюзой и жемчугом. Судя по ее месторасположению под челюстью, она была нашита на платье спереди у ворота.

Еще более богато были украшены складчатые рукава. От плечей и до манжет они были расшиты горизонтальными кольцевыми полосами, состоящими то из нашивных золотых «жучков», инкрустированных бирюзой и зернью, то из двойных спиралей, то из квадратных бляшек, украшенных бирюзовыми вставками или рельефными розетками. Но особенно много золотых полусфер. Это буйство золотого шитья заканчивалось на манжетах строгой горизонтальной полосой из нескольких рядов золотых «жучков», цилиндров, трубочек.

Кроме перечисленных есть и другие типы нашивных бляшек, но представлены они в единичных образцах, что затрудняет их полное определение. У правого плеча обнаружили две парные золотые бляшки в виде цветка со свисающими золотыми дисками, однако к чему они были пришиты так и осталось невыясненным. Трудно сказать, к чему относится чудесное золотое изделие в виде барабанчика, украшенного вставками из кроваво-красных гранатов, голубой бирюзы и матово мерцающего на солнце перламутра. Удалось лишь установить, что мелкие золотые круглые бляшки с лицевыми изображениями были нашиты спереди на плечах, точно так же, как бляшки в виде «бантиков», круглые розетки и некоторые другие.

Небольшое количество полусферических и конических бляшек располагалось вдоль костей ног - вероятнее всего они были нашиты на длинные штаны, вправленные в мягкую обувь.

На основе приведенных фактов и наблюдений можно с достаточной долей вероятности предположить, что покойник был одет в длинное платье, грудь и рукава которого были богато

расшиты разнообразными золотыми бляшками. Бляшки, найденные у стоп ног, скорее всего украшали подол платья.

С покойником в могилу были положены его личные вещи которые, кстати, и позволили предположить пол погребенного. В первую очередь это круглая с плотно притертой крышечкой «пудреница», выточенная из слоновой кости (в ней сохранился белый слежавшийся порошок, удивительно близко напоминающий пудру), а также туалетная плетеная корзиночка с полным набором косметических принадлежностей - мерцающие черными бликами кристаллы (возможно, сурьмы), миниатюрная серебряная коробочка с крышкой, украшенная тончайшей растительной гравировкой, коробочка, выточенная из слоновой кости, железные щипчики с деревянной ручкой, костяная с заостренными концами палочка, ярко-розовые кусочки «румян» и белые комочки «белил». Налицо полный косметический набор, могущий удовлетворить самый взыскательный вкус не только древних, но и современных модниц. Наши предположения подтвердили антропологи, установившие, что это захоронение молодой женщины в возрасте около 30 лет.

На шею умершей была надета витая золотая цепочка с удивительно простой застежкой в виде двух вставленных один в другой цилиндров, укрепленных золотым гвоздиком. В момент расчистки погребения застежка находилась спереди — видимо, при погребении гроб сильно качался и цепь сползла в противоположную от первоначального положения сторону.

Волосы закалывались на затылке булавкой с золотым навершием, украшенным жемчугом и свисающими золотыми листиками; на мочке правого уха висела массивная, весом около 20 г золотая серьга, точнее, клипса в виде лады. Богато украшенная мелкой зернью, орнаментированная золотыми же напаянными полосками, серьга по форме удивительно близко напоминает серьги аналогичной формы из скифских захоронений Южной России. Мы вряд ли когда-нибудь узнаем почему в могиле находилась лишь одна серьга, вторая, парная ей, могла быть похищена при погребении.

На мизинце левой руки надето сильно стертая скромное золотое колечко с простым орнаментом в виде кружка и двух миндалин. В противоположность явно парадным украшениям это колечко выглядит будничным, каждодневным, и скорее всего, однажды надетое оно уже никогда не снималось с пальца. Эта, казалось бы, скромная находка «заиграет» позднее, когда в другом захоронении будет найдена точная ее копия.

Сотни и тысячи всевозможных бляшек, оттиснутых или отлитых в специальных формах, бесспорно указывают на существование мастеров-ювелиров, неустанно трудившихся в своих мастерских. Еще более тонкая и тщательная работа требовалась от резчиков по камню, которые вытачивали из разных пород камня подчас микроскопические вставки. Все это предполагает кооперацию, когда в одной мастерской, под одной крышей работали мастера нескольких специальностей, и в первую очередь ювелиры и резчики по камню. В самом деле, для каждого инкрустированного украшения нужно было выпилить и отшлифовать вставку определенной формы и размера, что было возможно лишь при совместной работе.

Вот так через споры и сомнения, догадки и предположения проходило изучение этого погребения, пока чрезвычайное происшествие не нарушило рабочую атмосферу в фанерном домике, где изо дня в день трудились археологи. Непоседливый, легкий на ногу Чары то строил домик над захоронением, то пропитывал химикатами кости скелета, то расчищал все новые золотые украшения. Словом, был мастером на все руки. А дальше все разворачивалось как в плохом детективном романе. Однажды он попросил сигарету у молодого инспектора Арефа, который протянул ему всю пачку. Через час Ареф захотел закурить и попросил Чары вернуть ему сигареты. Получив пачку, он сел в сторонке и, вытягивая сигарету из пачки, невольно обратил внимание на табачные крошки, забившиеся под прозрачную обертку пачки. Его внимание привлекла голубоватая соринка. Осторожно высыпав табачный мусор на ладонь, он увидел бирюзинку, очень похожую на те, которыми были инкрустированы золотые украшения. Срочное совещание, и уже вскоре Чары выгружал содержимое своих карманов. У меня еще теплилась надежда, что, кроме обычных вещей, там ничего не окажется, но вот как беспощадный приговор - несколько золотых бляшек, жемчужины, бирюзовые вставки. Под подушкой «коллекционера» обнаружены мелкие золотые украшения. Чары был с позо-

ром изгнан, но урок пошел нам на пользу. Пришлось коренным образом пересмотреть всю нашу систему регистрации и хранения находок. Теперь в конце каждого рабочего дня все извлеченные из захоронения украшения тщательно описывались, протоколировались и учитывались в специальной описи. Уставшие, голодные, замерзшие археологи вместо того, чтобы спешить в домашнее тепло, по нескольку раз пересчитывали десятки, а чаще сотни однотипных золотых бляшек. Очень часто мелкие, размером в копейку, бляшки произвольно западали одна в другую, вместо двух получалась одна, и итоговая сумма не совпадала, а ведь нередко нужно было пересчитать и запротолировать до 300—400 бляшек.

Принц или нищий?

Когда утихли первые восторги по поводу «золотого» погребения, были продолжены общие раскопки древнего храма на Тилля-Тепе. Уже 18 ноября в траншее, заложенной вдоль северного фаса крепости, появился венчик металлического сосуда и вместе с ним надежда на обнаружение второго погребения. Однако уже через день - 20 ноября - мне пришлось снова выехать в Кабул, где продолжался Кушанский семинар. Я ознакомил делегатов семинара с золотыми находками - первая реакция была достаточно сдержанной, и лишь директор французской археологической миссии Поль Бернар, искренне поздравив меня, сказал: «Виктор, я уже 15 лет копаю Ай-Ханум, но не встретил еще ни одного неразграбленного захоронения».

Вечером 24 ноября я вернулся в Шибирган, а на следующее утро мы с Абдул Хабибом приступили к исследованию металлического сосуда, что крутым боком торчал в обресе траншеи. Умудренные печальным опытом случайного обнаружения первого захоронения, когда из-за невольного разрушения могильной ямы многие наблюдения не могли быть сделаны, мы теперь проявили максимум осторожности. Для начала на верху траншеи, над металлическим сосудом расчистили площадку, на которой после тщательной зачистки появилось прямоугольное «пятно», отличающееся по цвету и плотности от остальной земли. Условно приняв «пятно» за возможную могильную яму, мы стали осторожно углубляться вдоль ее стенок, слой за слоем снимая довольно рыхлую по структуре землю, перемешанную с кусочками сгнившего дерева. На глубине около 1,5 м от поверхности появился верх гроба и первые золотые и серебряные диски. Наконец, на глубине около 2 м оконтурился пол могильной ямы, покрытый тонким беловатым слоем, поверх которого местами прослеживались черные и красноватые пятна, представляющие собой скорее всего продукты разрушения органических остатков.

Впервые с документальной точностью стало ясным устройство могильных сооружений на Тилля-Тепе. Поскольку погребение оказалось расположенным на участке Абдул Хабиба, решено было предоставить право раскопок ему, тем более что в свое время мы имели возможность оценить его как археолога. В нашей экспедиции Абдул Хабиб начал работать в 1970 г. Перед этим он около двух лет учился в Киеве и Ленинграде, но из-за семейных обстоятельств вынужден был вернуться домой в Афганистан, стал работать в институте археологии Афганистана и вскоре был направлен в нашу экспедицию. Впервые он приехал на раскопки в окрестности Балха. Мы тогда жили в песках на древнем памятнике в большой брезентовой палатке. Абдул Хабиб приехал в белой накрахмаленной рубашке, модном галстуке, отглаженных брюках и начищенных до блеска ботинках. Его представления о полевой археологии в основном были почерпнуты из популярных журналов и книг: романтические археологи, которые чуть ли не каждый день извлекают из земли то беломраморную статую, то художественный сосуд, то клад золотых монет. Действительность, конечно, оказалась иной: привозная за многие километры вода, черствый хлеб, десятки рабочих-землекопов, под лопатами которых вместо сокровищ появляются, да и то лишь изредка, черепки невзрачной посуды, да столбы едкой пыли. Изнурительная работа изо дня в день. Хотя мы отвели ему в

нашей 10-местной палатке самое удобное место, чувствовал он себя на первых порах не совсем уютно. Окончательный удар романтическим иллюзиям был нанесен в тот день, когда более суток бушевала песчаная буря. Казалось, настал конец света, палатка дрожала на веревках и беспросветная пыльная мгла как будто навечно окутала землю. После бури Абдул Хабиб переоделся в рабочую робу и вот уже в течение многих экспедиционных сезонов наравне с нами делил тяготы полевой жизни. Уже вскоре он проявил незаурядные способности, особенно в детализированной расчистке мелких археологических объектов, набирая год от года все больший опыт. И вот теперь ему доверили самостоятельную расчистку "золотого" прогребения, с которой он справился с завидным профессиональным мастерством. Проявив спокойствие и твердость, Абдул Хабиб сумел сохранить свою научную самостоятельность перед лицом вольных и невольных советчиков и успешно завершил доверенную ему работу.

Но вернемся к началу изучения второго погребения. Стало очевидным, что могила была вырыта на склоне заброшенного к тому времени холма. Глубина могильной ямы примерно 2 м, пол ямы заровняли и, возможно, на веревках спустили гроб. Расчищая землю внутри могильной ямы, мы обратили внимание на слой деревянной трухи, который от верхних краев ямы сужающимся конусом опускался до самого гроба. Стало очевидным, что это сгнившее деревянное перекрытие, которое обрушилось под тяжестью насыпной земли. В этом случае следовало допустить, что первоначально, после того как гроб был опущен в могильную яму, его не забросали землей, а замуровали в пустотелой камере. Для этого на верху могильной ямы были сделаны уступы, на которые положили деревянные плахи перекрытия и уже на него насыпали землю. Лишь по прошествии достаточно длительного времени подгнившее перекрытие рухнуло, и насыпная земля заполнила могильную камеру. К моменту раскопок воронка от могильной ямы заполнилась намывной землей, сровнявшись с поверхностью холма.

Гроб был сколочен из широких досок, причем днище с боковыми стенками крепилось железными скобами, прибитыми железными же гвоздями. В первом погребении мы не нашли следов крышки гроба, так что на этот раз с особой тщательностью приступили к расчистке верха гроба. Однако вместо следов сгнившего дерева от предполагаемой крышки мы обнаружили на верхней части гроба тонкие серебряные и золотые диски с отверстиями у края для крепления. Сопоставление этих и других фактов привело нас к выводу, что диски были нашиты на покрывало, в которое был закутан гроб.

Более того, есть основания думать, что сам гроб по крайней мере в изголовье и изножии был обмазан толстым слоем гипса, поверх которого и было наброшено покрывало. Видимо, гроб не имел крышки, и на покойника сверху было наброшено лишь тонкое, украшенное золотыми и серебряными дисками покрывало, которое гвоздями прибили к верхней части гроба.

Покойник лежал на спине в вытянутом положении, головой на север, лицом вверх. Расчистку костяка начали с черепа. В том месте, где мог находиться головной убор, обнаружили хаотическую россыпь золотых бляшек в виде конусов, со свободно свисающими на проволочке золотыми же дисками. Когда расчистка у изголовья была закончена, мы обратили внимание, что слой бляшек, густо облепивших верхнюю часть черепа, сужался, образуя контур головного убора конической формы. Так нетленный благородный металл позволил через века восстановить и реконструировать форму давно сгнившего и превратившегося в тлен высокого головного убора типа тиары.

Считается, что головные уборы конической формы были характерны для скифов, что подтверждается данными археологических раскопок. В самом деле, остроконечные шапки украшают головы скифов на рельефах Бехистунской скалы, дворца в Персеполе, на золотых пластинах Амударьинского клада, на сосудах из Куль Обы и других памятниках изобразительного искусства Древнего Востока. Тиара, украшенная нашивными бляшками, венчает голову кушанского принца, каменное изваяние которого обнаружили археологи в Матхуре. Сходной формы головные уборы отмечены на головах парфянских царей, как они представлены на монетах. И кушаны и парфяне были связаны с кочевой средой, так что головные уборы конической формы могут являться глухим отзвуком более далеких скифских кочевнических традиций. Наконец, в

Халчаяне, на юге Узбекистана, был раскопан дворец со скульптурным фризом, на котором изображен государь в конусообразном головном уборе. Как видно из приведенных примеров, высокая коническая шапка — символ власти, на всех изображениях она венчает голову правителя. И вряд ли будет натяжкой предположение, что коническая тиара во втором погребении скорее всего указывает на высокое положение, которое занимал умерший при жизни. Кто знает, не восседал ли он подобно халчаянскому государю на троне? При властном повороте его головы позванивали десятки золотых дисков на его тиаре.

При расчистке черепа выяснилось, что обрушившееся еще в древности перекрытие могилы сильно нарушило лицевые кости и на лобной кости от левой глазницы идет глубокая трещина. По обе стороны от висков под слоем рыхлой, комковатой земли обнаружили две однотипные головные булавки. Обе они имеют бронзовые, заостренные на концах стержни, противоположные концы украшены золотыми, унизанными жемчугом наверху, которые представляют собой Диск с коническим выступом, украшенным в центре бирюзинкой. На плоскости диска по кругу от основания конуса до его вершины поднимаются золотые проволочки, унизанные жемчужинами и мелкой золотой зернью. От этого своеобразного бутона на проволочке свободно свисают диски и крупный полумесяц, с концов которого тоже свисают золотые диски. Подобранные под тиару волосы, заколотые спереди такими булавками с раскачивающимися дисками и полумесяцами, надо думать, производили эффектное впечатление.

Углубляя расчистку, мы обнаружили под головными булавками подвески - подлинное произведение искусства древних мастеров. Уверенно и вместе с тем предельно осторожно заметал Абдул Хабиб кисточкой комочки земли на совок и ссыпал их на фанерный планшет. Его помощник из местных рабочих еще раз пропускал отработанную землю через свои руки, разминая каждый комочек, чтобы удостовериться, не осталось ли там какое-либо незамеченное украшение. Очередной взмах кисточки, и нам открылось удивительное лицо человека, отлитое в благородном металле. Как оказалось, по обе стороны от головы покойника до его висков с тиары свисали тяжелые литые золотые подвески с одинаковыми двусторонними изображениями, условно названные нами «государь и драконы». В центре каждой подвески помещена фронтально развернутая человеческая фигурка. Бесстрастное лицо с узкими, порысы поставленными глазами, отчеркнутыми тонкими линиями бровей. Нависшая над переносицей утолщенная складка лба украшена в середине индийской точкой-тикой. Прямой, чуть расширяющийся на конце нос с выделенными ноздрями, узкая щелка рта и выступающий волевой подбородок создают властный и суровый облик государя. А о том, что изображен именно государь, можно было с уверенностью говорить после того, как из-под слоя пыли на голове фигурки проступила миниатюрная корона в виде поднимающихся вверх ступенчатых пирамидок, инкрустированных бирюзовыми лазуритовыми вставками.

Из-под короны по обе стороны лица спускаются пышные волосы, разделенные на косые пряди. На шее гривна, ниже которой проступает рубаха с глухим воротом. Поверх рубахи короткий кафтан, перехваченный в узкой талии кушаком, из-под которого широко в стороны расходятся складчатые полы. Кафтан запахнут на груди так, что плотно обтягивает торс; широкие складчатые рукава на расставленных в стороны руках с ладонями, сжатыми в кулак, заканчиваются узкими манжетами. Из-под кафтана до пят ниспадает стилизованно выполненная пышная юбка, украшенная крупными бирюзовыми вставками-миндалинами.

По обе стороны от государя расположены однотипные фигуры крылатых фантастических существ типа драконов, богато инкрустированные бирюзовыми и гранатовыми вставками. Рогатые, лошадиноподобные морды с широко разинутыми зубастыми пастьями с выделенными мускулами щек и зло прижатые уши передают явно устрашающий образ. Изогнутые шеи, украшенные вздыбленной гривой из торчащих вверх бирюзовых миндалин, переходят в немыслимо выгнутые назад тела. Короткие передние лапы с бирюзовыми копытами упираются в кулаки широко расставленных рук государя. Задние ноги чудовищ неестественно вывернуты в обратную сторону, между ними пропущен длинный хвост, который извиваясь продолжается под животом. От нижнего края этой сложной композиции свисают витые золотые цепочки, образующие ажурную сетку,

украшенную золотыми дисками и фигурными розетками, инкрустированными самоцветами. Корона, венчающая голову фигурки, заканчивается колечком, за которое подвески крепились, по всей видимости, к головному убору, в данном случае к описанной выше тиаре.

Такова явно тематическая композиция золотых подвесок из второго погребения. Сама тема «государь-драконоборец» широко распространена в древнейшем искусстве Передней Азии, особенно в древнем Лурестане (Иран). Близкая тема известна и в искусстве Древней Греции. Не решая до конца вопрос о конкретном происхождении рассматриваемого сюжета, отметим характерные особенности иконографии и стиля подвесок «государь и драконы»; Прежде всего это касается формы короны, венчающей голову государя и состоящей из ступенчатых пирамидок, инкрустированных самоцветами. В античном средиземноморском мире ни в Греции, ни в Риме короны известны не были, их заменяли диадемы. Неизвестны они как будто и в самой Бактрии, по крайней мере в период Греко-Бактрийского царства.

Когда при расчистке подвесок из-под слоя земли появились ступенчатые зубчики короны на головах государей, первая мысль была - это сасанидский тип короны. В самом деле, памятники искусства сасанидского времени (IV-VI вв. н. э.) дают многочисленные изображения государей, головы которых венчают ступенчатые короны. У нас даже появилось опасение - не раскапываем ли мы могилы именно этого относительно позднего, сасанидского, времени. Ведь тогда мы еще не знали с точностью, к какому периоду древней истории Афганистана относятся могилы Тилля-Тепе, хотя надеялись, что они принадлежат раннекушанским царям, ведь Бактрия была ядром Кушанской империи, а Тилля-Тепе располагается в центре Бактрии.

Казалось бы, легче всего было решить вопрос с помощью нумизматических справочников, где на монетах изображены кушанские государи. Однако просмотр соответствующих каталогов показал, что короны такого типа там отсутствуют. Зато близкие по форме короны известны среди памятников предшествующего, иранского, ахеменидского искусства.

В этом отношении неоценимую помощь нам оказал так называемый Амударьинский клад, полудетективная история открытия которого до сих пор остается загадкой. Наиболее вероятна следующая версия: в конце прошлого века трое бухарских купцов, следуя из Средней Азии через Афганистан в Пакистан, остановились на отдых на правом берегу Амударьи в местечке Кобадан и приобрели там у местных жителей коллекцию древних золотых предметов. По словам последних, золотые изделия были обнаружены ими в то время, когда вода подмыла и обрушила береговой участок Амударьи. В пути каравая купцов ограбили разбойники. В дело вмешались английские пограничные чины, сумевшие вернуть многие из похищенных вещей. Наконец, купцы благополучно прибыли в г. Равалпинди, где продали большую часть клада представителям английской археологической службы. В конечном счете коллекция попала в Британский музей, где хранится и поныне.

До сих пор с точностью неизвестно, откуда происходит клад. До последнего времени полагали, что он был найден на городище Тахти-Кувад (Южный Таджикистан), поверхность которого сильно изрыта местными кладоискателями. Однако несколько лет тому назад советские археологи при раскопках в Таджикистане на так называемом Каменном городище остатков храма нашли высокохудожественные изделия античного ювелирного искусства, в чем-то перекликающиеся с коллекцией Амударьинского клада. Будущее покажет, откуда же точно происходит великолепная коллекция Амударьинского клада, но уже сейчас можно утверждать, что отдельные ювелирные изделия ее имеют много общего с погребальными приношениями из могил Тилля-Тепе. В частности, в Амударьинском кладе есть золотая статуэтка человека в короне со ступенчатыми зубцами¹ точно такими, как на короне у государя, борющегося с драконами. По заключению специалистов, корона из Амударьинского клада относится к ахеменидскому времени, и тогда, по нашему мнению, ее можно считать прототипом более поздних, в том числе раннекушанских корон, каковой и является подвеска «государь и драконы». Позднее, в период Империи Великих Кушан, ее государи отказались от иноземных «персидских» корон, и поэтому на многочисленных кушанских монетах мы видим разнообразные по форме, восходящие в конечном счете к кочевническим шапкам короны, но не зубчатые - ахеменидского типа.

Любопытно, что среди вещей Амударьинского клада имеются две золотые статуэтки стоящих мужчин, одетых в подпоясанные кафтаны, поверх которых наброшены длинные одеяния² типа халатов, полы которых выполнены тонкой гравировкой, передающей либо меховую оторочку, либо нашивные золотые украшения.

Оставив вопрос о том, откуда конкретно была навеяна идея царя-драконоборца в среду древнебактрийских ювелиров, отметим один установленный факт, а именно: изображение вывернутых назад ног животных крайне редко встречается на Востоке (Иран) и в Европе (Греция, Рим). Зато неожиданно истоки этого характерного приема уводят нас в кочевой скифский мир, где изображения животных с вывернутыми назад ногами не только не редкость, а, напротив, наиболее популярный и распространенный прием.

Ниже мы еще вернемся к объяснению этой явно случайной особенности, здесь же остановимся на другом.

В чертах лица (возможно, портретное изображение) государя передан определенный этнический тип. Но какой? Типично азиатское широкоскулое с раскосыми глазами лицо, нависшая над переносицей тяжелая надбровная складка. Вспомним скульптурные портретные изображения во дворце раннекушанского времени в Халчаяне. Именно здесь на главных скульптурах отмечаются сходные, если не идентичные антропологические типы: резко выступающие надбровья, тяжелое утолщение над переносицей - все характерные черты образа государя на подвесках из Тилля-Тепе. В свою очередь, предполагается, что портреты из Халчаяна близки с изображением на монетах первого кушанского царевича - Герая, чеканенный профиль которого в главных деталях, как считают, совпадает с типом основных халчаянских скульптур. Специалистам еще предстоит выяснить, насколько правомерно это само по себе вполне вероятное предположение, для нас же важно общее сходство халчаянских и тиллятепинских изображений.

Если учесть, что в рассматриваемой могиле погребено было бесспорно выдающееся лицо, возможно местный царевич нарождающейся династии, то естественно полагать, что мастер-ювелир, получив заказ на изготовление подвески с государем - драконоборцем, изобразил наиболее характерные этнические признаки правящей элиты. Тот факт, что ювелир изобразил монголоидный тип лица, может указывать на происхождение местной династии, царственные представители которой погребены в родовом некрополе на Тилля-Тепе. Можно также допустить, что на подвесках портретное изображение реально существовавшего государя.

Забегая вперед, отметим, что по времени эти могилы совпадают с приходом в Бактрию большой массы кочевых племен, руководящую роль среди которых занимало племенное объединение кушан, некогда кочевавшее на степных просторах около современной Монголии и Китая. Очевидно, что монголоидное по типу население и играло в то время руководящую роль в исконно традиционной восточноиранской среде древней Бактрии.

Дополнительные доказательства этому предположению мы нашли чуть позднее, продолжая расчистку нижней части черепа: нижняя челюсть «от уха до уха» была подхвачена золотой лентой. Удалось установить, что это была специальная подчелюстная лента, при помощи которой подвязывалась нижняя челюсть, чтобы не дать ей отвалиться в момент смерти - погребальный обычай, до сих пор практикующийся у многих народов. Вдоль ленты оказались рассыпанными золотые цветочки с дисками, которые скорее всего крепились нитками к подчелюстной ленте, что отчасти подтверждается многочисленными дырочками, пробитыми по краям подчелюстной ленты. Сняв ленту и россыпь золотых цветочков, мы чуть глубже и ниже обнаружили золотую фигурку крылатой женщины. Голова ее в высоком конической форме тюрбане, из-под которого вниз спускаются прямые волосы, дана в трехчетвертном повороте. Короткая шея переходит в торс, опоясанный крест-накрест, видимо, ремнями, между которыми выступают небольшие конические груди с выделенными сосками. Узкая талия подчеркивает округлый живот и пышные бедра, опоясанные витым тугим жгутом, от которого к ногам мягко ниспадают складчатые одежды, собранные внизу по подолу в крупные оборки. Левая, чуть согнутая нога выставлена вперед так, что из-под подола выступает вся ступня; пра-

вая - отставлена назад, и виден лишь носок ступни. Обе руки полусогнуты и как бы опираются на «колоннаду», причем в ладони левой руки зажат какой-то плод (предположительно гранат). На левой «колонне» маленькая фигурка пухлого крылатого эрота со схематичным, еле намеченным лицом: руки вытянуты вперед, в левой зажат лук. Лицо женщины широкоскулое, нос прямой, под тяжелой надбровной складкой. В целом черты лица повторяют тип, известный нам по изображению государя на подвесках «государь и драконы».

Образ полуобнаженной женщины, в композиции с фигуркой эрота, не оставляет сомнения в том, что изображена богиня типа греческой Афродиты, однако непропорционально приземистая, коротконогая фигура с безобразно выпирающим животом полностью противоречит общепринятой иконографии богини любви греческого пантеона. Очевидно, мастер воплотил в своем творении традиционные представления о женской красоте, распространенные в среде пришедшей кочевой аристократии. И кто знает, не изобразил ли он обобщенный образ женского божества, вольно или невольно придав ему характерные этнические признаки пришельцев-кочевников. Конечно же, в это время здесь имелись как свои бактрийские, так и греческие мастера, но никто из них, следуя традициям эллинистического искусства, не стал бы изображать Афродиту в таком «варварском» облике. Вероятно, в это время на смену реалистическому эллинистическому искусству постепенно приходит новое, характеризующееся застывшими, окаменелыми формами. И естественно думать, что эти формы отнюдь не являются показателем снижения общего уровня мастерства, они лишь отражают запросы новых царственных лиц, продолжавших придерживаться древних традиций своих предков.

Еще одна деталь свидетельствует о глубоко местном образе женского божества. Это - отход от канонического образа Афродиты - она изображена с крыльями за плечами. Ни греческая Афродита, ни римская Венера никогда не изображались крылатыми. Зато крылатые женские божества были широко распространены в Бактрии эпохи бронзы, что документируется древними печатями с их изображением. Не исключено, что образ через века, хотя и претерпев изменения, просуществовал до эллинистического времени и слился с образом греческой богини Афродиты. В результате слияния глубоко местных и пришлых образов создан образ нового божества, более широкого по своему значению, чем богиня любви и красоты - Афродита. Яркое свидетельство тому плод, зажатый в руке у Афродиты Кушанской, скорее всего гранат - общепризнанный атрибут плодородия восточной богини Анахиты. Это дает основание думать, что Афродита Кушанская олицетворяла и восточноиранскую богиню плодородия типа Анахиты и греческую богиню любви и красоты Афродиту. Таким образом, перед нами пример не только слияния привнесенных и традиционных местных образов, но и сложения новых бактрийских божеств в постэллинистический период.

Но вернемся к другим украшениям этого захоронения. На шее умершего было ожерелье, составленное из крупных пустотелых золотых бус, отлитых в виде округлых многогранников, украшенных мелкой, напаянной зернью, и крупных бус, выточенных из слоновой кости, окрашенных в черный цвет с золотым ободком посередине. Ожерелье застегивалось двумя конической формы застежками, богато украшенными замысловатым геометрическим орнаментом из напаянной золотой зерни.

Вся верхняя часть скелета оказалась буквально усыпанной золотыми бляшками разных форм и размеров, безнадежно перемешанных между собой. Бляшки, некогда пришитые на одежды в определенном порядке, после того как ткань сгнила, сползли со своих мест, наслоились одна на другую, и создалась та, казалось бы, хаотическая картина, которая открылась нам при расчистке.

Тем не менее в результате скрупулезной аналитической работы удалось воссоздать примерную картину погребальных одеяний. На покойнике была длинная рубаха с глухим воротом - точная копия рубахи на государе с найденных в погребении подвесок. От шеи до подола рубаха была расшита широкой полосой из нашивных золотых полусферических бляшек, чередующихся с бляшками в виде сердечка, инкрустированных бирюзовыми вставками. По обе стороны от этой полосы были нашиты вертикальным рядом крупные золотые диски, чередующиеся с золотыми же разделителями. И диски и разделители украшены бирюзовыми

вставками. От плеч до подола рубахи нашиты широкой полосой золотые бляшки в виде полусфер и сердечек. Таким образом, вся грудь рубахи была расшита вертикально идущими от горла к подолу широкими золотыми полосами. Золотые диски того же типа, но меньшего размера были нашиты на ворот сзади.

Поверх рубахи, видимо, был надет длинный халат. На это указывают два ряда однотипных бляшек с подвешенными на проволочках дисками — начинаются они у плечей и заканчиваются ниже колен. Особенно пышно отделаны широкие манжеты рукавов, сплошь обшитые восьмью рядами разнотипных золотых фигурных бляшек в виде рифленых цилиндров, полусфер, пирамидок - мерлонов. Но бесспорно центральное место в украшении манжет занимал ряд нашивных бляшек в виде профильных изображений головок баранов. У всех них глаза инкрустированы прозрачными сердоликовыми шариками, и их ласковый блеск делает мордочки очень живыми и веселыми. Круто закрученные назад рога и лепестки-уши украшены бирюзовыми вставками, и создается удивительное по красоте сочетание голубой бирюзы и розового сердолика на желтом фоне тускло мерцающего золота.

Кроме того, на рукавах халата были нашиты амулеты-талисманы в виде выточенных из разных самоцветов миниатюрных моделей человеческих ног и рук, оправленных в золотые оковки, а также выточенные астрагалы.

Халат на груди застегивался золотыми фигурными застежками, которые мы назвали «амуры на дельфинах». Это две однотипные, но повернутые к зрителю разными сторонами пустотелые фигурки, отлитые в горельефной прорезной технике: амур сидит верхом на рыбе, которой приданы черты дельфина. Головы рыб с широко раскрытыми ртами, у одной из рта торчит крючок, а у другой - петля, при помощи которых обе половинки застежек сцепляются. На головах дельфинов пышные трехзубчатые султаны, а тела покрыты ячейками, передающими рыбью чешую. Головы сидящих на них крылатых эротов с округлыми застывшими лицами и растянутыми в полуулыбке губами увенчаны венками, из-под которых на шею ниспадают мелкие локоны. Короткая шея переходит в пухлый торс, перетянутый крест-накрест процарапанными линиями. Одной рукой амур держится за султан дельфина, другая, полусогнутая, держит неясный предмет, возможно сосуд. Запястья рук и щиколотки ног перехвачены тонкими, рельефными ободками, имитирующими браслеты. Из-за спин поднимаются длинные крылья с четко проработанными перьями.

Образ резвящихся амуров на дельфинах очень популярен в античном искусстве Средиземноморья и именно оттуда занесен в среду эллинизированной бактрийской аристократии. Здесь этот образ претерпел существенные изменения, так как бактрийские мастера никогда не видели дельфина в натуре, и в их исполнении дельфин приобрел черты хорошо известных им рыб, в изобилии водившихся в Амударье. По существу, лишь пышные султаны на головах рыб напоминают лежащий в их основе образ дельфина. Все это дает основание утверждать, что застежки изготовлены местными, бактрийскими, а не греческими мастерами.

Итак, можно считать доказанным, что умерший был облачен в рубаху, а поверх нее в длинный халат. Судя по нашивным полусферическим бляшкам, лежавшим на костяке от головы до пят, можно предположить, что труп был обернут в своеобразный саван или плащ; в последнем случае возможно, что ему принадлежали застежки «амуры на дельфинах», обнаруженные глубоко под подбородком. Но догадки так и остаются догадками, если не получают хотя бы косвенного, но дополнительного подтверждения. Такие подтверждения дают аналогии из раскопок знаменитого кушанского храма Сурх Котала в Северном Афганистане. Французские археологи обнаружили там статую, на которой переданы одеяния; длинная рубаха, украшенная рельефными узорами, составленными из нашивных бляшек, и поверх нее халат с богато отороченным галунами воротником, который на груди застегнут двумя однотипными застежками. Известны также скульптурные фигуры людей, облаченных в длинные плащи, застегивающиеся на груди. Например, изображение правителя из дворца в Халчаяне.

Сняв золотые украшения манжет, мы обнаружили на запястьях рук массивные золотые браслеты, несомкнутые концы которых отлиты в виде скульптурных фигур антилоп, показанных в стремительном беге. У животных четко моделированные горбоносые морды с выделенными, слегка

раздутыми ноздрями и полуоткрытыми, рельефно очерченными губастыми ртами, глаза преувеличенно большие, выпуклые, миндалевидной формы, в уголках глаз микроскопические бирюзовые вставки, зрачки переданы прозрачно-желтыми сердоликовыми бусинками. Лепестки-уши и изогнутые на концах рога инкрустированы выпуклыми, тщательно отшлифованными бирюзовыми вставками.

Морды и пластично изогнутые шеи покоятся на выброшенных вперед передних ногах с бирюзовыми копытцами. Плавно изогнутые тела переходят в задние ноги, между которыми маленький, тонко гравированный хвостик. Стертости на браслетах не оставляют сомнения в их использовании при жизни владельца, хотя каждый из них весит около 300 г. Горбоносая морда, тяжелые рога - все указывает на изображение скорее всего сайгаков, обитающих в степях Нижнего Поволжья и Заволжья, а также Казахстана. На Бактрийской равнине сайгаки неизвестны; из антилоп здесь обитают лишь джейраны, тонкие суховатые морды которых резко отличны от сайгака. Сопоставив эти факты, можно допустить, что пришлые, в прошлом кочевые, племена принесли с собой выполненные в дереве, металле, на ковровых изделиях изображения этих животных, некогда оживлявших пустынный пейзаж на их прародине. На новом месте царствующие особы, храня традиции предков, требовали, чтобы местные ювелиры изображали именно этих животных на золотых украшениях.

Расчистив кисти рук, мы обнаружили на пальце правой руки золотой перстень с каменной вставкой в виде овального щитка с тонким гравированным изображением сидящей женщины. Миниатюрная головка в шлеме слегка откинута назад, тонкая талия высоко под грудью перехвачена пояском, от которого вниз мягкими складками до самого пола ниспадают длинные одеяния. Левая рука отведена в сторону и поднята вверх, правая держит овальный предмет, возможно щит. Не исключено, что это неумелое воспроизведение греческой богини Афины, которая обычно изображалась с щитом и копьем.

А о том, что образ этого греческого божества был популярен среди эллинизированной бактрийской верхушки, убедительно свидетельствуют два других золотых перстня, обнаруженных на пальцах левой руки. Один из них украшен золотым щитком также с профильным изображением сидящей стройной женской фигуры. Лицо с безобразно большим носом посажено на чуть изогнутую шею, украшенную ожерельем, на голове шлем, плечи развернуты в анфас. Под мягкой тканью выпукло проступают чашевидные груди, тонкая талия перехвачена на поясом, от которого легкими складками до самых пят ниспадают пышные одеяния. От талии до согнутых колен одежда украшена косыми складками с шишечками на концах, ниже складки прямые, под ними угадываются длинные стройные ноги, носки которых высовываются из-под волнистого подола.

Левая согнутая рука держит длинное копьё и одновременно опирается на круглый щит, украшенный по краям мелкими зубчиками. Правая рука с четко моделированными пальцами раскрытой ладони грациозно вытянута вперед. В свободном поле перед фигурой в зеркальном изображении выгравирована греческими буквами надпись «Афина», что указывает на использование перстня в качестве печати. В центре другого перстня вставка из массивного, выпуклого фиолетового камня (возможно, альмандин), окаймленного по кругу более мелкими вставками из граната, бирюзы и других пород камня.

На груди у умершего лежало круглое зеркало, украшенное по бортику китайскими надписями и изготовленное из сплава, включающего медь, цинк, никель, железо. Секрет изготовления этого специфического сплава, так называемой белой меди (Бай Тун), создающей впечатление серебряного изделия, принадлежал древнему Китаю. И сплав, из которого изготовлено зеркало, и надпись на нем не оставляют сомнений в его происхождении. Путем многоступенчатого обмена подобные зеркала распространялись далеко от ханьского Китая вплоть до бактрийской равнины.

О далеких восточных связях свидетельствуют и две золотые нашивные фигурки музыкантов, сидящих на скрещенных по-восточному ногах. Фигурки однотипны, головы музыкантов с округлыми широкоскулыми лицами, с большими выпуклыми, чуть раскосыми глазами, слабо намеченными носом и ртом передают монголоидный тип, в определенной степени напоминающий

облик государя на подвесках «государь и драконы» и в особенности Афродиту Кушанскую. Руки музыкантов сложены на груди и поддерживают струнный музыкальный инструмент типа арфы, причем правая рука как бы перебирает струны. Округлый живот с выделенным пупком покоится на скрещенных ногах. И кто знает, не так ли точно реальные музыканты сидели на полу дворцовых зал, услаждая музыкой во время пиров первых кушанских правителей. О том, что струнные инструменты типа арфы были известны еще в предшествующее скифское время, можно с уверенностью судить по находке одной такой арфы в Пазырыкских курганах далекого Алтая³.

В ногах покойного обнаружили большой серебряный сосуд и плетеную корзинку, в которой лежали железный боевой топор и нож со сложной ручкой скифского типа. Судя по находкам, в могиле был погребен воин, хотя известны случаи, когда оружие клали и в женские могилы. Шиколотки ног охватывали золотые массивные, весом в 350 г, браслеты с несомкнутыми концами.

Среди погребальных украшений и приношений встретилось изделие неясного назначения. Это золотая трубочка, один конец которой разрезан на длинные полоски, отогнутые наружу. На трубочку насажены две небрежно вырезанные из листового золота тонкие прямоугольной формы пластины. Трубочка лежала между кистями рук. Не исключено, что это непонятный нам символ власти. Кроме того, в разных частях могилы были обнаружены бирюзовые каплевидные подвески в золотой оправе, каменные подвески, выточенные в виде миниатюрной ладони с четко моделированными пальцами, литые золотые бусы ромбической формы, миниатюрные янтарные модели топорика, фаянсовые бусы с золотой оковкой по центру, рыбки-подвески из черной пасты с голубыми вставками, черные пастовые бусы, раскрашенные пятигранниками наподобие футбольного мяча, и некоторые другие украшения. Судя по погребальному инвентарю, во втором захоронении похоронен человек, занимавший знатное положение в местном обществе.

Расчистка второго захоронения еще только началась, а народная молва уже разнесла по окрестностям слухи о находке «золотого человека», погребенного в золотом гробу, о пудовых золотых слитках, о кувшинах, доверху наполненных драгоценностями. Пешком и на велосипедах, верхом на ослах и лошадях, в фаэтонах и машинах люди устремились к месту раскопок. Временами около Тилля-Тепе образовывался целый автопарк, и уже вскоре от шоссе в сторону холма протянулась хорошо накатанная дорога. Шли стар и млад, бедный и богатый, в одиночку и «всей деревней», школьники и студенты, рабочие и служащие и не только из окрестных деревень, а из отдаленных городов, таких, как Андхой и Акча, Мазари-Шариф и Баглан. Даже огромные междугородные рейсовые автобусы, курсирующие по маршруту Кабул — Шибирган, сворачивали с шоссе к нашим раскопкам.

Но пальму первенства, бесспорно, держали шибирганцы. В хорошую погоду это была приятная прогулка за город, и, пожалуй, мало кто из них не совершил зиарат (паломничество к святым местам) к Тилля-Тепе.

Когда заканчивалось изучение второго погребения, министерство информации и культуры Афганистана командировало на раскопки директора института археологии д-ра З. Тарзи и двух сотрудников института. Надо полагать, это была инспекционная поездка и, как оказалось, с целью завершить раскопки в недельный срок. Доктор З. Тарзи и его помощники сразу же включились в работу — помогали расчищать, рисовать, фотографировать. Пришлось приложить максимум усилий, чтобы не сбиться с научной методики раскопок и продолжать исследование по уже выработанному нами научному плану. Шла негласная борьба с тактическими успехами и промахами с каждой стороны, пока на помощь не пришла реальная действительность. Мы еще не завершили исследование второго погребения, как было обнаружено новое, третье золотое погребение.

Вопрос о сроках завершения раскопок решился сам собой. Согласившись полностью с нашей научной методикой исследования погребений, комиссия, возглавляемая д-ром З. Тарзи, отбыла в Кабул, а мы принялись за расчистку нового, третьего погребения.

Мышиная возня и золотые сокровища

Как уже говорилось, изучение могил шло параллельно с общими раскопками храма на Тилля-Тепе. В процессе этих работ рабочие-замлекопы обнаружили мощную стену, отделяющую малый зал от большого колонного зала, и теперь предстояло оконтурить эту стену сверху. 14 декабря рабочие достигли почти наивысшей точки стены и уже должны были перейти на другой участок, как вдруг в 11 часов дня под лопатами появились круглые золотые диски, точно такие, какие были найдены во втором погребении.

Имея уже некоторый навык, довольно быстро обнаружили мягкое «пятно», достаточно четко проступавшее на твердой кирпичной структуре стены. Как оказалось, прямоугольная могильная яма длиной 2,5 м и шириной 1,5 м была вырублена в гребне кирпичной стены, некогда разграничивавшей два колонных зала храма. На стенах и полу ямы нет даже простой глиняной обмазки, и создается впечатление, что она была вырублена в спешке.

На высоте 1,5 м от пола могильной ямы прослеживается уступ, на который в древности были положены деревянные плахи перекрытия. Внутри первоначально пустотелой камеры располагался гроб, к моменту раскопок оказавшийся засыпанным обрушившимся перекрытием и насыпной землей. Казалось бы, повторяется та же картина, что и в предыдущем погребении, однако некоторые из золотых дисков оказались прикрепленными к обрывкам кожи, под которыми распознавались сгнившие остатки плах перекрытия. А это значило, что деревянное перекрытие было обтянуто сверху кожаным покрывалом с нашитыми на него золотыми дисками. Расчищая площадку вокруг могильной ямы мы обнаружили бессистемную кучку мелких золотых украшений, от которых в сторону погребения тянулась извилистая мышиная норка. Случай в археологической практике не первый, но тем более печальный, так как известны случаи, когда грызуны забирались в могилы и безнадежно разрушали и перемешивали все, что находилось внутри.

Теплилась слабая надежда, что мыши лишь слегка нарушили могилу. Однако по мере углубления расчистки мы находили все больше свидетельств разрушительной деятельности мышей. Раскопки еще только приближались к деревянному гробу, а уже появились золотые бусы от ожерелий, которым полагалось находиться на скелете, а не над ним.

Наконец, сняты последние сантиметры земли, и безрадостная картина предстала перед нами. Содержимое могилы оказалось безнадежно перемешанным и окончательно пропавшим для научного исследования - это было месиво из комков земли, белых, мелко разгрызенных костей и разнообразных золотых изделий.

Эта могила, расположенная на наивысшей точке холма, а не на склоне, где долго держится снег и талые воды, оказалась наиболее теплой и сухой, чем и объясняется нашествие полевых мышей. Судя по масштабам разрушения, не одно их поколение избрало сухую пустотелую могильную камеру местом, где можно было резвиться, не боясь «промочить ноги». Позднее мы установили, что в могильной камере обитало по крайней мере три мышиные колонии и не одно, а много поколений мышей грызли десятки и сотни золотых изделий. После окончательной расчистки погребения на полу могильной ямы нашли три мышиных хода, которые извиваясь опускались почти на трехметровую глубину. Они буквально были набиты мелкими золотыми изделиями. Из мышиных ходов мы извлекли около 1000 золотых бляшек, бусин, пуговиц! После обследования этого захоронения стало объяснимым местное наименование памятника - Тилля-Тепе («Золотой холм»). По-видимому, те единичные золотые бляшки, которые находили в окрестностях крестьяне, были вытащены на поверхность холма мышами и именно из этой могилы.

Но все это станет ясным позднее, а пока перед нами было полностью разрушенное захо-

ронение - хаос из земли, золота и костей, который необходимо было привести в какую-то систему. Для начала всю площадь могилы разделили на плане на квадраты, куда наносили в строгом соответствии с натурой в определенном масштабе все находки. Для систематизации и учета находок мы обозначали их на плане разными значками и разными цветами. Через несколько недель изнурительного, монотонного труда лист ватмана превратился в калейдоскоп разноцветных значков. Схема выглядела в высшей степени научной, но в такой же мере малопонятной. Возможно, последующие поколения археологов, используя новые методы научного исследования, и сумеют извлечь из нашей схемы какую-то научную информацию. Мы же выполнили свой профессиональный долг, строго документировав расположение находок в могиле.

Запротоколировав на схеме и сняв верхний слой украшений, мы, наконец, достигли основного уровня захоронения, где должен был находиться костяк. Однако к моменту раскопок от него сохранилась лишь теменная часть черепа, обломки таза и берцовые кости ног: весь остальной скелет был разгрызен и растащен мышами. Тем не менее, сопоставив расположение костных остатков и основных украшений, нам удалось до определенной степени представить себе первоначальный вид захоронения.

В момент погребения в могильную яму был опущен деревянный гроб, боковые стенки которого крепились к дну железными угольниками. Как и в предыдущем погребении, остатков дерева поверх скелета обнаружено не было, что может указывать на отсутствие крышки гроба; вероятнее всего, он был укутан в погребальное покрывало с нашитыми золотыми дисками. Гроб стоял либо на ножках, либо на какой-то другой подставке, изготовленной из недолговечного материала, так как следов от них не сохранилось. Вместе с тем стопа правой ноги покоилась на полу могильной ямы, а стопа левой - на 10 см выше, что убедительно свидетельствует о существовании подставки. Очевидно, первоначально гроб стоял на высоте 10 - 15 см выше пола могильной ямы, и лишь после того, как подгнившее дно гроба рухнуло, вместе с ним на пол опустилась большая часть скелета, и в том числе правая нога.

Покойник был положен в гроб на спине, в вытянутом положении, лицом вверх, головой на север, руки скорее всего лежали вдоль тела. Под теменной частью черепа обнаружили изгрызенную мышами полосу из листового золота, в которой были вырезаны квадратики, отчего полоса выглядела ажурной решеткой. Эта решетка, в свою очередь, находилась внутри золотого сосуда с сильно вогнутым внутрь донцем. Можно было предположить, что золотая решетка не что иное, как корона, но смущал ее маленький размер - по периметру всего 33 см. Предположение все же подтвердилось, когда при расчистке тазовых костей мы нашли точно такие же золотые полосы, но меньшей длины. Мыши не смогли перетащить самую длинную полосу и оставили ее на месте, т. е. под теменной костью, а меньшие растащили, но не смогли затащить в свои норы и бросили у тазовых костей. Когда сложили все изгрызенные золотые полосы, то образовалась широкая (до 10 см) и длинная (до 60 см по периметру) корона из листового золота. Как оказалось, она состояла из четырех золотых полос разной длины, которые соединялись завязочками, пропущенными через дырочки, пробитые по краям лент. Это была необычная, составная корона, которая могла легко разбираться и складываться и также быстро собираться.

Как упоминалось выше, основная часть короны находилась под теменной костью на дне золотого сосуда. В этом же сосуде и вокруг него были обнаружены золотые «бубенчики» и подвески в виде львиных морд, которые, вероятно, крепились к короне, о чем свидетельствуют сквозные отверстия по краю золотых полос.

Сам золотой сосуд изготовлен с использованием комбинированной техники: сначала он был отлит, а затем подправлен ковкой, следы которой хорошо документируются. В процессековки местами появились трещины, а в одном месте сквозная выщербина - она залатана при помощи припаянной тонкой золотой «заплатки».

Внутри сосуда кроме перечисленных вещей находились крупные украшения - вырезанный из тонкого листового золота полумесяц с тремя свисающими подвесками в форме стилизованных листьев, пятилепестковая нашивная бляшка, украшенная выпуклыми шишечками

(парный ей экземпляр оказался перемещенным мышами к стенке гроба), и головная булавка. Особого внимания заслуживает головная булавка. Причем парная ей оказалась перемещенной мышами в область грудной клетки костяка. Булавки однотипные, с серебряными стержнями и золотыми массивными навершиями, отлитыми в виде крупной 12-лепестковой розетки. Лепестки, образующие розетку, разные по форме и чередуются попеременно: гладкие листочки с миниатюрной петелькой и листочки с рельефными выделенными прожилками и загнутыми внутрь кончиками. В эту крупную розетку вписана меньшая, 6-лепестковая, лепестки гладкие с вертикальной центральной прожилкой и загнутыми внутрь кончиками. В центре ее еще одна 6-лепестковая розетка с рельефными листочками, на кончиках которых сквозные отверстия. В центре этой розетки уже 5-лепестковая с углубленным кружочком посередине. В петельках некоторых листочков сохранились обрывки закрученных золотых проволочек, к которым, по-видимому, крепились миниатюрные подвески.

Розетки производят весьма эффектное впечатление, которое достигается сочетанием гладких листочков строгих очертаний с плавно загнутыми мягкими линиями общей многолепестковой композиции.

В области шеи несохранившегося костяка находилась золотая гривна с несомкнутыми, слегка расширяющимися концами. Ее вес 850 г, и этим, кажется, и исчерпываются все ее достоинства, никакой художественной ценности она не представляет. Зато ниже гривны сохранилось частично растащенное по мышинным норам ожерелье из крупных пустотелых золотых бус с массивными, конической формы застежками - одна из них была извлечена из мышинной норы. Под предполагаемым подбородком находилась золотая подчелюстная лента.

Внутри гривны, в области предполагаемой грудной клетки лежало круглое бронзовое, явно привезенное с Востока зеркало, украшенное китайскими иероглифами. Сдвинуть с места и утащить в нору тяжелое зеркало мышам оказалось не под силу, и благодаря этому кусочек слоя под ним оказался непо потревоженным, сохранив первоначальное расположение находившихся под зеркалом украшений. Именно здесь нам удалось с документальной точностью установить по трем последовательно лежащим одна на другой застежкам наличие по крайней мере трех слоев одежды, в которые был обряжен покойник. В самом нижнем слое располагались застежки, которые скрепляли ворот нижней рубахи или кафтана. Это уже известный нам по второму погребению тип застежек «амуры на дельфинах».

На застежке с крючком амур изображен лицом к зрителю; лицо широкое с прямым мясистым носом, толстыми, чувственными губами и жирными складками обвислых щек, глубоко сидящими глазами с выделенными веками, лоб сильно скошен назад, волосы переданы серией мелких вдавлен. Очень короткая шея переходит в широкие, фронтально развернутые плечи, правая, сильно согнутая рука с браслетами на запястье, поднесена к голове, а левая - вытянута вперед и касается султана на голове рыбы. Слабо намеченная талия переходит в округлый живот с четко переданным пупком; в низу живота бугорок, возможно, указывающий на мужской персонаж. Бедра преувеличенно толстые, пухлые, нога заканчивается четко моделированной ступней с браслетом на щиколотке. Рыба показана в профиль, большая голова с четко выделенными жабрами, в раскрытом рту крючок; круглый глаз сохранил белую вставку с точкой-зрачком в центре. На голове у рыбы своеобразный султан, инкрустированный массивными, выпуклыми бирюзовыми вставками. Чешуя передана полукруглыми гнездами, заполненными темно-коричневой пастой. Плавники и хвост также украшены выпуклыми бирюзовыми вставками, причем хвост отделен от туловища полумесяцем.

С оборотной стороны застежки припаяна тонкая прорезная пластина, точно повторяющая контуры лицевой части. По четырем углам пластины припаяны колечки для крепления на одежде.

Вторая половинка застежки с крючком повторяет вышеописанную, но со спины: голова амура показана почти в профиль, курчавые волосы переданы мелкими, рельефными завитками. Лицо слегка продолговатое, с прямым, тонким носом, глаза миндалевидные, с круглыми зрачками. Полуоткрытые пухлые губы и растянутые мясистые щеки, видимо, должны передать легкую улыбку.

Очень короткая шея переходит в мускулистую спину, правая сильно согнутая рука с браслетом на запястье поднесена к голове, левая вытянута вперед и держит за голову рыбу. Бедра широкие, толстые ноги заканчиваются ступней с четко моделированными пальцами и браслетом на щиколотке.

С оборотной стороны на плоской пластине сохранились припаянные колечки для крепления на одежде; крючок пряжки изготовлен из согнутой золотой проволоочки, концы которой раскованы, загнуты спиралью и припаяны к пластине.

Если фигуры амуров достаточно четко указывают на их античные средиземноморские прототипы, то дельфины, как и на застежках из второго погребения, в исполнении местных мастеров превратились в обычных рыб.

Поверх одежды с этими застежками на покойнике было какое-то одеяние, расшитое золотыми бляшками застегнутое у горла золотыми пряжками в виде пары простых миндалин, инкрустированных бирюзовыми вставками. Наконец, поверх этого одеяния было еще одно в виде плаща или халата, который застегивался спереди массивной пряжкой, заслуживающей, несомненно, более подробного описания. Она состоит из двух крупных прямоугольных золотых пластин, соединяющихся при помощи специально припаянных крючков и петелек. Лицевые стороны пластин выполнены в комбинированной прорезной технике в сочетании с высоким рельефом. С оборотной стороны к ним припаяны тонкие пластины, отлитые точно по контуру лицевых так, что вместе они образуют ажурные пустотелые пряжки. Местами сохранились сквозные раковины, образовавшиеся при некачественной отливке. На обеих половинах пластин одинаковые изображения воинов, обращенных лицом друг к другу, с той лишь разницей, что на одной пластине воин повернут к зрителю левым, а на Другой - правым боком.

На пластине с крючком голова воина повернута в три четверти; лицо с прямым носом, чуть нахмуренными бровями, полуоткрытым ртом и четко моделированным подбородком. На голове шлем с пропущенным под подбородком ремнем. По краю шлем украшен завитками, в центре, над лбом, четыре круглых углубления - возможные гнезда для самоцветов, которые, однако, так и не были вставлены. Между двумя парами углублений выступает загнутый вверх заостренный рог; шлем увенчан причудливо развевающимся султаном. Из-под шлема на плечи по обе стороны лица спускаются длинные волнистые локоны. Мускулистый торс с четко моделированными сосками и пупком задрапирован в мягкую складчатую ткань, скорее всего плащ, переброшенный через левую руку так, что концы его ниспадают почти до ног. На левом плече плащ перехвачен пряжкой в форме полумесяца. Под грудью торс перехвачен ремнем; второй ремень, вероятно для подвешивания меча, опоясывает наискось живот.

Бедра до колен задрапированы в складчатую юбку, переданную широкими, разделенными на прямоугольники полосами. Подол заканчивается широкими складками, из-под которых выступают мускулистые ноги с выделенными коленями. На ногах сандалии с ремешком, пропущенным между большим и вторым пальцами. Четко выделенная шнуровка сандалий опоясывает ногу под коленом и посередине икр, где она туго затянута полусферическими пряжками.

Предплечье левой руки перехвачено широкой полосой, разделенной на ровные прямоугольники; рука согнута почти под прямым углом, поднята вверх, и кисть с четко моделированными пальцами сжимает древко длинного копья. Из-за левого бедра видна рукоять меча, навершие которого выполнено в виде головы орла с хищным, загнутым клювом. Меч упирается в локоть согнутой руки, через которую переброшен плащ, и складки плаща составляют фон, на котором изображена рукоять меча. Правая рука скрыта от зрителя под круглым щитом, украшенным по краю длинными, чуть изогнутыми прямоугольниками, а в центре широкими полосами с кругами посередине.

У внешнего края каждой пластины изображены «дерево» и два маленьких дракона у его основания. Сильно изогнувшееся в устрашающей позе тело с коротким колечком-хвостиком опирается на согнутые задние ноги с когтистыми лапами. На бедренных и берцовых частях ног овальные углубления, возможно гнезда для самоцветов, которые так и не были вставлены. Передние лапы с выпущенными загнутыми длинными когтями опираются на колени задних

ног; контуры передних лап подчеркнуты снизу мелкими косыми насечками, передающими короткую шерсть. Из напряженных, мускулистых плеч выступают короткие крылья, в основании которых выдавлены гнезда-кружочки. Откиннутые назад головы на изогнутых шеях с рельефно выделенными загривками, оскаленные зубастые пасти, грозно нахмуренные глаза подчеркнуты сверху торчащими острыми шипами, сморщенный нос с хищно очерченными ноздрями дополняет устрашающий образ. На «дереве» сидит птица, возможно орел, держащая в клюве свободно развевающиеся ленты. Глаза подчеркнуты рельефно выступающими вверх шипами, крылья сложены на спине.

К тыльной стороне пряжки припаяна тонкая пластина с прорезями, точно копирующими общие контуры лицевой части, по четырем углам припаяны колечки, при помощи которых пряжка крепилась на одежде. Видимо, сразу после отливки тыльной стороны в двух местах образовались трещины, и на них припаяны заплатки. Сцена, изображенная на пластине с петелькой, почти полная копия описанной выше, незначительное отличие заключается лишь в том, что на шлеме воина сделано не четыре, а три углубленных кружочка, между которыми вертикально вверх торчит рог.

Кто же изображен на этой пряжке? Близкие по стилю изображения на ниссийских ритонах определены специалистами как изображение бога войны Ареса. Возможно и другое предположение. Вспомним, что Александра Македонского на Востоке называли Александр Двурогий, и вполне вероятно, что перед нами образ легендарного македонского царя, ставший символом величия и непобедимости. Во всяком случае, классический греческий профиль воина не оставляет сомнений, что на пряжках изображен персонаж, принадлежащий исключительно греко-римскому искусству. Однако драконы абсолютно не свойственны ни греко-римскому искусству, ни искусству Передней и Средней Азии. Зато они весьма популярны в скифском искусстве Алтая, где фантастические звери с оскаленными пастьями - едва ли не самый характерный персонаж замечательного собрания находок из знаменитых Пазырыкских курганов⁴. Думается, не будет большой натяжкой считать что изображения на золотых пряжках из Тилля-Тепе - редкий, но чрезвычайно яркий пример смешения глубоко местных греко-бактрийских и привнесенных кочевнических культурных традиций.

Наконец, здесь же под китайским зеркалом в nepотревоженном виде находилось золотое массивное кольцо с несомкнутыми, сильно расширенными раструбообразными концами. Второй аналогичный экземпляр лежал около стоп покойника. Трудно определить истинное назначение этих изделий: можно было бы видеть в них клипсы, чему, однако, противоречит их вес - 33 г, но не могли они быть и обычными кольцами из-за слишком узкого отверстия.

У тазовых костей мы обнаружили золотой литой браслет, некогда надетый на запястье руки; второй аналогичный браслет лежал чуть выше - видимо, сполз при погребении покойника к локтю. И хотя к моменту раскопок кости рук полностью были уничтожены мышами, расположение браслетов в могиле позволило точно определить положение рук покойного при погребении, поскольку каждый браслет весит 300 г.

Массивные, но той же формы золотые с широкими раструбообразными концами браслеты были и на щиколотках ног. Между щиколотками располагается по одному однотипному изделию в виде литого золотого кружка с выступающим вверх грибовидным штырьком. Рядом с каждым кружком находится полусферической формы золотое литое изделие с выступающей с тыльной стороны петелькой. Вместе они составляют застежки от сандалий. Это тем более так, если учесть, что штырьки сохранили явные следы стертости от ременных шнурков, некогда пропущенных через золотые петельки.

С тыльных сторон щиколоток ног находится по одному золотому изделию в виде прямоугольных, сквозных внутри предметов и рядом с одним из них полусферическая пластинка того же типа, что и вышеописанные (вторая, видимо, где-то в мышинной норе). Думается, что первоначально имелась пара таких пластин у обеих ног, и вместе они также составляли дополнительные пряжки от ременных сандалий. А о том, что обувь того времени представляла собой сандалии, ремни которых скреплялись на щиколотках специальными пряжками, известно по дошедшим до нас каменным статуям кушанских царей, например статуи знамени-

того царя Канишки из Сурх Котала или Матхуры. Однако на этих каменных изваяниях цари представлены фронтально стоящими, причем ступни ног, как правило, разведены в сторону так, что видны лишь пряжки внутренней части стоп. К счастью, мышцы не потревожили ноги покойного в исследуемом погребении, и мы получили документальное подтверждение того, что сандалии кушанских царей имели по паре застежек каждая: с внутренней и внешней сторон стоп.

Хотя сами сандалии не сохранились, на обеих стопах ног удалось расчистить в непо потревоженном виде четыре ряда золотых полусферических бляшек, некогда нашитых на ремни. При дальнейшей расчистке выяснилось, что к кожаным подошвам сандалий были пришиты золотые подошвы с дырочками на носке и пятке для крепления к кожаной основе. Золотые подошвы не имеют стертости и, значит, были прикреплены, когда покойника обряжали в последний путь. Очевидно, потусторонний мир рисовался древним бактрийцам как продолжение земного, так что царственной особе следовало вступить в новое обиталище с истинно царским достоинством и великолепием!

К сожалению, определить точное первоначальное расположение внутри гроба остальных находок так и не удалось. Так, в области живота находилась овальной формы массивная литая подвеска, на лицевой стороне которой глубокой резьбой изображена человеческая фигура в шлеме; через левую, вытянутую вперед руку перекинут край плаща, в правой руке круглый щит, из-под которого виднеется плащ. Короткая туника высоко под грудью перехвачена поясом и заканчивается на линии бедер; ниже до самых пят складчатая юбка. Вокруг фигуры по свободному полю греческая надпись «Афина» в зеркальном изображении, что указывает на использование изделия в качестве печати. Вместе с тем на оборотной стороне имеются четыре петельки, которые могут указывать на то, что печать скорее всего была нашита на ткань. Как бы то ни было, явные стертости на лицевой части, бесспорно, указывают на использование изделия в качестве печати.

В разных частях гроба были найдены четыре одинаковых золотых однотипных медальона в явно перемещенном положении. В центре каждого медальона однотипное погрудное изображение, выполненное круглым рельефом, - лицо широкое, нос прямой и тонкий, чуть тронутые в полуулыбке губы, выступающий подбородок. Волосы на голове разделены спереди прямым пробором и уложены двумя горизонтальными валиками, обрамляющими лоб, а пряди, спускающиеся по обе стороны лица на плечи, закручены в локоны. На шее тонким, но высоким рельефом изображена, по-видимому, гривна с несомкнутыми расширенными концами, наподобие найденной в самом погребении. От плечей к талии двумя слабо намеченными складками передана одежда.

С тыльной стороны к бляшкам припаяны круглые пластины с петельками для крепления на месте. К медальонам припаяны переплетенные золотые проволочки с дисками на концах.

В том месте, где должна была бы находиться левая рука скелета, лежал миниатюрный золотой сосудик, отлитый в виде округлого горшочка с плоским донцем и высоким венчиком. На тулове сосудика с двух противоположных сторон припаяны миниатюрные петельки, через них пропущены золотые цепочки, к которым прикреплена крышечка сосуда. Судя по миниатюрным размерам и плотно подогнанной крышке, это косметический сосудик.

Пальцы покойника, видимо, были унизаны золотыми перстнями с каменными и стеклянными вставками. К моменту раскопок они оказались растащенными и разбросанными по самым отдаленным уголкам внутри гроба, но первоначально бесспорно находились на пальцах. Тем не менее два перстня, по-видимому, дошли до нас в относительно непо потревоженном состоянии - один около тазовых костей и, скорее всего, он был надет на палец правой руки. К сожалению, этот перстень со стеклянной выпуклой овальной формы вставкой сохранился плохо. Эрозия разрушила верхний слой вставки так, что лишь с трудом угадывается рисунок, по-видимому, сидящей фигуры.

На пальце левой руки был золотой перстень с овальной вставкой из голубого, возможно бирюзового, камня. На плоской, тщательно заглаженной поверхности каменного щитка сохранился рисунок, выполненный чрезвычайно тонкой гравировкой. В центре изображена

анфас стоящая человеческая фигура, задрапированная в складчатые одежды. Левая рука опущена вниз и касается алтаря в виде сложного ступенчатого сооружения, от которого вверх поднимается пламя. Правая рука опирается на длинный жезл, возможно тирс с круглым навершием, обвитым вьющимся растением. Рядом изображена колонна с четко выделенной базой и капителью. Атлетическая фигура, гордая осанка, да и все сопутствующие атрибуты указывают на изображение античного персонажа, совершающего жертвоприношение.

Рисунок сохранился еще на одном из золотых перстней, найденных в гробу. Каменная вставка окружена по контуру мелкой, сильно стертой зернью, на каменном щитке просматривается чуть согбенная женская фигура, изображенная в профиль. Еле намеченное лицо увенчано сверху, по-видимому, шлемом, левая рука вытянута вперед и держит в ладони венчик, правая - опущена и опирается на посох. Торс облачен в короткое одеяние с узкой талией и широко расходящимися полами, из-под которых до земли спускается длинная, колоколом, юбка, расчлененная вертикальными складками; за плечами видны поднятые вверх сильно изогнутые крылышки. Последняя деталь и венчик могут указывать на изображение богини Ники, однако крепко зажатый в руке посох как будто противоречит классическому образу этого популярного божества древнегреческого пантеона.

Внутри гроба была обнаружена и полусферической формы гемма-инталья, выточенная из полупрозрачного камня цвета зрелого меда, со сквозным отверстием по длинной оси. На плоской грани техникой глубокого сверления изображен мерно шествующий горбатый бык, по-видимому, индийской породы. Небольшую головку с вытянутой мордой венчают длинные, изогнутые рога, ноги показаны в движении.

У восточной стенки гроба под слоем рыхлой, перемешанной мышами земли мы нашли довольно крупную золотую подвеску, богато инкрустированную поделочными камнями. В верхней части имеется кольцо для подвешивания, украшенное по кругу мелкой напаянной зернью. На подвеске сохранилось профильное изображение двух лошадиных протом, повернутых, как бы отвернувшихся друг от друга, в противоположные стороны. Морды с выделенными ноздрями, полуоткрытым ртом, глаза изначально были инкрустированы (судя по одной сохранившейся вставке) гранатами. Уши и грива украшены вставками из бирюзы и черного камня. Выброшенные вперед ноги с выделенными копытами в одном случае сохранили бирюзовые копыта; еще две бирюзовые миндалины имеются на тулове, и одна крупная треугольная бирюзовая вставка служит как бы разделителем между лошадиными протомами. Ниже обеих фигур находится пластина, к которой подвешены на цепочках миниатюрные диски. Еще все цепочки, составленные из трех соединенных между собой сердечек, спускаются от самых морд лошадей и заканчиваются резными, фигурными листочками.

В ногах покойного мы нашли изгрызенный и растащенный по частям гребень из слоновой кости. Потребовалось много времени, чтобы, составив фрагменты, восстановить былую форму гребня; в верхней его части сохранялись тонко гравированные рисунки, среди которых выделяется полуобнаженная человеческая фигура с округлой головой на тонкой, слегка изогнутой шее. Миндалевидные глаза с выделенными зрачками отчеркнуты бровями вразлет. Прямой нос с выделенными ноздрями и маленький рот усиливают аскетический облик лица. Торс плотно облегает рубаха с глухим полукруглым воротом, она заканчивается у пояса, заправленная в штаны.

Уже сам материал, из которого изготовлен гребень, - слоновая кость - указывает на его индийское происхождение, но в еще большей степени об этом свидетельствует гравированный орнамент и изображение человеческой фигуры. При первом же взгляде вспоминается великолепная беграмская кость - коллекция изделий из резной слоновой кости, ставшая сенсацией археологических открытий середины XX в. в Афганистане.

Кроме описанных изделий из могилы извлекли сотни нашивных бляшек, пуговиц, розеток, подвесок, некогда сказочно богатым убранством покрывавших погребальные одежды покойника. К сожалению, мыши безнадежно перепутали и смешали их на большей части скелета, и лишь около ног быстро обрушившийся свод могилы до определенной степени

предохранил маленький участок от грызунов. Именно здесь нам удалось расчистить непо потревоженный подол длинного платья или халата, расшитого ровными рядами золотых полусферических бляшек, и хоть в малой степени воссоздать общую картину нашивных орнаментов на одеждах. Вдоль берцовых костей удалось расчистить ряды бляшек, некогда нашитых на длинные складчатые штаны.

Воссоздать нашивные орнаменты погребальных одеяний мы, конечно, не могли, но множество типов нашивных бляшек свидетельствует об их сложности. Это подвески с гранатами, навершия которых имеют форму пустотелого шарика, спаянного из двух половинок, узкая шейка между ними соединена с овальным кружочком, в который вставлен полусферической формы ярко-красный, тщательно шлифованный гранат. Овальный щиток по краю украшен мелкой зернью; в нижней части к щитку припаяна петелька, в которую пропущена тонкая проволочка. На другом конце проволочки укреплен либо небольшой диск, либо пластинка в форме сердечка.

Среди золотых нашивных бляшек преобладают разные по размеру бляшки полусферических форм, общее число которых исчисляется многими сотнями экземпляров. Много золотых бляшек в виде ромба, квадратов с рельефно витыми орнаментами, бляшек в виде золотых сердечек, в том числе с бирюзовыми вставками, цилиндрических, треугольных, составленных из трех кружочков, бляшек в виде «бабочек», «рогов», бляшек конических, пуговиц в виде золотых шариков с петельками и др. Почти все они оттиснуты из тонкого листового золота, с нижнего края всегда имеются отверстия, при помощи которых они нашивались на одежды. Есть и более сложные бляшки, как, например, миниатюрные литые кружки, оконтуренные по краю мелкой зернью. В центр кружков вставлены выпуклые округлой формы бирюзинки, с оборотной стороны припаяны золотые трубочки, при помощи которых кружки нашивались на одежду.

Выше уже упоминались золотые бляшки, найденные внутри и вокруг золотого сосуда под головой покойника. Все они однотипные и состоят из двух частей: диска и подвески, представляющей собой длинную полоску тонкого листового золота. В широкой части эта полоска заканчивается выпуклой мордой льва, оттиснутой в форме: глаза с точками-зрачками, мощные надбровные дуги, раздвоенный лоб, прижатые полукруглые уши и выделенные ноздри.

На подол платья или халата были нашиты золотые четырехлепестковые розетки и подвески в виде полумесяцев, инкрустированных бирюзовыми вставками. С опущенных вниз рогов полумесяцем на проволочках свисают свободно вращающиеся миниатюрные диски.

Кроме сотен нашивных бляшек из могилы извлекли не меньшее количество более крупных золотых украшений самых разных типов. Пятилепестковые золотые розетки с подвесками-дисками, золотые конусы различных размеров и форм, но тоже всегда со свисающими на проволочках дисками. Золотые плоские «бубенчики» с тисненым орнаментом, золотые «флажки», инкрустированные бирюзой и пастой, золотые листики, шестилепестковые «бутоны», каменные подвески, оправленные в золотые фигурные обоймы, овальные каменные кулоны и пронизки, сердоликовые травленные бусы, янтарные бирюзовые и гранатовые бусы, пастовые пронизки. И это далеко не полный перечень типов украшений, которые должны были понадобиться покойнику в потустороннем мире.

Из остального множества находок следует отметить рукоять железного ножа, украшенную золотыми обоймочками, инкрустированными бирюзой и лазуритом, массивные золотые фигурные пряжки с петельками, булавки с серебряными стержнями и круглыми железными навершиями, обтянутыми золотой фольгой, «клыки» в золотой оправе, миниатюрные каменные астрагалы и модели топориков, фаянсовый косметический сосудик, множество белого жемчуга, обломки туалетных коробочек из слоновой кости, фаянсовые шарiki, опоясанные золотой лентой с бирюзовыми вставками.

По-видимому, гроб настолько был переполнен различными украшениями, что для погребальных приношений в нем уже не осталось свободного места, и их поместили в могильной камере в изголовье гроба, где мы их и обнаружили. Это были три целых, поставленных в

ряд керамических сосудов: кувшин (под ручкой которого сохранился оттиск погрудной человеческой фигуры), приземистый, пузатый двуручный сосуд и высокий, стройный, раструбообразной формы бокал. В большом кувшине должно было храниться вино, которое наливали сначала в двуручный сосуд, а из него уже в бокал.

Но на этом находки вне пределов гроба не ограничились. В изножий гроба лежали серебряный сосуд, серебряные туалетные флаконы с округлыми туловами и длинными горлышками, серебряное зеркало с ручкой из слоновой кости, несколько золотых подвесок, золотая монета и цилиндрический золотой сосуд, украшенный посередине широкой горизонтальной полосой рельефного растительного орнамента в виде цепочки крупных трилистников, перехваченных у основания витым жгутом. Из каждого трилистника торчит пара усиков с кружками на концах. Крышка сосуда украшена точно таким же рельефным орнаментом, что и на тулове. Выступающую вверх орнаментированную ручку венчает округлое навершие, отдаленно напоминающее плод граната с чеканным орнаментом по бортику. К краю крышки и к тулову припаяны две круглые петельки, некогда соединенные витой золотой цепочкой.

Исследование могилы подходило к концу, а мы так и не могли определить время захоронения. Правда, керамические сосуды в изголовье гроба не оставляли сомнений в принадлежности могилы к античному периоду, однако на этой стадии исследования такая датировка нас уже не устраивала. Для точного ответа нужна была монета, и она была найдена, и не одна, а сразу две. Первая из них почему-то была положена за пределами гроба, на пол могильной ямы рядом с золотым сосудом цилиндрической формы. Это оказалась золотая римская монета, на лицевой стороне которой портрет императора Тиберия; на оборотной - задрапированная в складчатые одежды сидящая в кресле женская фигура, держащая в одной руке ветвь и опирающаяся другой на высокий скипетр. На свободном поле лицевой стороны надпись: «Цезарь Тиберий сын божественного Августа, Великий Понтифик». Не нужно было обращаться к справочникам и нумизматическим каталогам, чтобы установить: такие монеты чеканились в Римской империи в 16—21 гг. н. э. в городе Лугдунуме, в Галии. Из далекого французского города Лиона золотой римский ауреус проделал многотысячекилометровый путь в Бактрию — крайнюю периферию тогдашнего цивилизованного мира. Кстати, отметим, что это наиболее ранний пример проникновения римских монет не только на территорию Афганистана, но и Средней Азии.

Вторая, серебряная монета лежала внутри гроба около тазовых костей и, возможно, первоначально была зажата в ладони покойника. На лицевой стороне вычеканена бородастая голова государя в профиль, с диадемой на лбу. Слегка крючковатый мясистый нос, глубоко посаженные глаза и длинная волнистая борода передают не столько грозный, сколько грустный облик паря. На оборотной стороне изображен сидящий лучник который в правой вытянутой вперед руке держит лук. На свободном поле по кругу греческая надпись, из которой следует, что монета принадлежит чекану парфянского царя Митридата II, правившего в 123-88 гг. до н.э.

Находка этих двух монет позволила конкретнее установить эпоху захоронения - конец II в. до н.э. - первые десятилетия нашей эры. Это было смутное время, когда соседнее Парфянское царство начинает активные завоевания на востоке и даже захватывает часть территории Греко-Бактрийского царства. Парфянские цари вели здесь длительную, в основном неудачную для себя войну с кочевниками, и лишь при Митридате II им удалось стабилизировать положение на своей восточной границе. В дальнейшем мы постараемся показать, что погребения на Тилля-Тепе принадлежат тем самым кочевникам, с которыми или с предками которых и вели войны парфянские цари.

Итак, находка монет позволила нам документированно датировать захоронение. Теперь необходимо было решить не менее сложную задачу - кто был похоронен в этой могиле. К сожалению, мышинный погром лишил нас возможности получить прямые данные. Оставался один путь - путь косвенных доказательств. И они были получены при взаимном сравнении погребальных украшений этой могилы с первым погребением.

Среди тысяч драгоценных ювелирных изделий, извлеченных из могилы, сиротливым

пасынком выглядело маленькое, скромное, сильно стертое от каждодневного ношения золотое колечко. Оно явно никогда не снималось с пальца в течение всей жизни владельца.

Точно такое же колечко было найдено и в первом погребении: одинаково маленький размер, так же сильно стертые, с таким же гравированным орнаментом - кружочек в центре и две миндалины по бокам. Думается, что это совпадение не случайно, и одинаково маленький размер наталкивает на предположение родства между погребенными на Тилля-Теле. К сожалению, мы не знаем с точностью, кто - мужчина или женщина - здесь погребен. Если бы в первом и третьем захоронениях были похоронены разнополые люди, два одинаковых колечка могли бы играть роль своего рода обручальных колец. Однако ни в том, ни в другом захоронении не было боевого оружия, так что хотя и без особой уверенности, но с определенной долей вероятности можно утверждать, что в них похоронены женщины. В таком случае колечки могли быть фамильными, что подтверждается их малым размером и сильной потертойостью.

Около полутора месяцев понадобилось нам, чтобы расчистить, зафиксировать на плане, закрепить на месте, извлечь из могилы в общей сложности свыше четырех тысяч золотых единиц наименований. Сказочные богатства третьего захоронения и золотая корона на голове погребенного - убедительные доказательства того, что это могила царя или царицы или одного из первых царевичей новой, нарождающейся династии. Еще не уверенные до конца в своем царственном превосходстве они хотели появиться в загробном мире с вескими доказательствами своего высокого положения.

Находка сокровищ вызвала ликование у всех, кроме экспедиционных реставраторов. Затравленными глазами как личных врагов, встречали они археологов с очередными находками из третьего захоронения. И когда число золотых находок перевалило за тысячу, Володя Бурый изрек пророческие слова: «Вы что, хотите найти семь погребений, по одному на каждого из нас?» Тогда эта цифра только позабавила нас, но она, как оказалось, соответствовала действительности.

А пока пришлось обратиться за помощью к советским специалистам, живущим с семьями в Шибиргане. Нашлись энтузиасты из числа жен специалистов. Пройдя ускоренные, преимущественно одно-двухдневные курсы, они помогали нам в реставрации и консервации найденных вещей. Каждая специализировалась на одной из операций: так, одна только вставляла и закрепляла выпавшие самоцветы в гнезда, другая, расчищая серебряные изделия, открывала под черным слоем корки чудесные гравированные орнаменты, третья делала сизластовские матрицы с наиболее художественных изделий, четвертая закрепляла специальными химикатами остатки кожаных изделий с красочными росписями на них.

Вообще же выработался вполне определенный производственный цикл. Ежедневно после завершения работ руководитель раскопок каждого захоронения сдавал мне по описи извлеченные из могилы изделия. Я их сверял по описи и передавал в реставрационную лабораторию. После обработки они вновь поступали ко мне, и я их передавал фотографам. К сожалению, экспедиционного фотографа у нас не было, и все снимки были сделаны любителями-фотографами А. Черноиваном и В. Кошелевым (советские специалисты, работавшие в Шибиргане). В их задачу входило - снять каждую без исключения находку на узкую черно-белую и узкую и широкую цветную пленки. Для этого приходилось по нескольку раз в разных ракурсах фотографировать одну и ту же вещь. После фотофиксации вещи вновь возвращались мне, и я вновь передавал их теперь уже для официальной музейной описи специальному представителю института археологии Афганистана.

Если учесть, что одновременно расчищались два, а то и три погребения, то можно представить, какие трудности вставали перед нами. Уже вскоре я убедился, что если буду пунктуально следовать мною же установленной системе, то у меня только-только хватит времени на то, чтобы сверять наличие сотен и тысяч бляшек с инвентаризационной описью. А мне предстояло еще составить сводный каталог. И я сделал, пожалуй, самый смелый и решительный шаг в своей жизни — все было поставлено на доверие. И должен сказать, что при таком фантастическом обилии мелких золотых изделий, нередко размером в полкопейки, не

было потеряно ни одной единицы. Все в конечном счете с абсолютной точностью совпало с инвентаризационной описью. Но чего это стоило сотрудникам экспедиции! После тяжелого рабочего дня в узкой сырой шахте-могиле на глубине 2 м под землей нужно было пересчитать все находки, которые в этот день были сняты с костяка. Как правило, каждую могилу курировали два сотрудника, сначала все находки пересчитывал один, а потом другой, и только убедившись в точности подсчета, они могли ехать домой. В среднем приходилось пересчитывать до 200—300 единиц наименований, замерзшие пальцы почти не гнутся в суставах, а мелкие тонкие однотипные бляшки нередко западают одна в другую, и вот после уже получасового подсчета итоговые числа не совпадают. Все нужно пересчитывать снова, а счастливицы, у которых сегодня «пустой день», томятся в машине и поминают недобрым словом и золото, и могилы, и судьбу свою, связавшую их с «золотыми погребениями». То ли дело обычные раскопки с обычными находками — неделями лежат черепки в полевом музее рядом с раскопом, и никому не придет мысль пересчитывать и тем более охранять их. Постепенно эмпирическим путем вырабатывается система, когда бляшки складывают кучками по пяти штук в каждой. Это позволяет в случае ошибки быстрее обнаружить, в какой кучке бляшки запали одна в другую. Наконец, итоговые числа совпали, и можно бы ехать домой, но надо еще сдать могилу старшему из военизированной охраны. Плотнo затягиваются полы палаток или двери домиков, поставленных над могилами. Подходы к ним застилаются брезентом, концы которого захлестывают пороги входов. Поверх брезента ровным слоем насыпается мягкая земля, которая «запечатывается» особым способом курирующими археологами. Завтра утром старший охраны вместе с археологами проверит идентичность следов и только тогда откроют вход и начнется очередной рабочий день. После конца рабочего дня даже мы не можем вернуться на холм, если не знаем пароля — вся ответственность за сохранность ложится на военизированную охрану.

Когда было обнаружено и частично расчищено второе погребение, стало ясно, что экспедиция нашла царские захоронения — редчайший случай в археологической практике. Несметное множество однотипных золотых бляшек и подвесок, такие шедевры древнего искусства, как подвески «государь и драконы», перстни с инталиями, китайские зеркала и золотая фигурка Афродиты Кушанской — все свидетельствовало о выдающемся открытии советских и афганских археологов, которое впоследствии многие ведущие газеты мира назовут «открытием века».

И, конечно же, ни морально, ни тем более технически мы не были готовы к такому открытию. Не хватало всего — начиная от скальпелей и пинцетов и кончая коробочками для находок. К счастью, советские врачи, работавшие в г. Шибиргане, сразу же оказали нам сильную помощь. Тонкие медицинские инструменты мы приспособили для расчистки находок. Особенно опустошительный набег мы совершили на кабинет зубного врача Андроника Мкртычяна, забрав у него не только пригодный для нас стоматологический инструментарий, но и коробочки для хранения зубных буров. В сейфах Кабульского музея в этих картонных, обтянутых дерматином коробочках с закрывающимися на крючок крышками до сих пор хранятся драгоценные находки.

Пока исследовались второе и третье захоронения, Теркеш методично и планомерно продолжал изучение остатков монументального храма. Уже в общем виде расчищен колонный зал, наметились контуры обрамляющего его обводного коридора. И вот, 26 декабря, зачищая плоскость стены коридора, рабочий заметил блеснувший на солнце желтым пятном диск с дырочкой у края. Пока мы дебатировали вопрос, что это — еще одна могила или случайная находка, немногословный Теркеш несколькими опытными срезами лопатой поставил все на свои места: на ровной глади кирпичной стены четко обозначился контур могильной ямы.

**Из дальних
странствий**

К тому времени нас было уже семеро — хоть и с опозданием, но все же прибыли Уктам Пулатов из Таджикистана и Рустам Сулейманов из Узбекистана. Сначала они помогали Теркешу исследовать остатки храма, а когда обнаружили третье погребение, Уктам Пулатов возглавил его исследование. Теперь очередь Рустама Сулейманова. Специально раскапывать могильники ему не приходилось, и поэтому он всеми силами старался не ввязываться в «эти могильные дела». Но круг замкнулся, и Рустаму официально было предложено возглавить раскопки четвертого захоронения. Первые дни он подходил к могиле, как бы примеряясь к ней, и решительно уходил к своему старому раскопу, где ему уже не было места.

Мало найдется людей с таким обостренным чувством ответственности, как у Рустама. Конечно, он блестяще справился со своей задачей. Вспоминается картина четвертого погребения. На дне глубокой шахты скрючившись сидит Рустам и осторожно расчищает костяк. Он слышит, как наверху каждое его движение научно комментируется любопытными зрителями, из-под ног которых в почти стерильную могилу время от времени сыплются мелкие камушки, а то и горсти земля. И тогда, пулей вылетев из шахты подальше от живых и мертвых, Рустам долго меряет шагами степь, успокаивается и снова спускается в глубокую шахту.

Когда был найден первый золотой диск, мы не обратили внимания на то, что с одной стороны он покрыт темной массой. Через несколько дней она отстала, и мы обнаружили, что это почти сгнившая кожа с сохранившимися к тому же на ней следами росписи в виде ярких красных запятых. Это было что-то новое, и требовалась особая осторожность в расчистке всей могилы.

На этом необычность четвертого погребения не кончилась. К моменту обнаружения могильная яма оказалась непотревоженной, так что у нас впервые появилась возможность с документальной точностью установить - существовали ли какие-нибудь надмогильные сооружения или нет. Мы тщательно зачистили дневную поверхность над могильной ямой и, углубившись на 0,5 м, не обнаружили ничего, кроме обычных натечных и мусорных слоев. Сняв этот невыразительный глинистый слой, мы вышли на древнюю дневную поверхность, на которой четким прямоугольным пятном проявился верх могильной ямы, а на ее краю целый конский череп и кости передних ног. Эти данные приобретут принципиальное значение, когда мы попытаемся восстановить погребальные ритуалы бактрийских правителей почти 20 веков тому назад.

Конский череп имел к погребению прямое отношение. Как известно, у многих кочевых народов ритуальные жертвы лошадей играли первостепенную роль, особенно у скифов и сарматов. Хозяина в загробный мир должен был сопровождать любимый конь, а то и десятки лошадей. Поэтому, обнаружив конский череп, мы сразу же допустили возможность аналогичного обряда и здесь. Но это были всего лишь догадки, требовавшие фактических доказательств, и мы получили их почти на двухметровой глубине, когда достигли дна могильной ямы.

Пока же перед нами оконтурилась прямоугольная могильная яма размером 3 на 1,5 м, вырытая в кирпичном массиве заброшенной к тому времени стены храма. И в этой могиле обращало на себя внимание простое, если не сказать примитивное устройство. Так же как и в других уже исследованных могилах, яма в виде глубокой вертикальной шахты даже не была обмазана простой глиняной штукатуркой - явное противоречие со сказочными богатствами, которые в виде погребальных приношений были положены вместе с усопшим.

Могильная яма оказалась сплошь заполнена рыхлой землей, в которой были встречены сгнившие жерди, образующие деревянную решетку. Путем сложных расчетов и наблюдений удалось установить, что первоначально пустотелую могильную шахту на уровне конского черепа перекрыли решеткой, поверх нее настелили плетеные камышовые циновки, и на них насыпали полуметровый слой земли. Со временем, когда деревянная решетка подгнила и об-

рушилась, насыпная земля полностью заполнила могильную яму.

Но все это произошло позднее, а вначале пол пустотелой шахты выстлали кожами и поставили деревянный гроб длиной 225 см, шириной 70 см и высотой 75 см. Удалось установить, что гроб стоял не на самом полу, а был приподнят над ним на высоту до 15 см. Когда расчистка могильной ямы достигла пола, мы увидели, что над слоем кож на высоту до 5 см шли глинистые, явно дождевые натечные слои земли, перекрытые сверху тонкой коричневой трухой от сгнившего деревянного днища гроба. Очевидно, что натечные глинистые слои земли могли оказаться под дном гроба только в одном случае - если он возвышался над полом могилы. Правда, ножки гроба здесь не прослеживались (как во втором погребении). Вероятно, под гроб были подложены деревянные брусья, которые со временем сгнили и к моменту раскопок уже полностью исчезли. Под рыхлой землей еще только стали проступать контуры гроба, как в изголовье, с наружной стороны гроба обнаружили железное складное креслице, удивительно похожее по конструкции на современные походные стулья с брезентовыми сиденьями. Такие стояли вокруг обеденного стола в нашей экспедиционной столовой. Креслице состояло из двух гнутых одинаковой формы половинок, обтянутых сверху кожей и скрепленных втулкой-шарниром. Это было явно походное кресло, которое его владелец возил с собой в дальние военные походы. Доказательством тому служили два длинных цилиндрической формы колчана, положенные в момент погребения на сиденье креслица. Оба они деревянные, обтянуты сверху окрашенной в ярко-красный цвет кожей, перехваченной в двух местах оковками из золотых широких лент. Сами колчаны и древки некогда вставленных в них стрел почти полностью истлели, зато в золотых цилиндрических оправах колчанов сохранились железные наконечники стрел. Вторая пара золотых лент опоясывала верха колчанов, что позволило определить их примерные размеры - около 80 см длиной и диаметром до 10 см. Кроме того, один из колчанов закрывался серебряной крышкой в виде цилиндрического стакана с петелькой-ручкой наверху. После того как серебряную крышку в полевой лаборатории частично очистили от патины, на ней стал виден чудесный гравированный позолоченный орнамент тончайшей работы в виде виноградной лозы, обвившей крышку посередине тулова. Внутри крышки находились частично сохранившиеся концы деревянных древков стрел с вогнутыми вырезами для установки их на тетиве лука.

Здесь же нашли и «следы следов» былого лука, некогда прислоненного к боковой стенке могильной ямы. Тщательная, почти хирургическая расчистка позволила выявить в насыпной земле дугообразный отпечаток от чехла лука, или, иначе, горита, сплетенного из прутьев и обтянутого кожей, расписанной белой, зеленой и красной красками. Тут же на полу мы обнаружили костяные изогнутые наконечники концов лука с глубокими вырезами для крепления тетивы, рядом в деревянной трухе и обрывках истлевшей кожи было найдено несколько выточенных из кости мелких конушков, видимо, украшавших концы кожаных тесемок, свисавших с чехла лука.

Наконец, очередь дошла до расчистки гроба и самого скелета. Длинный тяжелый гроб был сбит из толстых досок до 2 см толщиной, его стенки крепились к днищу не железными угольниками-скобами, как в ранее исследованных могилах, а длинными толстыми железными полосами, пропущенными под дном и переходящими на боковые стенки. Гроб изнутри и снаружи обтянут кожей, окрашенной красной краской, по этому фону белым цветом нанесены растительные узоры, к сожалению, плохо сохранившиеся. Гроб был обернут, возможно, в несколько слоев кожаным покрывалом с нашитыми на него золотыми дисками и полусферическими бляшками. Покрывало прочно прибили к верхнему краю гроба шестью крупными железными гвоздями - четыре гвоздя по углам и два посередине. Сверху на гробе местами отмечена деревянная труха, которую можно было бы принять за остатки крышки гроба, однако полной уверенности в этом нет.

Итак, перед нами наглухо запечатанный, если не за семью печатями, то за железными гвоздями деревянный ящик. Правда, обрушившееся с полутораметровой высоты перекрытие могильной ямы не только засыпало, но и прорвало кожу, некогда туго обтягивавшую верх гроба. После того как мы убрали насыпную землю и кожаный футляр, предварительно закон-

сервировав его, перед нами открылся сам костяк. Ну и плачевный же он имел вид! Рухнувшее перекрытие смяло грудную клетку, раздавило череп и длинные кости; все рассыпалось и крошилось даже от прикосновения мягкой колонковой кисточки. Зато весь костяк с головы до ног был покрыт сотнями золотых бляшек, подвесок, пуговиц, под которыми угадывались более крупные ювелирные изделия. И как бы ни было сильно желание заглянуть поглубже в этот кладезь сокровищ, сначала нужно было закрепить кости скелета. Для того чтобы добраться до костей и начать пропитывать их специальными скрепляющими составами, нужно было медицинскими пинцетами вынуть тысячи комочков земли, не потревожив при этом мелкие золотые бляшки. Началась обычная скрупулезная расчистка погребения.

Мы сразу же обратили внимание, что погребальные одежды были густо затканы и расшиты золотыми нитями. Обычные нити, составлявшие основу ткани, сгнили, а золотые, чрезвычайно тонкие, волнистыми линиями располагались вдоль скелета. Особенно плотными слоями золотые нити покрывали грудную часть костяка. Наряду с такими были обнаружены золотые нити, закрученные в спирали, вероятно, некогда накрученные на хлопчатобумажную или шелковую нить-основу. Не исключено, что именно такими спирально закрученными золотыми нитями были расшиты основные узоры на ткани.

Хотя десятки тысяч обрывков золотых нитей сильно затрудняли расчистку погребения, именно они позволили выявить помимо погребальных одежд еще и специальное погребальное покрывало. Уже с самого начала расчистки мы обратили внимание, что золотые нити располагаются на скелете, не выходя далеко за пределы его общего контура. Из этого документального факта мы сделали логический вывод, что золотошвейное шитье покрывало лишь одежду покойника. В то же время, выходя далеко за контуры золотого шитья, т. е. перекрывая сверху одежды, располагались сотни мелких полусферических бляшек и трубочек, образуя прямоугольную рамку, заключающую внутри себя скелет. Стало очевидным, что перед нами погребальное покрывало, некогда брошенное на тело покойного. Соответствующие бляшки начинаются у изголовья и заканчиваются чуть ниже колен, из чего можно заключить, что покрывало закрывало лицо, а ноги оставались открыты ми, вероятнее всего, в соответствии с погребальными обрядами того времени. Нашивные бляшки той части покрывала, что закрывала лицо, в основном скатились в левую сторону от головы, и лишь несколько находилось на черепе.

К сожалению, орнаменты, составленные из сотен нашивных бляшек, удалось реконструировать лишь в общем виде: в изголовье покрывала - это мелкие квадратики и прямоугольники; на груди - две перекрещивающиеся линии, составленные из нашивных трубочек ниже пояса - продольные вдоль тела прямые полосы. Хотя нижний край покрывала четкой ровной линией заканчивается чуть ниже колен, золотые полусферические бляшки прослеживаются до самых стоп, и орнамент близок узорам на погребальном покрывале. Возможно, это нижний край покрывала, может быть, дополнительное маленькое покрывало, брошенное на ноги покойника.

Сняв бляшки бывшего погребального покрывала, мы обнаружили под ним останки почти двухметрового гиганта в полном боевом облачении. Перед нами, несомненно, лежал воин, и, судя по богатству погребальных одеяний и приношений, стоявший при жизни на высшей ступеньке иерархической общественной лестницы.

Теперь перед нами стояла задача разобраться в хаосе тысяч нашивных золотых бляшек и реконструировать погребальный костюм умершего. Понятно, что сама ткань уже давно сгнила и от нее на месте сохранились лишь тончайшие золотые нити от золотого шитья, нашивные бляшки и тонкая, до 1 мм толщиной, пленка беловатого цвета. Расположение бляшек при удачной сохранности могло до определенной степени помочь воссоздать костюм двухтысячелетней давности. Прежде всего следовало выявить основные типы бляшек - их оказалось более 10, в том числе выпуклые полусферы, квадратные с тиснеными рельефными орнаментами в виде крестов или розеток, крупные прямоугольные - «бабочки», восьмилепестковые розетки, цилиндры, трубочки и др. Все они имеют по нижнему краю бортики с дырочками для нашивания на одежды. Самые тонкие бляшки оттиснуты в специальных формах и

нередко украшены рельефными узорами.

Кропотливая, изнурительная, но необходимая работа по точной фиксации украшений на чертеже дала возможность сделать главный вывод: нашивные бляшки на верхней и нижней половине скелета разные по типу. Грудная клетка и кости рук были покрыты сотнями крупных квадратных бляшек и восьмилучевых розеток, в то время как от пояса и ниже, почти до самых пяток, густой, казалось, бессистемной россыпью лежали тоже сотни бляшек, но исключительно в виде «бабочек» и мелких квадратов.

После этого перешли к углубленному изучению бляшек на верхней части скелета. Постепенно стала выявляться следующая закономерность: два основных типа бляшек - квадратики и розетки - почти всегда лежат рядом, составляя чередующиеся параллельные полосы от плеч к бедрам. Теперь предстояло попытаться выяснить, какие узоры составляют эти полосы. На самом скелете увидеть это было невозможно. Как и при исследовании предыдущих погребений, каждый тип бляшек фиксировался на чертеже не только разным значком, но и разным цветом - в результате наметились две широкие полосы от шеи к талии и пересекающиеся на животе. Естественно, возникло предположение, что так были украшены в виде галунов борта и полы кафтана. Дальнейшая расчистка бляшек документально подтвердила, что кафтан имел левосторонний запах.

От плеч к поясу шли еще две широкие полосы нашивных бляшек того же типа: линия квадратов и рядом линия восьмилучевых розеток. Точно такие же бляшки были нашиты на рукава кафтана - от плеч и до узких манжет, расшитых, в свою очередь, чередующимися полосами квадратных бляшек, розеток и трубочек. Отдельные золотые трубочки перекрывали ладонь так, что было высказано предположение о возможном существовании перчаток. Забегая вперед, отметим, что наша реконструкция кафтана блестяще подтвердилась впоследствии, когда наш молодой афганский реставратор Ареф сумел, не сдвинув ни одной нашивной бляшки на спине бывшего кафтана, изъять со своего места спину скелета. Полосы нашивных бляшек, переходя на спину, образовывали центральную полосу от ворота до пояса. От нее в середине наискось к плечам отходили две короткие полосы, выделенные добавочной линией полусферических бляшек. Высоко под грудью кафтан перехвачен золотым поясом дивной красоты. Кафтан доходил до линии бедер, что убедительно доказывается расположением золотых бляшек - четко фиксируется расшитый подол.

По аналогии с погребальными одеяниями уже расчищенного второго захоронения мы предполагали и здесь выявить длинный халат. Однако все наши попытки подобного рода разбивались реальной действительностью - расположение бляшек (совершенно иное, чем во втором погребении) не давало оснований для подобной реконструкции. Тогда мы отказались от нашей предвзятой гипотезы и, в который раз доверившись формуле «практика - критерий истины», вновь приступили к анализу расположения бляшек. В результате удалось установить, что из-под золотого пояса и до ступней ног длинными, иногда пересекающимися полосами располагаются бляшки «бабочки» и квадратики. Судя по общему контуру, образуемому этими бляшками, на покойнике было одеяние в виде слегка расширяющейся книзу юбки.

Так, неожиданно для себя мы реконструировали костюм, чуть ли не до деталей повторяющий одеяние на золотых подвесках «государь и драконы» из второго погребения. Вспомним, что на этих подвесках государь изображен одетым в короткий, перепоясанный кушаком кафтан, из-под которого ниспадает колоколовидная «юбка». Перед нами, бесспорно, парадное (в такой юбке на лошадь не сядешь!), а судя по короне (см. изображение на подвесках «государь и драконы»), царское облачение, предназначенное для особых, церемониальных случаев. Дополнительное свидетельство тому дают наблюдения, сделанные в процессе расчистки. Золотыми нитями был окутан весь костяк, не оказалось их лишь под тазовыми костями и бедрами. Ни одного обрывка золотой нити! Очевидно, что парадные одежды расшивались золотом с таким расчетом, чтобы украсить лишь видимые, обозреваемые части костюма. Есть веские основания предполагать, что подобный парадный костюм надевался лишь в торжественных случаях, когда государь принимал посетителей, сидя на троне.

Специалистами отмечено, что короткий с левым запахом кафтан едва ли не самый по-

пулярный вид одежды у кочевников, начиная с легендарных скифов. Так, воины в подобных одеждах изображены на всемирно известных золотых и серебряных изделиях из скифских курганов Юга России, таких, как Солоха и Куль-Оба⁵. Этот же тип одежды был распространен далеко на восточной окраине скифского мира вплоть до Алтая, что подтверждается находками из Пазырыкских курганов. Благодаря вечной мерзлоте в этих захоронениях до нашего времени сохранились изделия из дерева, кожи, войлока и ткани. На одном таком войлочном ковре изображен всадник в коротком кафтане с левым запахом, полы и отвороты которого украшены галунами⁶. Подобных доказательств множество, но достаточно и приведенных, чтобы заметить явное сходство в одеяниях скифов и погребенного в четвертой могиле Тилля-Тепе. Но на этом сходство кончается. На всех дошедших до нашего времени изображениях скифы почти всегда одеты в длинные штаны, обычно вправленные в мягкую обувь, что вполне естественно для кочевников, проводивших большую часть своей жизни верхом на коне. В противоположность этому захороненный в четвертом погребении был одет в складчатые одежды типа юбки. В памятниках кочевого, так называемого скифо-сарматского искусства такой тип одежды неизвестен, зато он был очень популярен на Древнем Востоке, и в особенности в соседнем с Бактрией Иране. На рельефах дворцов Персеполя - столицы империи Ахеменидов имеются изображения персидской знати - все они облачены в длинные складчатые одеяния, напоминающие «юбку». Наконец, на золотых пластинах из Амударьинского клада также изображены люди в длинных «персидских» одеждах⁷. В Передней Азии тип длинных складчатых, доходящих до пят одеяний был распространен с древнейших времен⁸. Однако, и это важно отметить, в ахеменидском Иране это были не повседневные, а парадные одеяния аристократии вообще и царей в особенности.

Таким образом, есть веские основания считать, что одеяния в четвертом захоронении имеют сходство как с традиционно кочевнической одеждой (кафтан), так и с местными парадными одеяниями, восходящими в конечном счете к парадным облачениям ахеменидских царей. Но дань увлечению всем иноземным была недолговечна - уже вскоре, в эпоху Великих Кушан, все государи будут носить преимущественно кочевнические одеяния: кафтан, штаны, заправленные в сапоги, и поверх всего длинный халат.

В отличие от государя, изображенного на подвеске «государь и драконы», реальный государь был погребен без короны, зато вместо нее ему под голову подложили массивную, золотого литья чашу весом 638 г, превосходящую по ценности любую из найденных корон. Чаша украшенная радиально расходящимися от дна к краю выпуклыми гофрами, выполнена в лучших греческих традициях: это фиала с сохранившейся с одного края греческой надписью «СТАМА». Мы между собой называли ее чаша Ру«стама» - по имени ее первооткрывателя - Рустама Сулейманова.

Золотая чаша покоилась не на днище гроба, а на расшитой золотыми бляшками шелковой подушечке. О том, что золотая фиала, подложенная под голову, символизировала корону, можно предполагать на основании следующих фактов. К моменту раскопок с края чаши на лоб черепа свешивалась миниатюрная модель золотого дерева. Прямой четырехгранный в разрезе ствол сохранил отходящие от него ветви, заканчивающиеся свободно вращающимися листочками-дисками и жемчужинами, видимо, имитирующими плоды. Модель дерева имеет крестовидную подставку с пробитыми в ней дырочками для крепления на месте, однако в данном случае она была просто прилеплена клеящим или смолистым веществом к краю сосуда. Вероятно, модель дерева составляла часть какой-то сложной композиции, откуда была выломана и положена в могилу. Дополнительное подтверждение этому мы получили позднее, когда, расчищая пол могильной ямы, обнаружили откатившуюся в сторону от черепа миниатюрную пустотелую статуэтку горного архара.

Образ этого гордого животного чрезвычайно широко распространен в искусстве Древнего Востока, но такое высокохудожественное исполнение встречено впервые. Небольшая, сухая головка с четко очерченными, чуть раздутыми ноздрями и слегка выпуклыми, как бы испуганными глазами покрыта тонкой сеткой проступающих под атласной кожей жил, подчеркивающей выпуклые желваки челюстей. Голову венчает пара мощных, сильно изогнутых

рогов, с четко моделированными поперечными кольцами. Мягко изогнутая шея с густой косматой бородой переходит в стройное, изящное, покрытое короткой, но густой шерсткой тело. Прямо поставленные ноги с выделенными коленными суставами и раздвоенными копытцами опираются на специальные колечки, при помощи которых статуэтка некогда крепилась в более сложной композиции. Об этом же свидетельствует полая трубочка, закрепленная между рогами, в которую, возможно, вставлялся штырь от какого-то другого изделия.

Не исключено, что и деревце и статуэтка архара некогда являлись частями одной композиции, откуда были выломаны кочевниками-завоевателями. Мы вряд ли когда-нибудь узнаем историю их происхождения, но исполнение статуэтки архара обнаруживает традиции великого греко-бактрийского эллинистического искусства. Думается, что статуэтка была изготовлена в пору расцвета Греко-Бактрийского царства и находилась в могиле во вторичном использовании.

Когда у археолога нет уверенности в точности назначения того или иного предмета, он по необходимости прибегает к поискам аналогичных изделий. Так поступили и мы в данном случае. Удалось установить, что скульптурные изображения деревьев имеются в знаменитой сибирской коллекции, о которой следует сказать особо, так как в дальнейшем это замечательное собрание ювелирных изделий будет часто привлекаться нами для сравнения. Кажется бы, расстояния, разделяющие Афганистан и Сибирь, исключают возможность сходства, однако весь комплекс находок этой могилы с несомненностью свидетельствует об обратном.

В конце XVII — начале XVIII в. на территории Западной Сибири начинается настоящая «золотая лихорадка». Случайные находки золотых вещей из древних захоронений побуждали сотни любителей легкой наживы устремиться на хищнические раскопки курганов, во множестве расположенных тогда по сибирским рекам. О масштабах хищнических раскопок можно судить по тому, что уже тогда стоимость золотых изделий, награбленных в разоренных курганах, оценивалась во много тысяч рублей. Хищническое разграбление продолжалось много лет и стало настоящим промыслом для тех, кто жил вблизи курганных могильников, в особенности расположенных по рекам Ишим и Обь. Замечательные ювелирные изделия из сибирских курганов морем переправляли для продажи в Европу, часто они становились добычей морских пиратов, как это документально засвидетельствовано для голландских коллекционеров. Так продолжалось до тех пор, пока по случаю рождения сына Петра I счастливой царице не были поднесены подарки, в числе которых от сибирских заводчиков поступили золотые изделия из разграбленных курганов. Эти ювелирные изделия возбудили живой интерес Петра I, и сначала устно, а затем в 1718 г. и письменно были изданы указы, согласно которым все такие вещи должны были за большое вознаграждение сдаваться в кунсткамеру. В указе был специальный пункт, предписывающий делать чертежи могил и описание находок внутри них. Так стараниями Петра I были сохранены ювелирные изделия, получившие название «петровской коллекции» или «сибирского золота», ныне составляющие подлинное украшение Государственного Эрмитажа.

Многие изделия сибирской коллекции находят близкие соответствия, если не копии, среди погребальных украшений могил Тилля-Тепе. Так, в сибирской коллекции есть золотое дерево с четырехгранным стволом и подставкой с дырочками, близко напоминающее модель деревца из четвертой могилы. В особенности поразительное сходство имеет так называемая новочеркасская диадема, на которой представлена композиция, включающая дерево и стоящих по обе стороны от него козлов. Это сходство позволяет предположить, что деревце, статуэтка архара и два шарика с петельками, обнаруженные на полу могильной ямы, в момент захоронения были прикреплены к бортику золотой фиалы. Вся эта композиция символизировала высокий социальный статус покойного. Убедительное свидетельство значения образа архара как символа в социальной стратификации древнего общества дает бронзовая статуэтка, происходящая из Лурестана (Иран). Она изображает обнаженную богиню, поддерживающую руками груди; голова богини увенчана непропорционально крупной статуэткой архара с огромными, сильно изогнутыми рогами⁹. О том, что образ архара символизировал власть свидетельствует и золотая статуэтка этого гордого животного, которая венчала высо-

кий и очень сложный головной убор в богатейшем погребении неподалеку от озера Иссык-Куль¹⁰.

Согласно уже выявленным нами погребальным обрядам, нижняя челюсть умершего должна была быть подхвачена золотой лентой. В четвертом же захоронении оказались две золотые подчелюстные ленты - еще один аргумент в пользу того, что мы вскрыли царскую могилу. Шею умершего охватывала золотая пектораль, сплетенная из двух толстых золотых проволоочек, наглухо спаянных в местах соединения; в центре пекторали камея, вставленная в золотую оправу. Для камей подобран двуслойный камень: белый и коричневый, что само по себе уже дает классическое сочетание цветов для подобных изделий. Осторожно стесав коричневый слой по краям камей, мастер-камнерез получил заготовку с белоснежным фоном, в центре которого на оставленном коричневом слое вырезал профильное с поворотом влево погрудное изображение человеческой фигуры. Лицо с прямым, но коротким носом, глаза глубоко посаженные, с выделенными круглыми зрачками, губы пухлые и капризные. Бесспорно, это не абстрактный образ, а портретное изображение. На голове македонский шлем с округлым верхом, перехваченным мягкой лентой; из-под коротких полей шлема на шею спускаются волосы, частично закрывающие уши. Двумя петельками, скрепленными золотыми штырями, камея соединяется с пекторалью, которая сзади на шее застегивается при помощи миниатюрного золотого гвоздика с загнутым концом.

Профильная, погрудная фигура на камее очень схожа с изображениями государей на греко-бактрийских монетах. Думается, что камея была выполнена в предшествующее эллинистическое время греко-бактрийскими мастерами и на ней изображен один из представителей местной аристократии некогда прославленного царства. Позднее, когда к власти пришла новая династия кушан, камея была вставлена в специально изготовленную для этого золотую пектораль и служила символом царской власти. Достаточно вспомнить каменные рельефы кушанских и парфянских царей. На всех изображениях присутствуют шейные гривны или пекторали, нередко с вставленными в их центр камнями¹¹. Новые правители всячески стремились подчеркнуть не только свое высокое социальное положение, но и преемственность царской власти от Греко-Бактрийского царства.

Как уже отмечалось выше, кафтан покойного был перехвачен золотым поясом. Этот пояс - уникальное произведение бактрийского ювелирного искусства. Он представляет собой плетеный из золотых нитей в восемь рядов ремень, состоящий из восьми отрезков, соединенных между собой девятью круглыми золотыми бляшками. Пряжек на месте нет. И только расположение двух концов пояса на середине живота покойного отмечает место их соединения.

Каждая бляшка, полая внутри, отлита в индивидуальной матрице в высоком, почти круглом рельефе в виде однотипной композиции - женщина, сидящая на льве. Каждая такая бляшка имеет по паре широких прямоугольной формы пустотелых выступов, куда вставлялись и наглухо зажимались плетеные отрезки ремня.

Рассмотрим подробнее композицию. В центре бляшки изображен лев в движении в профиль. Морда с зубастой пастью и высунутым языком повернута в сторону зрителя и слегка закинута назад. Мощная грудь опирается на мускулистые передние лапы с выпущенными когтями. Левая нога выдвинута вперед, а правая - назад. На спину льва наброшена прямоугольной формы, видимо, матерчатая попона, украшенная по краю полосой из мелких кружочков; с концов попоны свисают длинные кисти. Поверх попона туго стянута ремнем, уходящим под живот льва; левая задняя нога выдвинута вперед, хвост забран под живот.

Верхом на льве восседает женщина: лицо с правильными, но резкими, если не сказать жесткими, чертами. Волосы зачесаны наверх и уложены в круглый шиньон. Одевание типа туники, оставляя оголенными шею и руки, мягкими складками облегает грудь. В талии туника перехвачена поясом, от которого вниз вертикальными складками ниспадает короткая юбочка, заканчивающаяся чуть выше колен, на свободно свешивающихся ногах сандалии, достигающие до середины икр. Правая рука согнута в локте и опирается на шею льва, левая - опущена на колени и держит типично греческий двуручный орнаментированный сосуд.

Бляшка заканчивается прямоугольным орнаментированным выступом с пятью петельками, через которые пропущен загнутый на концах шпинец, крепящий бляшку на ремне.

Вторая бляшка украшена той же композицией, но чуть-чуть в другом ракурсе. С обеих сторон бляшка имеет прямоугольные выступы с петельками для крепления к плетеному ремню.

На композиции третьей бляшки косматая голова льва сильно выступает вперед и откинута назад более круто, чем у описанных выше; попона украшена по-иному, а хвост, пропущенный под живот, обвивает левую ногу животного. Женщина показана с низко опущенной головой, высокая башнеобразная прическа передана спереди надо лбом горизонтальным валиком скрученных внутрь волос с кружком в центре; правая рука прижата к груди, левая держит двуручный: сосуд. Несколько изменена и поза: теперь женщина сидит, свободно свесив правую ногу, а согнутая левая опирается на круп льва.

На четвертой бляшке у льва голова еще более круто повернута назад, закрученный на конце хвост пропущен под живот, попона украшена по краю прямыми гнездами. Женщина сидит с поднятой вверх головой, наискось через левое плечо к поясу спускается лента. На пятой бляшке, отмечающей центр пояса, лев показан левой стороной. Женщина прижимает ладонь левой руки к груди, причем длинные пальцы раздвинуты так, что, возможно, сцеживают молоко в подставленный двуручный сосуд. На шее четко видна гривна с несомкнутыми концами, ноги, обутые в высокие ременные сандалии, опираются на круп животного.

Композиции шестой, седьмой, восьмой и девятой бляшек почти с точностью копируют описанную выше.

Можно почти не сомневаться, что на бляшках изображена владычица животных, богиня Кибела, неизменными спутниками которой всегда выступают львы и всегда в подчиненном положении. В данном случае богиня утверждает свое неоспоримое господство над всем животным миром, оседлав царя всех зверей. Кибелу принято считать типично иранским божеством, но не исключено, что истоки этого образа уходят в глубокую древность. Среди печатей эпохи бронзы в Бактрии есть одна, происходящая из хищнических раскопок могильников. В конечном счете она попала в Луврский музей. На этой печати изображена женщина, восседающая верхом на фантастическом животном¹². Налицо не только иконографическая, но и стилистическая близость композиции, причем особенно показательна, что животное на бронзовой печати показано с оскаленной мордой, повернутой назад, так же как и лев на золотом поясе. Итак, налицо преемственность образа женского божества, владычицы всего животного мира, зародившегося еще во II тысячелетии до в. э. Позднее, в античное время, это божество названо богиней Кибелой. Этот традиционно местный образ претерпел определенные изменения, свидетельствующие о далеко зашедшем процессе грецизации бактрийской культуры на рубеже нашей эры, в частности произошла замена восточных одеяний и прически чисто греческими.

На запястьях рук покойного сохранились золотые, но ничем не примечательные, помимо их солидного веса, браслеты с несомкнутыми концами.

У левого бока, упираясь золотым навершием рукоятки в предплечье, лежит длинный железный меч в деревянных ножнах. У правого бедра на кожаной портупее, украшенной золотыми фигурными бляшками, подвешен железный кинжал, золотые ножны которого, бесспорно, являются шедевром мирового эллинистического искусства. Они отлиты в горельефной технике и по краю украшены растительным орнаментом в виде вьющихся побегов, инкрустированных мелкими бирюзовыми вставками. Ближе к центру, между двумя параллельными линиями из круглых выпуклых бирюзинок, рельефом выполнена сцена терзания животных. Если рассматривать эту композицию с узкого конца ножен, то первым в ней изображен крылатый зверь с хищным клювом, глубоко посаженными глазами и заложенными назад ушами; сильно изогнувшееся тело, когтистые лапы подобраны под живот, хвост с бирюзовой вставкой на конце пропущен под живот и извиваясь высовывается из-за спины. В клюве зверь крепко зажал лапу впереди идущего фантастического существа. Это крылатый дракон со змеиным телом, огромной головой с широко раскрытой зубастой пастью, в которой виден

длинный изогнутый язык. Закрученный вверх сморщенный нос инкрустирован бирюзой, глаза круглые, из небольшого лба вверх торчат витые, изогнутые рога, уши заложены назад. По хребту от головы до хвоста рельефный гребень; из спины вверх поднимаются инкрустированные бирюзой крылья. Задняя часть животного показана со спины с раскоряченными когтистыми ногами и длинным хвостом, изогнутым так что конец его извиваясь заканчивается у передних лап.

Следующее крылатое существо с торчащими вперед ушами и небольшими закрученными рожками изображено в профиль. Длинная изогнутая шея переходит в крылатое туловище, заканчивающееся поджатым под живот хвостом. Показаны три ноги, из которых одна, задняя, находится в пасти идущего сзади дракона; крылья и шея богато инкрустированы бирюзой.

В свою очередь, и этот зверь вонзил зубы в идущее впереди фантастическое животное. Морда с загнутым клювом, небольшой роговой нарост на верху головы, круглые, глубоко посаженные глаза с крупными надглазными буграми сверху прикрыты торчащими вперед ушами. Длинная, по-змеиному изогнутая шея сверху подчеркнута невысоким гребнем, а снизу украшена мелкими линиями, передающими, по-видимому, косматую шерсть; из плеч торчат небольшие крылья, хвост трусливо поджат под живот.

Наконец, последний персонаж этой сложной композиции представлен также крылатым зверем кошачьей породы. Голова с оскаленной мордой, заложенными назад ушами повернута назад; из плеч вырастают крылья, когтистые лапы инкрустированы бирюзой. Длинный хвост поджат под живот, причем в животное впился клювом идущий сзади фантастический зверь.

На этой фигуре сцена на ножнах прерывается, но не заканчивается, а переходит на рукоять кинжала. Здесь опять идет зверь, отчасти напоминающий третьего из описанных выше. Длинная, изогнутая шея с невысоким торчащим гребнем наверху и складками кожи внизу переходит в мощное крылатое тело, инкрустированное бирюзой. Когтистые лапы показаны в движении; между ногами пропущен длинный хвост, который из-под живота поднимается вверх на спину и заканчивается петлей с бирюзовой вставкой. Впереди идущий зверь, подобно последнему из изображенных на ножнах, показан с повернутой назад, огрызающейся мордой. Передние лапы вытянуты вперед, задние вывернуты так, что животное показано со спины с задранными вверх лапами, между которыми торчит кончик загнутого хвоста, украшенный круглой бирюзовой вставкой. В колено правой ноги впился раскрытой пастью идущий сзади зверь.

Круглое навершие ручки кинжала по краю оформлено полосой из инкрустированных бирюзовых миндалин. В центре круга... Казалось бы, именно здесь, на навершии, можно было ожидать наиболее драматический финал мрачной сцены, изображенной на ножнах, однако безвестный мастер завершил трагедийную композицию удивительно оптимистично и жизнеутверждающе. На навершии изображен медвежонок с расставленными в стороны лапами и маленьким хвостиком, небольшая головка с торчащими, инкрустированными бирюзой ушами, маленькие сонные глазки и длинный нос с четко моделированными ноздрями. Во рту медвежонок держит вьющуюся виноградную лозу.

Эта находка ошеломила нас не столько совершенством художественного исполнения, сколько своим историко-культурным значением. Композиция на ножнах едва ли не наиболее типичная для так называемого скифского звериного стиля. Подобные сцены терзания животных составляют сущность этого древнего и все еще загадочного искусства! Если до находки золотых ножен отдельные скифские элементы мы еще расценивали как простое влияние одного искусства на другое, естественное для соседних племен, то теперь стало очевидным, что владельцы найденных вещей имели непосредственное отношение к кочевому миру.

В самом деле, основным мотивом всемирно известного скифского искусства является тема борьбы реальных и фантастических существ. Правда, как правило, это не целые процессии, а парные сцены, так что композиция на золотых ножнах пока единственная в скифо-

сарматском искусстве. Зато процессии идущих друг за другом животных широко известны в древневосточном искусстве, в частности в соседнем Иране, в том же Персеполе. Более того, в самой Бактрии еще во II тысячелетии до н. э. в эпоху бронзы, т. е. задолго до времени захоронений на Тилля-Тепе, были широко распространены ритуальные сосуды, украшенные по бортику изображением мерно шествующих один за другим людей, птиц, животных. Таким образом, есть основание утверждать, что в произведениях местных ювелиров эпохи позднего эллинизма вполне четко прослеживаются переднеазиатские влияния.

Обратимся теперь к изображениям, на ножнах: все персонажи этой композиции, кроме медвежонка, - фантастические существа. Это орлиные грифоны с хищно загнутыми клювами, крылатые хищники с маленькими рожками, крылатые кошкообразные хищники и, наконец, дракон со змеиным телом, представленный в единственном числе.

В кошкообразных хищниках художник передал образы барсов или пантер - они показаны в полном соответствии с натурой, и лишь из-за крыльев за плечами изображенных животных можно отнести к разряду фантастических существ.

Львиные грифоны с небольшими закрученными рожками удивительно напоминают аналогичные скульптурные изображения из сибирской коллекции, где подобные фантастические существа терзают мирных парнокопытных¹³.

Меньше соответствий у крылатых барсов или пантер, морды которых заканчиваются хищными орлиными клювами. Такие полиморфные существа, сочетающие в себе одновременно несколько разнородных видов птиц и животных, известны в скифском искусстве не только в Причерноморье, но и на Алтае¹⁴. На одной из золотых пряжек сибирской коллекции также изображена сцена борьбы таких фантастических зверей с тигром¹⁵. Все эти факты позволяют проследить вполне ощутимые связи от подобных скифо-алтайских изображений до переднеазиатских, и в том числе бактрийских.

Особый интерес в композиции на ножнах вызывает образ дракона, специфическая поза которого (когда передняя часть показана в профиль, а задняя - со спины с раскоряченными ногами) находит редкие, но тем более выразительные аналогии в произведениях скифо-сарматского искусства. Подобные, но не идентичные изображения украшают золотые поясные пряжки из сибирской коллекции¹⁶. Еще более показательные соответствия дают бронзовые застежки, происходящие из случайных находок с окраинных границ Китая, а также из Бурят-Монголии, где они были обнаружены при научных раскопках могил на Иволгинском городище¹⁷. Налицо не только иконографическая, но и стилистическая близость, так как везде драконы изображены однотипно - в двух противоположных ракурсах (в профиль и со спины), причем наиболее восточные находки происходят из районов поблизости от Китайской стены, а наиболее западные - из Бактрии. Сходство настолько близкое, что полностью исключает элемент случайности. Казалось бы, есть все основания утверждать, что образы драконов привнесены в бактрийское искусство из Китая, однако, по убедительному мнению специалистов, образы драконов на изображениях, найденных поблизости от Китая, не местного происхождения, а навеяны западносарматским искусством¹⁸.

В науке уже много лет продолжается спор - в каком районе Азии зародился мотив дракона, который затем распространился в искусстве многих стран. Дракон в мифологии многих народов Древнего Востока появился очень рано, и сейчас уже можно выделить два основных центра: первый - в Передней Азии, точнее, в Месопотамии, где изображения драконов особенно популярны на цилиндрических печатях IV - III тысячелетий до н. э.; второй - в Юго-Восточной Азии, и в том числе в Китае. Последние археологические открытия в Передней Азии дают возможность по-новому осветить эту старую проблему.

В 60 - 70-х годах на антикварных рынках Ирана появились каменные амулеты с выгравированными сложными, нередко сюжетными композициями. Необычный тип амулетов с совершенно неизвестными ранее композиционными сюжетами, включающими животных и птиц, змей и драконов, не вызывали доверия у коллекционеров, и лишь немногие рискнули приобрести их. Тем не менее часть амулетов попала в европейские музеи, и в частности в коллекцию Луврского музея в Париже. Много лет подлинность их вызывала сомнение среди

специалистов, амулеты не выставлялись в экспозициях и не публиковались, а пылились в запасниках музея.

Такое положение продолжалось вплоть до конца 70-х годов. В это время научные раскопки в Бактрии выявили очень похожие амулеты со сходными гравированными рисунками. Примерно тогда же в песках Каракумов на юго-востоке Туркмении, в бассейне древней дельты р. Мургаб советские археологи обнаружили древнюю страну Маргуш. Исследования древних памятников этой забытой страны выявили каменные печати и амулеты точно того же типа, что в Иране и Северном Афганистане. После того как амулеты из Маргианы и Бактрии были опубликованы в специальной литературе¹⁹, французские коллеги из Луврского музея убедились в подлинности своей коллекции, происходящей из грабительских раскопок Ирана, и также приступили к их изданию²⁰. В результате с документальной точностью удалось установить, что во II тысячелетии до н. э. древнеземледельческие племена Бактрии, Маргианы и отчасти Ирана изготавливали каменные печати и амулеты, которые должны были уберечь их владельцев от жизненных невзгод. Мастера-камнерезы изображали на печатях и амулетах целые сцены, связанные в конечном счете с темой борьбы добра и зла, темных сил и светлого начала. Ограниченные малыми размерами амулетов, они по необходимости воплощали свои идеи в зашифрованном виде, так что сейчас эти рисунки представляются своего рода древними криптограммами.

Мифологические представления людей того времени, и в том числе бактрийцев, были буквально пронизаны идеей борьбы добра и зла, ежеминутно и ежечасно борющихся за души живых людей. Так, силы зла олицетворяли грозные, кровожадные драконы, бросающиеся на свои жертвы, обычно изображаемые в виде мирных животных. На амулетах мы видим драконов с широко разинутыми пастьми и выпученными глазами; изогнувшиеся по-змеиному тела нередко покрыты мохнатой шерстью. Встречается несколько разновидностей драконов: рогатые драконы, драконы с лягушачьими лапками, драконы с высокими гребнями и т. д.

Таким образом, стало очевидным, что Бактрия, Маргиана и отчасти Иран являлись тем районом в Передней Азии, где издревле существовал культ драконов, общая иконография которых близка изображениям фантастических существ на изделиях античной Бактрии. Есть веские основания считать их изначальными прототипами тех изображений драконов, которые мы обнаружили на ювелирных изделиях некрополя Тилля-Тепе. И кто знает, не из бактрийского ли центра сложившийся канонический образ дракона распространился далее в северо-восточном направлении в кочевой скифо-сарматский мир, достигнув в конечном счете крайних пределов - вплоть до Великой китайской стены.

Сейчас можно говорить о Бактрии как об одном из центров, где с древнейших времен распространены были образы полиморфных существ, сочетавших в себе части тел различных животных, а порой и человека. Свидетельством тому служат все те же каменные амулеты и металлические печати эпохи бронзы, сохранившие интересующие нас изображения. До самого последнего времени древнейшие изображения крылатых зверей кошачьей породы были известны лишь в Месопотамии и Иране, однако теперь они выявлены и на бактрийских печатях эпохи бронзы, относящихся ко II тысячелетию до н. э. В большинстве своем это крылатые львы, всегда изображенные в профиль, в движении, с устрашающе раскрытой, ощеренной пастью. Уже на некоторых из этих амулетов мордам львов приданы птичьи черты однако с уверенностью об этом стало возможным судить после находки уникального каменного амулета, происходящего из Маргианы²¹. Львы в Бактрии в естественном виде неизвестны, так что этот образ скорее всего был привнесен из переднеазиатского мира и получил на новом месте трактовку, тесно связанную с местными мифологическими представлениями и народными верованиями бактрийских племен. Словом, к тому времени, когда на Тилля-Тепе совершались захоронения, образы львоголового и орелоголового грифонов стали уже традиционными, и отсюда они могли распространиться далее на северо-восток вплоть до Алтая. Недаром древние греки упорно считали «родиной» грифонов не Иран, а именно Бактрию, в которую они, по-видимому, включали и Маргиану.

Упорство, с каким мы в который раз подчеркиваем переднеазиатские влияния на искус-

ство кочевого мира степей Евразии, не должно заслонять обратного процесса - влияния кочевников на оседлых земледельцев. И находки в некрополе Тилля-Тепе позволяют документально зафиксировать этот процесс. Наиболее веским свидетельством является форма ножен - с четырьмя выступающими боковыми лопастями. Как известно, у скифов были распространены совершенно иные по форме ножны - с одной боковой лопастью для подвешивания к поясу. Типичные образцы таких ножен - великолепные золотые ножны из Амударьинского клада, а также из скифских причерноморских царских курганов, хранящиеся в Эрмитаже и Британском музее. Точно такие же ножны были в моде у ахеменидских царей (как это можно судить по персепольским рельефам), на основании чего высказано вполне обоснованное предположение о индийском происхождении этого типа ножен. Иначе говоря, считают, что этот тип ножен зародился в древней Персии в области Мидии, откуда они были заимствованы как ахеменидскими царями, так и скифами (во время их краткого пребывания в Передней Азии)²². Рассматриваемые же нами ножны относятся к более позднему времени - рубежу нашей эры, - когда в кочевом мире безраздельно господствовали пришедшие на смену скифам сарматские племена, К сожалению, в многочисленных сарматских курганах еще не встречены царские захоронения с золотыми «нетленными» изделиями, которые бы донесли до нас тип ножен этого времени. Рядовые сарматские курганы изобилуют железными кинжалами, и их деревянные или кожаные ножны обычно доходят до нас в виде трухи, не дающей представления о их былой форме.

Когда мы обнаружили ножны с четырьмя боковыми лопастями, то сразу же обратили внимание на их сходство с изображениями ножен на известных каменных изваяниях царей Антиоха²³ и Митридата Каллиника²⁴. Казалось бы, четко просматривается связь между малоазиатскими и бактрийскими кинжалами, если к тому же учесть, что нигде на обширной территории Евразии подобный тип ножен пока неизвестен. Однако в который раз археологическая реальность внесла коррективы в наши представления и допущения. В горном Алтае были раскопаны скифские курганы, в которых благодаря вечной мерзлоте сохраняются органические остатки. Советские археологи обнаружили в них захоронения воинов в полном боевом вооружении. Среди оружия были кинжалы в деревянных ножнах с четырьмя выступающими лопастями. Поскольку алтайские образцы на несколько столетий древнее бактрийских, то становится очевидным, что честь изобретения подобных ножен принадлежит местным алтайским племенам. Постепенно этот тип ножен распространяется по всему скифскому миру, а позднее перенимается сарматскими племенами. Изображения этого типа кинжалов на каменных рельефах из Малой Азии красноречиво свидетельствуют о широком распространении скифского оружия от границ Алтая и Монголия вплоть до Афганистана и Турции.

В эллинистические центры Передней Азии этот тип кинжалов был занесен скифскими сибиро-алтайскими племенами, завоевавшими эти районы. Поддавшись очарованию эллинской культуры, следуя ее модам, завоеватели все же чтиты обычаи и традиции своих предков, и местные мастера изготовляли для них парадное оружие по образцам, распространенным на их прародине. Предельная степень стилизации характеризует всю композицию ножен из Тилля-Тепе - фигуры животных как бы «вырастают» одна из другой, составляя единую тематическую сцену, общий устрашающий смысл которой должен возвеличить силу и могущество владельца кинжала. Показательно, что, за малым исключением на «полотнах» звериного стиля хищники, часто фантастические, терзают мирных парнокопытных. Композиция, изображенная на ножнах, - исключение из общего правила: здесь все персонажи фантастические хищники, и все взаимно терзают друг друга. Вероятно, это должно было усилить охранительную силу оружия и возвеличить доблесть и могущество его владельца.

Осталось добавить, что золотая ручка кинжала с оборотной стороны украшена растительным орнаментом в виде стилизованных вьющихся побегов виноградной лозы. Прямое широкое перекрестие отделяет золотую рукоять от железного, массивного, обоюдоострого клинка. Ножны с оборотной стороны кожаные. Лицевая золотая и обратная кожаная стороны скреплялись при помощи золотых дисков со стерженьками, укрепленными на боковых лопастях, - стержни пропущены через кожаные лопасти оборотной стороны ножен так, что

крепко соединяют обе половинки ножен.

Бытует предположение, что у сарматов-воинов подобные кинжалы крепились к поясу двумя ремнями, прикрепленными к двум парным лопастям ножен. В нашем же случае кинжал крепился к кожаной португее бронзовой скобой, которую мы обнаружили под навершием ручки кинжала. Она представляет собой пластину с двумя колечками, через которые, видимо, продевали ремешки крепления. Правда, в отверстиях сохранились следы ткани, а не кожи, что может указывать на многообразие в способах крепления оружия.

Около кинжала находились еще два золотых изделия. Между бедром покойного и кинжалом (частично под ним) лежала литая золотая пластина арочной формы, на лицевой стороне которой высоким рельефом изображена сцена - хищник типа барса или пантеры терзает поверженную антилопу. Небольшая горбоносая головка антилопы обреченно опущена на землю. Ноги животного с выделенными копытцами подобраны под крупное с напряженными мышцами тело, закапчивающееся коротким, загнутым вниз хвостиком. Судя по некоторым деталям, и в первую очередь горбоносой морде, думается, что на пластине изображен сайгак - типичный обитатель степей Казахстана и Алтая. По крайней мере именно в скифском искусстве Алтая (в знаменитых Пазырыкских курганах) известны точно такие скульптурные головки сайгаков²⁵. У хищника, вскочившего на антилопу, по-кошачьи изогнувшееся тело с подобранным животом и выделенной мускулатурой, мощные когти безжалостно впились в тело поверженной жертвы. Морда с четко выделенными ноздрями, по-рысьи раскосыми глазами и прижатыми ушами. Из-за плеч зверя вверх поднимаются изогнутые на концах крылья; выделенные мускулы передних и задних лап инкрустированы бирюзовыми вставками. Обратная сторона пластины снабжена золотыми крючками и отверстиями, при помощи которых она крепилась на конце широкого кожаного ремня.

По целевому назначению эта пластина имеет аналогии - костяные или деревянные подвески с резными зооморфными изображениями, происходящие из Пазырыкских курганов. Такими пластинами завершали седельные ремни²⁶. Чрезвычайно показательно, что подобно алтайским подвескам бактрийские также имеют сквозные отверстия для более прочного крепления на ремне. Что касается сюжета, изображенного на золотой пластине из Тилля-Тепе, то перед нами чрезвычайно распространенный и популярный мотив скифского звериного стиля - хищник, нередко крылатый, терзает мирное парнокопытное животное. Достаточно вспомнить золотые пластины из всемирно известных скифских курганов²⁷ и тем более аппликации Пазырыкских курганов Алтая²⁸, чтобы не приводить более никаких других доказательств. Было бы соблазнительно видеть прямую связь между бактрийскими и скифскими изображениями, однако, как считают специалисты, этот мотив мог быть навеян в среду скифских кочевых племен из Передней Азии, и в частности из ахеменидского Ирана (рельефы Персеполя). И все-таки, как кажется, сцена на золотой пластине из Тилля-Тепе по стилю ближе к скифо-алтайским, чем к персидским изображениям. Косвенным доказательством может служить тот факт, что на ахеменидских рельефах хищник, как правило, стоит на земле и лишь передними лапами когтит свою жертву. В то же время в скифском искусстве Алтая более распространены изображения, на которых хищный зверь всеми четырьмя лапами взгромоздился на свою жертву²⁹, что перекликается с аналогичной композицией на золотой пластине из Тилля-Тепе. Правда, считается что профильное изображение хищника с головой, повернутой в сторону зрителя (как на нашей пластине), более характерно для персидского искусства, однако аналогичные рисунки сохранились на украшениях седельной покрышки из Пазырыка³⁰.

На сибирско-алтайские традиции указывает и арочная форма пластины, нигде пока более не известная, кроме Алтая. Именно там, в одном из могильных курганов, археологам повезло обнаружить бронзовую ажурную пряжку точно такой же арочной формы с изображением оленя, которого терзает крылатый зверь³¹. При чрезвычайно широком распространении мотива терзания хищником своей жертвы специфическая форма пластины из Тилля-Тепе - убедительное доказательство ее сибирско-алтайского, а не переднеазиатского происхождения.

По другую сторону кинжала лежала полая золотая трубочка с коническим навершием и диском под ним. Внутри трубки сохранились остатки сгнившей кожи - свидетельство того, что трубочка служила наконечником длинного ремня; к тому же к моменту расчистки могилы она лежала навершием вниз.

До удивления точно такой же набор - нож в золотых ножнах, золотую пластину арочной формы и золотую трубочку - мы обнаружили у левого бока покойного. Бесспорно, наибольшую художественную и научную ценность представляют золотые ножны. Пожалуй, подобные находки еще не встречались в археологической практике. Ножны представляют собой бронзовую пластину-основу, сужающуюся к концу, где она заканчивается двумя выступающими лопастями. Сверху с лицевой стороны на эту бронзовую пластину надет золотой футляр, центральная, осевая часть которого выпуклая - в образованное таким образом пространство и вставлялось железное лезвие ножа. Золотой футляр имеет загнутые края, заходящие на бронзовую пластину-основу; дополнительная бронзовая пластина вставлена поперек основной в узкой части так, что концы ее укреплены в выступающих лопастях.

Золотая лицевая обкладка ножен украшена по внешнему контуру выпуклыми бирюзовыми сердечками вставленными в специальные гнезда. По обе стороны от выпуклой центральной части ножен полоса орнамента из чередующихся фигур свастики и четырехлепестковых розеток, инкрустированных бирюзовыми вставками.

Выступающая осевая часть футляра украшена рельефным изображением двух фантастических существ, одно из которых терзает другое. Вся композиция как бы «вырастает» из узкого конца ножен и, расширяясь, заканчивается у самой рукояти, полностью заполняя собой всю центральную часть. В верхней широкой части изображено со спины фантастическое существо с волчьей головой, повернутой в сторону. Зло оскаленная морда с зубастой пастью, сморщенным, торчащим вверх носом и круглыми, бешено вытаращенными глазами под грозно нахмуренными бровями увенчана мощными развесистыми оленьими рогами, заканчивающимися бирюзовыми шариками; длинные уши также инкрустированы выпуклыми бирюзовыми вставками. От подбородка вниз спускается клиновидная борода, над верхней челюстью торчит шип. Длинная, плавно изогнутая шея хищника имеет сверху невысокий гребень; от шеи веером по всему животу расходятся мягкие складки кожи. На мускулистой спине сложенные крылышки; передние лапы, мощные, трехпалые, с выпущенными когтями, выставлены вперед.

Нижняя часть тела показана в профиль; напряженные задние лапы переданы в движении: правая под животом, левая отставлена назад и частично находится в пасти второго зверя. Длинный хвост, инкрустированный бирюзовыми вставками, пропущен между ног, заброшен далеко за спину, и конец его свернут в кольцо.

Второй персонаж тоже фантастическое существо - маленькая изящная змеиная головка со слабо выделенными ноздрями и небольшими глазками, сверху торчащие вперед бирюзовые уши, между которыми начинается волнистый невысокий гребень, спускающийся до основания шеи. Нижнюю часть сильно изогнутой шеи охватывают мягкие, расходящиеся веером складки, продолжающиеся на животе. Трехпалые лапы передних ног с выпущенными когтями выставлены вперед и инкрустированы бирюзовыми вставками. На широкой с выделенными буграми мышц спине небольшие, инкрустированные бирюзой сложенные крылышки. Длинное, по-змеиному гибкое тело с выделенными, как бы проступающими под гладко натянутой кожей ребрами, плавно переходит в задние ноги, показанные в профиль. Мощные, упругие лапы зверя показаны в стремительном движении: левая под животом, правая отставлена далеко назад; длинный, инкрустированный бирюзинками хвост, мягко обвивая отставленную назад ногу, заканчивается кисточкой, украшенной тремя бирюзовыми вставками.

Осталось добавить, что на боковых лопастях ножен изображены великолепные головы муфлонов, до сих пор обитающих в отрогах Гиндукуша.

Пожалуй, до сих пор среди погребальных приношений Тилля-Тепе не было встречено изделия, которое бы так четко, как золотые ножны, обнаруживало смешение разных стилей и культурных веяний. В самом деле, мотив терзающих друг друга фантастических зверей,

орнаменты с традиционно индийской символикой в виде цепочки свастики впервые являют нам совершенно новое направление в развитии эллинистического искусства.

На этом фоне исключительно убедительны аналогии из Пазырыкских курганов - резные деревянные накладки от конской сбруи в виде рельефных фигурок барсов, туловища которых показаны сверху, а ноги в профиль. Как мы уже отмечали на примере дракона с других ножен, такой художественный прием известен в скифо-сарматском искусстве. В композиции же на ножнах из четвертого погребения налицо уже не простая схожесть, а идентичность иконографического образа. В обоих случаях передние трехпалые ноги вытянуты вперед, одна задняя нога показана под животом, вторая отставлена далеко назад; загнутые на конце извивающиеся хвосты расчленены у Пазырыкских барсов короткими поперечными надрезами, а на ножнах - прямоугольными бирюзовыми вставками. Налицо не только иконографическая, но и стилистическая перекличка, находящая подтверждение в рельефно выделенных плечевых мускулах, вырезанных в дереве в виде выпуклых «запятых», а в золоте переданных вставками из бирюзовых миндалин. Показательны также стилистические реплики в виде шипа на вздернутом носу, маленькой бородки, трехпалых лап, находящие близкие аналогии если не копии, в ювелирных изделиях особенно сибирской коллекции³². Истоки этого стиля уходят в Переднюю и Среднюю Азию - зародившись на основе лурестано-бактрийских художественных традиций, он затем мог распространиться в искусстве сарматских племен, кочевавших на обширных пространствах Евразии.

Итак, находки из погребений на Тилля-Тепе впервые демонстрируют нам масштабы смешения переднеазиатских и сибирско-сарматских стилей и культурных традиций, что в конечном счете и определяет сущность эллинистической культуры на Востоке. Но это не эклектика, не механическое смешение разных стилей, а органическая взаимосвязь, имеющая длительную историю развития.

Сложность конструкции ножен из четвертого погребения представляет не меньшую научную ценность, чем композиция на золотом футляре. Сам железный однолезвийный нож сохранил ручку, выточенную из слоновой кости; снизу и сверху она перехвачена двумя золотыми ободками. Подобная конструкция, когда ручка наполовину заходила внутрь ножен так, что снаружи торчал лишь конец ручки, обнаружена археологами впервые. С тыльной стороны ножен к бронзовой основе-пластине прикреплен дополнительный кожаный футляр, в котором к моменту расчистки находилась спекшаяся железная масса. После тщательной реставрации удалось установить, что в кожаный футляр с двух концов были вставлены два обоюдоострых кинжальчика, лезвия которых имеют форму удлиненных треугольных пластин.

Такое расположение кинжальчиков в ножнах подтверждается тем, что костяные ручки находились не рядом, как это можно было ожидать, а на противоположных концах кожаных ножен. Ручки из слоновой кости сохранились плохо, так как кость расслоилась. Тем не менее удалось установить, что они были покрыты резным орнаментом в виде виноградной лозы. Тыльные стороны ручек охвачены золотыми обоями с гранатовыми вставками в центре.

Из-за плохой сохранности футляра остается неясным, как крепился кинжальчик, располагавшийся ручкой вниз. Возможно, для этого служило найденное здесь бронзовое с золотой обкладкой колечко с несомкнутыми концами. Кинжальчики не относятся к разряду боевого оружия, скорее всего они имели престижное значение, свидетельством чего служат их богато декорированные ручки, едва ли не превосходящие по размерам сами лезвия.

Кажется, еще никогда в практике мировой археологии не встречались подобные наборы, состоящие из трех ножей-кинжальчиков, вставленных в одни общие ножны. Лишь когда будущие открытия обнаружат сходные изделия на других территориях, можно будет установить, изобретением какого народа они являлись. Сейчас двойные кинжалы, вставленные в одни ножны (но рядом один с другим), известны у узбеков (кош пичак), причем парадные экземпляры (как, например, из богатейшей коллекции эмира Бухарского) украшены множеством полудрагоценных камней.

В полном соответствии с уже описанным набором у правого бока умершего, с левой стороны нижнего конца ножен находилась золотая пластина арочной формы с сохранившимся на лицевой стороне выпуклым рельефным изображением, оконтуренным по внешнему краю бирюзовыми вставками. В основании пластины изображена лежащая на земле лошадь — ноги подогнуты, поникшая голова с косматой гривой, раскрытым в паническом страхе ртом, раздутыми ноздрями и заложенными назад ушами повернута в сторону.

Сверху на лошадь бросаются два однотипных фантастических крылатых хищника, изображенные со спины, но с повернутыми в сторону задними ногами. Один до них вцепился зубастой пастью в круп, а второй в шею поверженной лошади. Оба зверя имеют устрашающие морды с яростно вытаращенными округлившимися глазами, раздутыми ноздрями, заложенными назад ушами и вздыбленными загривками. По-кошачьи изогнувшиеся тела опираются на мощные трехпалые с выпущенными когтями лапы и заканчиваются спрятанными под живот хвостами. Мускулатура напряженных в стремительном движении тел подчеркнута бирюзовыми вставками. В целом же это уже хорошо известная нам сцена терзания, столь популярная в скифо-сарматском искусстве. Однако подобное композиционное решение встречено впервые. Вместе с тем сцены, где в качестве жертвы изображена лошадь, известны в единичных образцах, и, пожалуй, наиболее интересны для нас золотые пряжки из Петровской коллекции³³, на которых также представлена сцена терзания лошадей. Показательна одинаковая техника в передаче короткого подшерстка на ногах животных в виде зубчатого кантика как на сибирских, так и на бактрийских образцах.

С оборотной стороны на пластине нет ни обычных петелек, ни крючков для крепления; загнутые внутрь края с остатками сгнившего дерева - свидетельство того, что пластина была золотой обтяжкой деревянной основы. Подобные же арочной формы роговые и деревянные пластины во множестве встречены в Пазырыкских курганах Алтая, где они служили подвесками конской упряжи³⁴. Как правило, они украшены зооморфными орнаментами, что не оставляет сомнений в связи алтайских и бактрийских художественных традиций. Убеждают нас в этом и алтайские изделия в виде резных деревянных подвесок, обтянутых сверху золотой фольгой и служивших украшениями лошадиной сбруи.

Наконец, на ножнах кинжала лежала полая трубочка, свернутая из листового золота так, что широкая ее часть заканчивается длинными лентами с заостренными концами, отогнутыми наподобие лепестков цветочка наружу. Назначение этой трубочки, как и той, что находилась у левого бока покойного, неясно. Однако поскольку в ней тоже сохранились сгнившие кусочки кожи, то можно предположить, что она являлась своеобразным наконечником ременной полосы.

В том же году, когда шли раскопки на Тилля-Тепе, советские археологи на правом берегу пограничной между СССР и Афганистаном реки Амударья, в местечке Айрытам, обнаружили могильник того же времени. К сожалению, почти все захоронения оказались разграбленными, однако в спешке грабители не все унесли с собой. В частности, в одной из могил по счастливой случайности осталось незамеченным миниатюрное золотое изделие точно такого же типа, как трубочка из Тилля-Тепе. Эта находка позволяет предположить историко-культурную связь в той исторической ситуации, что сложилась в бассейне р. Амударья на рубеже нашей эры, но, к сожалению, не проясняет вопроса о назначении подобных изделий.

У левого бока покойного между рукой и телом аккуратно лежал длинный (свыше 1 м) обоюдоострый железный меч, некогда вложенный в деревянные, обтянутые кожей ножны. Рукоять меча (без перекрестия) заканчивается золотым навершием, украшенным растительным орнаментом с бирюзовой вставкой в центре. Непосредственно под клинком меча мы обнаружили бронзовую скобу с двумя колечками точно того же типа, что и у описанного кинжала; при помощи этой скобы меч мог крепиться к портупее. О креплении меча мы теперь можем судить по уже известным золотым застежкам из третьего погребения, где наглядно представлена система крепления меча при помощи скобы к портупее.

В области тазобедренных костей было обнаружено шесть золотых, почти круглых бляшек-фаларов - по три около каждого из описанных кинжалов. Все они отлиты в высоком,

почти круглом рельефе в виде свернувшихся в кольцо фантастических существ. На трех из них изображен отдыхающий грифон, положивший голову на свой круп. Морда с хищным, загнутым клювом и выпуклыми бугристыми надбровьями, уши заложены назад. На спине рельефная полоса, передающая хребет, под животом зубчатым кантиком обозначен короткий подшерсток. По бокам сохранились гнезда, видимо некогда инкрустированные бирюзовыми вставками, передающие сложенные крылья. Передние трехпалые лапы с выпущенными скрюченными когтями вытянуты вперед, задние ноги подобраны под живот, шерстистый хвост поджат между ногами под брюхо. На оборотной стороне всех трех бляшек сохранилась толстая кожа, плотно зажатая поперечной золотой полоской, и следы стертости от употребления. Все это позволяет утверждать, что бляшки были нанизаны в качестве украшений на длинные ременные изделия.

Две другие однотипные бляшки, судя по мелким деталям, отлиты в разных формах. На обеих круглым рельефом изображен свернувшийся в кольцо фантастический хищник кошачьей породы со зло оскаленной пастью, заложеными назад ушами и сморщенным носом, с остервенением грызущий свою собственную лапу. Из плечей вырастает пара крыльев, пластично изогнутое длинное тело заканчивается свернутым на конце хвостиком, выступающие ребра переданы выдавленными гнездами. Длинные, пружинисто напряженные ноги с трехпалыми лапами и выпущенными когтями мягко изогнуты так, что передние выставлены вперед, в то время как правая задняя находится под животом, а левая слегка отставлена назад и находится в собственной пасти хищника. Обе бляшки настолько сильно стертые от употребления, что на одном крыле животного протерлась дырка; на оборотной стороне бляшек сохранились остатки кожаного ремня, но без штырей для крепления.

Наконец, шестая, полусферической формы бляшка отлита в виде свернутого в кольцо крылатого животного, кусающего свой хвост. Морда с вытаращенными злыми глазами и широко раскрытой пастью, нос толстый со сморщенными складками кожи и четко моделированными ноздрями. Когтистые лапы высовываются из-под шеи. Лохматый загривок переходит в круто изогнутое, с расчлененными перьями крыло с круглой бирюзовой вставкой в основании. Длинное, изогнутое кольцом тело заканчивается двумя задними лапами, между ними пропущен хвост, конец которого находится в пасти зверя.

На оборотной стороне бляшки также сохранилась кожа от ремня, плотно зажатая поперечным золотым штырьком; лицевая поверхность бляшки, особенно около хвоста грифона, сильно стерта от употребления.

Обнаружив остатки кожаных ремней под бляшками, мы сначала решили, что это украшения от ременной портупей. Однако то обстоятельство, что бляшки лежали не выше, а ниже пояса и даже ниже самих кинжалов, заставило нас полностью отказаться от столь поспешного вывода. И тогда мы вспомнили типично кочевнический погребальный обряд - класть с покойником в могилу узду его любимого копя, причем, как правило, в изножий погребенного. Знакомство со специальной литературой убедило нас в правильности именно такого предположения. Как оказалось, подобные круглые золотые фалары в виде свернувшихся в кольцо животных имеются в Петровской коллекции³⁵, а также среди находок из причерноморских курганов. Причем в тех редких случаях, когда это удавалось установить с точностью, в могиле находили именно шесть фаларов³⁶.

Обычай класть с покойником в могилу уздечку, т. е. символическое захоронение коня, - ярчайший признак кочевнических погребальных традиций. Однако при погребении на Тилля-Тепе действительно убили любимого коня, свидетельство чему мы нашли в первые дни раскопок - конский череп у края могильной ямы.

Как видно, в четвертой могиле Тилля-Тепе умерший был похоронен с соблюдением всех традиционных кочевнических обрядов, что указывает на его происхождение из кочевой среды, хотя уже, возможно, во втором-третьем поколении. В свете имеющихся наблюдений вполне логично предположить, что золотые пластины арочной формы, трубочки и фалары - украшения конской сбруи³⁷. По крайней мере в Пазырыкских курганах, как уже отмечалось выше, именно такие пластины арочной формы являлись специфическими украшениями кон-

ской упряжи³⁸. И как тут не вспомнить слова «отца истории» Геродота о том, что скифские племена часто украшают уздечки, удила и нащечники золотой инкрустацией. Заканчивая эту тему, осталось отметить еще одно золотое украшение в виде полукруглой в сечении полый трубочки с орнаментированным навершием, обнаруженное под кинжалом, у правого бока.

На обеих руках покойного были золотые ручные браслеты со следами стертости от употребления. Под браслетом левой руки находилась стеклянная, потемневшая от времени, овальной формы инталья в золотой оправе, украшенной по контуру мелкой зернью. К оборотной стороне оправы припаяна золотая трубочка, через которую, вероятно, был пропущен шнурок для крепления интальи к одежде. На стеклянной вставке интальи изображены три воина, тянущие жребий из сосуда. Крайний слева - бородатый воин - показан в профиль, на голове боевой шлем с высоким гребнем, большая часть торса скрыта круглым щитом, из-под которого видны короткие, едва прикрывающие бедра складчатые одеяния типа юбки, правая нога поставлена прямо, левая слегка согнута; у правого бедра короткий меч.

В центре композиции изображен воин в шлеме, склонившийся к сосуду, лежащему на земле; правая опущенная рука его скрыта от зрителя, а в левой он держит высокогорлый кувшин — амфору. Чуть позади стоит второй воин с полуобнаженным мускулистым торсом, опущенными вниз руками, с повернутой в профиль головой, увенчанной высоким шлемом. В правой руке он держит круглый щит. Между этими тремя персонажами вертикальный рифленый столб, на вершине которого сидит орел с распростертыми крыльями. Стиль композиции, типично греческие шлемы и одежда персонажей позволяют предположить, что на инталье изображена сцена, иллюстрирующая известный греческий миф о гераклидах. Из всех украшений и жертвенных приношений, обнаруженных в погребении, эта инталья, по существу, почти единственное свидетельство уступки эллинистической моде. Основной набор вооружения и конского снаряжения связан с миром кочевников и выполнен в лучших традициях скифо-сарматского звериного стиля.

С внутренней стороны щиколоток костяка находились золотые пряжки от обуви в виде двух круглых однотипных дисков. Обе отлиты в прорезной технике, причем рельефный ободок инкрустирован двумя рядами крупных выпуклых бирюзовых миндалин так, что между ними проступает лишь узкая полоска золота; сбоку на ободке шпенек в виде гриба со следами стертости на стержне от крепления ремнями.

Внутри кружка изображена прямоугольная колесница на колесах с пятью спицами и втулкой, инкрустированной бирюзовыми вставками. Над повозкой - полусферический грибовидный балдахин, украшенный миниатюрными бирюзовыми вставками из миндалин, между которыми расположены выпуклые ромбики. Нижний край балдахина оформлен в виде прямоугольных гнезд, некогда, возможно, заполненных бирюзовыми же вставками. Балдахин укреплен на двух вертикально поставленных бамбуковых шестах, нижние концы которых упираются в саму колесницу, причем боковая сторона повозки, обращенная лицом к зрителю, украшена тончайшим орнаментом: на одном образце из вертикальных полос и рельефных кружочков, а на другом - из ромбиков с точкой посередине; края колесницы инкрустированы бирюзовыми вставками.

В колеснице сидит человек в длинном складчатом одеянии, с длинными широкими рукавами, инкрустированными бирюзовыми вставками, и округлым стоячим воротником также с бирюзовыми вставками. Узколицая скуластая голова с раскосыми глазами, маленьким носом с выделенными ноздрями и полуоткрытым, четко очерченным ртом сильно запрокинута, на макушке рельефно выделена короткая заплетенная косичка, коротко стриженные на затылке волосы переданы мелкими косыми насечками. Грудь наискось от плеча до пояса перехвачена широкой лентой, украшенной прямоугольными бирюзовыми вставками. Одна рука скрыта от зрителя, другая сжимает в кулаке концы поводьев, сдерживая запряженных в колесницу двух, крылатых фантастических львоподобных существ. Животные чуть присели на задние ноги. Взнузданные морды существ с оскаленными пастьми выражают нетерпеливую дрожь, злой прищур глаз передан инкрустацией голубыми и красными камнями, лобастые головы заканчиваются заложенными назад ушами с бирюзовыми вставками. Между ушами начинается длинный (по всей круто изогнутой шее) невысокий гребень, инкрустированный мельчайшими прямоугольными бирюзинками.

Короткие толстые передние ноги с когтистыми трехпальными лапами поставлены прямо; из предплечий поднимаются круто изогнутые, закрученные на концах, инкрустированные бирюзой крылья. Мускулистая грудь перетянута наискось ремнями с бирюзовыми вставками, передающими постромки, проходящие поверх основания крыльев. Мощная грудь переходит в узкий втянутый живот; туловище заканчивается коротким закрученным хвостом, украшенным косыми насечками.

На оборотной стороне пряжек сохранились четыре высокие петельки для крепления на обуви. Лицевые стороны имеют следы стертости, в особенности пострадали морды животных и внешние края балдахинов. Глаза животных инкрустированы точно так, как глаза антилоп на браслетах из второго погребения, а именно мельчайшие бирюзовые вставки в уголках глаз передают белки, в то время как зрачки сделаны из красноватого сердолика.

Судя по всему, на пряжках изображены китайские вельможи, что уже само по себе представляет особый интерес для истории бактрийской культуры, свидетельствуя о связях с далеким дальневосточным миром. Кроме того, изображение китайского мандарина на обувных пряжках может быть демонстрацией пренебрежения, если не вызовом, ханьскому Китаю местными правителями, предки которых некогда находились в зависимости от Китая. Будущие исследования осветят этот вопрос, но независимо от точного смыслового значения сюжета пряжки бесценны как уникальный образец ювелирного искусства местных бактрийских мастеров эпохи эллинизма.

Около пряжек обнаружили две пары однотипных золотых изделий. У правой ноги находилась небольшая литая бляшка в виде пятилепестковой розетки, богато инкрустированная бирюзовыми вставками; судя по петелькам, с тыльной стороны она была нашита на обувь. Рядом с ней лежала удлиненная литая золотая пластина, один ее конец полый с поперечным штырьком, прикрытым с обеих сторон квадратными пластинками. Одна сторона литой пластины гладкая, зато на лицевой сохранилось тонко гравированное изображение мягко крадущегося крылатого кошкообразного хищника типа барса или пантеры с удлиненной головой, прижатыми ушами и открытой пастью. Передние лапы вытянуты вперед под оскаленной мордой; задние неестественно вывернуты назад, длинный, извивающийся на конце хвост поджат под живот.

Точно такие же по форме розетки и удлиненная золотая пластина лежали и у обувной пряжки левой ноги. На лицевой стороне пластины гравированное изображение крылатого дракона. Морда с широко разинутой пастью, вздернутым носом и широко раскрытыми глазами под бугорчатыми надглазницами увенчана рожками и длинными ушами; из-под шеи закручиваясь выступает борода. По-змеиному гибкое тело опирается на согнутые лапы и заканчивается загнутым под живот хвостом. Иконография изображения и сам образ удивительно близки дракону из сцены терзания на ножнах кинжала. Как видно, в это время в творчестве мастеров-ювелиров уже канонизировались образы фантастических существ типа змееподобных крылатых драконов - персонажей местной мифологии.

Тыльная сторона пластины и сквозное отверстие в торцевой ее части имеют следы стертости от употребления. Думается, что обе пластины были наконечниками обувных ремней, которые затягивались на торчащих шпеньках круглых пряжек с изображениями колесниц. Мы не знаем с точностью, как пластины крепились на месте, но тот факт, что декорированы лишь лицевые плоскости и стертты оборотные, может указывать на расположение пластин гравированной плоскостью к зрителю. В целом же набор обувных застежек, найденных в захоронении, дает основания утверждать, что на покойном были не греческие сандалии, а мягкие сапоги, напоминающие обувь кочевых скифо-сарматских племен. Общее представление об этом типе обуви дают уже упоминавшиеся статуи кушаиских царей, мягкие, со складками сапоги которых снабжены на щиколотках круглыми пряжками с пропущенными через них узкими ремнями. В нашем случае концы таких ремешков заканчивались золотыми длинными пластинами с гравированным рисунком дракона или пантеры.

О далеких походах погребенного в четвертой могиле красноречиво свидетельствует золотая монета, некогда положенная ему на грудь и обнаруженная нами на дне гроба. На лице-

вой стороне монеты мужская, видимо, обнаженная фигура, катящая перед собой «колесо дхармы» (иначе - колесо жизни), на свободном поле древнеиндийская надпись, на оборотной стороне - лев с поднятой лапой и древнеиндийская надпись «как лев бесстрашный». Монета уникальна. Ни в одном нумизматическом каталоге или справочнике не зафиксирован такой тип монет. Относительно близкие индо-греческие монеты царя Агафокла недавно обнаружены в Ай-Ханум, а лев как символ часто встречается на монетах греко-индийских и сакских царей, но неизвестен на монетах кушанской эпохи. Специалисты считают, что золотая монета из четвертого погребения принадлежит переходной от индо-греческой к кушанской эпохе и относится к I в. н. э.

Мы вряд ли когда-нибудь узнаем, каким образом эта монета с индийского субконтинента попала в далекую Бактрию и почему была положена в могилу аристократа-воина.

Принимая во внимание высокий рост, крепкое телосложение и, конечно, богатые погребальные приношения, можно не сомневаться, что умерший происходил из знатной семьи и варварского общества. По наблюдениям специалистов, погребенные в Пазырыкских курганах отличались своим ростом от костяков в рядовых курганах; так что физическая сила и ловкость были непременным условием при выборе племенного вождя у кочевников. А о том, что в четвертой могиле Тилля-Тепе погребен военный предводитель, можно судить по набору погребального инвентаря, состоящего из боевого вооружения и снаряжения. Исключение составляют золотой сосуд под головой, римский литик и пектораль - бесспорные символы высокого общественного положения умершего. Все погребальные приношения выполнены в лучших традициях сибирского звериного стиля, и лишь камея да инталя - дань эллинистической моде.

Можно сказать, что умерший был похоронен с солдатской простотой царственного лица, упорно придерживавшегося дедовских традиций и почти начисто исключавшего все эллинистическое, чему рабски следовали его родственники, похороненные рядом с ним на родовом кладбище Тилля-Тепе. Такое упорное стремление следовать давним кочевым обычаям можно было бы принять за указание на четвертую могилу как наиболее раннюю среди остальных, когда еще живучи были традиции прошлого, однако нумизматический материал с захоронений противоречит такому допущению. В самом деле, лишь две монеты, включая найденную в четвертом погребении, находились в денежном обращении в I в. н. э.; все остальные относятся к предшествующему времени. Скорее всего перед нами могила человека, пытавшегося сохранить старинные кочевнические традиции, с презрением относившегося к модным эллинистическим нововведениям своих соплеменников. Его психология вчерашнего кочевника бунтовала против растущего влияния эллинизма. Как и подобает суровому воину, он избегал излишней роскоши: мы не находим в четвертом погребении ни греческих перстней, ни личных украшений, ни даже обязательных золотых браслетов на ногах. Однако он не мог полностью игнорировать новые веяния. На шее он носил золотую пектораль с бесспорно греко-бактрийской камеей, одежду его украшала нашивка-инталя с изображением типично греческой сцены установления боевых трофеев.

Пока велось исследование четвертого погребения, Теркеш Ходжаниязов планомерно и систематически продолжал раскопки монументального здания, составлявшего сам холм Тилля-Тепе. Давно уже были раскопаны оба многоколонных зала, рабочие вынесли тысячи кубометров земли и, наконец, достигли древнего пола всего здания. Были выявлены обводные коридоры, алтарь в центре главного зала, и, наконец, раскопки поставили перед нами главный вопрос - а где же располагался главный, центральный вход в предполагаемый храм. Путем сложных расчетов и сопоставлений, на которых здесь нет необходимости подробно останавливаться, Теркеш почти с математической точностью рассчитал, что центральный вход должен располагаться в середине северного фаса сооружения.

Как мы помним, здание располагалось на вершине многометровой платформы. Выявление центрального входа могло прояснить один из наиболее интригующих вопросов — как осуществлялось сообщение с храмом, была ли лестница и какая? Теркеш с присущим ему педантизмом принялся за методические раскопки центрального въезда. Отметим, что, к со-

жалению, этот вопрос так и остался без ответа, и причиной тому пятое захоронение, находившееся прямо в середине бывшего въезда. Обнаружили его 28 декабря накануне Нового, 1979, года. В этот день я вместе с В. Кошелевым с утра приехал на Тилля-Тепе, чтобы сделать серию полевых фотографий почти полностью расчищенного четвертого погребения. Еще выходя из машины, мы увидели, что на северном фесе раскапываемого храма стоят и что-то горячо обсуждают Теркеш, Володя и Зафар. Когда мы подошли, Теркеш молча протянул нам коробочку — в ней лежали серебряные бляшки, отлитые в виде виноградных листьев. Еще одно захоронение? В обресе траншеи, которая должна была выявить предполагаемую лестницу, мы увидели наполовину расчищенный, большой, пузатый сосуд такого же типа, что и в предыдущих погребениях. Тилля-Тепе подарило нам еще одно древнее захоронение.

Таинственная Золушка

Пятое захоронение было обнаружено, когда еще только заканчивалась расчистка третьего погребения и в самом разгаре было исследование четвертого. Оставалось все меньше времени и денег для продолжения ширококомасштабных раскопок, впору было закруглять, а не продолжать раскопки, и вдруг новое погребение, требующее, как и все предшествующие, специального исследования. Официальный срок нашего пребывания в Афганистане заканчивался в середине января, а для изучения одного захоронения требовалось минимум полтора месяца.

Начались длительные и утомительные переговоры с афганскими властями о продлении срока полевой работы экспедиции. Кто-то из нас подсчитал, что официальные поездки из Шибиргана в Кабул и обратно уже превысили расстояние от Афганистана до Москвы. К счастью, погода в декабре была подарком для нас. Стояли холодные, но ясные, солнечные дни. Экспедиционный шофер Владимир Ерофеев и я почти не вылезали из машины, мотаясь между золотыми погребениями и официальными инстанциями в Кабуле. Шли переговоры о продлении срока полевых работ, о транспортировке и передаче находок в Национальный музей Афганистана, Оставшегося времени явно было недостаточно для завершения работ, а решения о продлении не было. Еще сияло золотом не убранное в коробочки великолепие четвертого погребения, на пятом только снимались первые пласты, а до отъезда оставалось всего около двух недель.

Легче всего было, как нам и советовали некоторые, законсервировать пятое погребение до следующего полевого сезона. Заманчиво было остановить раскопки храма и перебросить людей и средства на поиски и расчистку «золотых» погребений, однако профессиональный долг и смутное время, которое переживал Афганистан, ставили нас перед необходимостью завершить работы, не откладывая до лучших времен. И в довершение всего, как роковой удар судьбы - на западном фесе храма «вылезло» шестое захоронение! Эта капля переполнила чашу терпения наших афганских коллег-инспекторов. Вполне резонно они выставили требование приостановить раскопки двух последних погребений, ведь для их исследования понадобилось бы около двух месяцев, в то время как у нас оставалось лишь две недели.

Мы понимали, что волею судьбы на нашу долю выпало сделать историческое открытие, и нам казалось, что все должны были проникнуться исключительной важностью этого открытия, но проходили дни, а разрешение на продление экспедиции все еще не поступало. К счастью, неподалеку от Тилля-Тепе на головных сооружениях по добыче и разработке газа имелась телефонная связь с Москвой. Благодаря любезности советских и афганских специалистов мы смогли связаться по телефону с Москвой, и ситуация сразу прояснилась. Нам сообщили, что Академия наук СССР продлила срок работы экспедиции и письменное решение уже выслано. Хотя оно еще не дошло до официальных инстанций Кабула, мы могли теперь

продолжать раскопки.

Но все это произошло потом, а сначала были утомительные поездки в Кабул. Вместо того чтобы расчищать погребение на Тилля-Тепе, приходилось метаться между чиновниками министерства культуры и информации ДРА и Посольством СССР, утрясать все новые формальности, грозившие сорвать работу экспедиции. И только поздно вечером в отеле «Метрополь», где мы всегда останавливались и где нас все знали, можно было расслабиться и отдохнуть, наметить тактические ходы, необходимые на следующих беседах и заседаниях.

Встав рано утром и выйдя на балкон своего номера, можно было стать свидетелем неповторимой картины пробуждения от сна города. Кабул расположен в гигантской котловине, окруженной высокими скалистыми горами, из-за вершин которых на ясном голубом зимнем небе медленно встает розовый диск солнца. Давно проснулись чайханщики и усердно раздувают огонь в огромных медных самоварах, перед крохотными ресторанчиками повара в замасленных, по замыслу белых, халатах размахивают специальными веерами над углями, готовя первые палочки шашлыков.

В воздух отовсюду поднимаются голубые струи дыма, пахнущие непередаваемыми запахами смолистых дров; как бы вторя им, на охоту за подавниями выходят первые дервиши, размахивающие плоскими с дымящимися ароматическими веществами. Начинается трудовой день столичного Кабула. По радио громко провел молитву муэдзин, на улицах появились первые прохожие, спешат чиновники в европейских платьях - этим всегда не хватает времени; владельцы мелких галантерейных лавок, одетые в типично афганские одеяния: широкие рубахи навыпуск и штаны, многочисленными складками ниспадающие на обувь, поразительно близко напоминая одежды кушанцев, что жили здесь за 20 веков до них. Уже появились на улицах первые продавцы газет и сигарет; как правило, это дети чуть ли не дошкольного возраста. Громкими голосами они рекламируют свой товар, заходят в чайханы и ресторанчики, предлагая, если не навязывая клиентам свой товар. Глядя на их страдальческие лица, слыша охрипшие голоса, думаешь, как много еще предстоит сделать новым властям, чтобы накормить, обути и одеть этих детей и посадить их за школьные парты, где им следовало бы находиться. А пока появляются дети постарше и прямо на тротуаре раскладывают свой немудрящий «товар», то дешевые расчески, то копеечные иголки, то наборы цветных карандашей.

Вот случайно встретились двое знакомцев-мужчин, следуют традиционные поцелуи в уголки губ и затем длинные, по-восточному цветистые приветствия. Если повезет, можно стать свидетелем, как один из них целует руку другому, выражая свое почтение и уважение. Многочисленные автобусы, переполненные как и везде в мире в часы пик, чуть не наезжая друг на друга, спешат по своим маршрутам. На подножке задних дверей как всегда висит кондуктор, который охрипшим голосом дает команду водителю трогаться с остановки. Спереди в автобусе специально огорожено место, предназначенное только для женщин, куда вход мужчинам категорически запрещен. Зато женщины, когда нет мест впереди, могут войти в общий салон, и тогда мгновенно вскакивают все пассажиры, уступая им места для сидения.

Кажется, все осталось по-старому: на перекрестках стоят полицейские, регулирующие уличное движение, на улицах дымятся мангалы с шашлыками, на тротуарах разложены товары уличных торговцев. Но высоко реет над бывшим королевским, а потом президентским дворцом красный флаг с новым гербом, знаменующий наступление новой жизни, путь к которой был долог и тернист.

Уладив все дела в Кабуле, мы спешим в Шибирган, где уже начато исследование пятого захоронения, которое доверено Абдул Хабибу Азами, завершившему к тому времени расчистку второго погребения. Напомню, что пятое захоронение было обнаружено после находки серебряного сосуда, аналогичного тем, которые во втором и третьем погребениях стояли в ногах покойного. Логично было предположить, что и в этом захоронении сосуд стоит у стон ног. И это подтвердилось в самом начале расчистки.

По аналогии с предшествующими погребениями, в которых скелеты лежали головой на

север и ногами на юг, мы и здесь, выявив стопы ног, стали расширять расчистку в северном направлении. Однако, вопреки нашим расчетам, могильная яма была вырыта не по оси север - юг, а по линии восток - запад. Ориентировка могил в древности, как, впрочем, и сейчас, была связана с определенными погребальными обрядами, которым строго следовали люди тех или иных верований. Так, мусульмане всегда хоронят умерших головой в направлении своей главной святыни - Мекки, у христиан бытуют иные обряды. Во все времена люди того или иного вероисповедания строго придерживались погребальных обрядов и обычаев своей религии. Но в рамках основных погребальных ритуалов существовали некоторые исключения, связанные с характером смерти; например, христиане не хоронят на общем кладбище самоубийц и т. д. Выявив необычное по сравнению с предыдущими погребениями устройство пятой могилы (покойник лежал головой не на север, а на запад), мы решили, что это связано с особым положением умершего в обществе. Это мог быть отщепенец, изгой, чем-то скомпрометировавший свое царственное происхождение, который хотя и был погребен на родовом кладбище, но без соответствующих почестей и царственной пышности. В таком случае можно было надеяться, что погребальные украшения и приношения не будут такими богатыми, как в других могилах. Это нас очень устраивало, ведь пятая могила была обнаружена, когда мы с минуты на минуту ждали приказа срочно прервать работы и отложить их до следующего полевого сезона.

На первых порах наши предположения как будто подтверждались. Могильная яма, как и все предшествующие, представляла собой вертикальную шахту глубиной в 210 см, вырубленную в руинах бывшего храма. Внутри могильная яма оказалась заполненной насыпной землей от обвалившегося деревянного перекрытия, следы которого в виде тонкой прослойки коричневой трухи были выявлены на высоте 40 см от пола, на уровне верха гроба.

Конструкция гроба была иной, чем в предыдущих захоронениях - он либо был выдолблен из целой колоды, либо стенки и дно его скреплялись деревянными шпёнками, вставленными в специальные пазы, как это практиковалось, например, в захоронениях хуннской знати в Монголии. Судя по остаткам сгнившего дерева, длина гроба 200 см, ширина 65 см. Крышки не было, вместо нее гроб оказался покрытым погребальным покрывалом с нашитыми серебряными дисками и серебряными же виноградными листьями. Документально установленный факт обнаружения дисков и серебряных виноградных листьев не только вокруг, но и под дном гроба указывает на то, что последний был завернут в погребальное покрывало. Виноградные листья вырезаны из тонкого листового серебра, причем в основании каждого листочка имеется сквозное отверстие для крепления на месте.

Убрав серебряные украшения покрывала, мы приступили к расчистке скелета, который лежал на спине, в вытянутом положении, головой на запад. Расчистка костяка продолжалась своим чередом, а под кисточками и пинцетами все не появлялись уже обычные для нас многочисленные золотые украшения. Первую золотую вещь обнаружили только после окончательной расчистки черепа - это была тонкая золотая подчелюстная лента. Зато на шее мы обнаружили роскошное золотое ожерелье из двух типов золотых, инкрустированных самоцветами подвесок, дошедшее до нас в неповрежденном виде. Это, пожалуй, единственное свидетельство царского происхождения покойника.

Одни подвески ожерелья гладкие в виде пустотелых шариков со сквозными отверстиями для шнура, ниже отверстий, через суженную шейку припаян кружок со вставкой либо алого граната, либо чудесной голубой бирюзы. Кружок по контуру опоясан цепочкой из зерни; с оборотной стороны к кружку припаяна трубочка для крепления на месте. Ниже на золотой проволочной петельке висит еще одна подвеска в виде миндалина со вставкой темного камня. Подвеска так же оконтурена по краю зерню; еще ниже на той же проволоке прикреплен миниатюрный диск.

Второй тип подвесок представляет собой широкое кольцо, покрытое зерню, к нижней части кольца жестко прикреплена фигура в виде двух соединенных спинкой полумесяцев. К тыльной стороне подвески припаяна трубочка для крепления на месте. Ниже на длинной проволоке свободно свисает миндалина со вставкой из черного камня, украшенная по кон-

туру зернью. К миндалине прикреплен миниатюрный диск на тонкой проволочке. На концах ожерелья сохранились две конической формы застежки, украшенные золотой зернью: в узкой части - треугольниками вершинами вниз, в широкой - более крупными треугольниками вершинами вверх. В середине застежки пояс из зерни в виде треугольников, обращенных вершинами в противоположные стороны. Чередование подвесок с кроваво-красными гранатовыми вставками и нежно-голубыми бирюзовыми создают непередаваемую игру красок, утонченную изысканность и очарование этого уникального кольца.

Все остальные украшения, обнаруженные в могиле, особой художественной ценности не представляют. Около височных костей лежали простые золотые клипсы, инкрустированные выпуклыми бирюзовыми сердечками. У левого виска кроме серьги нашли кучку сердоликовых шариков и подвески разнообразных форм, в том числе миниатюрные астрагалы, оправленные в золотые фестоначатые по краям обоймы, бронзовый колокольчик. Тут же лежала янтарная статуэтка спокойно сидящего льва. В изголовье, но ближе к углу гроба обнаружили еще одну кучку украшений (видимо, изначально были в мешочке) - золотой шарик с петелькой, каменная миниатюрная модель топора-тесла, подвеска в виде клыка, оправленная в золотую обойму (точная копия подвески-клыка имеется в Петровской коллекции), миниатюрная круглая серебряная бляшка с вставкой зеленого камня, на которой тонкой гравировкой изображена летящая крылатая богиня Ника в длинных развевающихся одеяниях. Богиня держит в вытянутых руках венок с длинными лентами. На обороте бляшки петелька для крепления на одежде.

В этой же кучке украшений была и прозрачно-молочная халцедоновая инталья полусферической формы со сквозным отверстием в центре для подвешивания на шнурок. На лицевой плоскости выгравирован крылатый грифон с длинной изогнутой шеей, украшенной гребнем, небольшая голова с широко раскрытой клювовидной пастью; слегка изгибающееся тело с мощной грудью и подобраным, как у борзой собаки, животом опирается на длинные, показанные в движении мускулистые ноги с хищными когтистыми лапами; хвост длинный, загнутый на конце. К сожалению, еще в древности край интальи обломался. Показанная в стремительном движении полная жизни фигура грифона выбивается из общего художественного стиля украшений Тилля-Тепе и, возможно, была изготовлена еще греко-бактрийскими резчиками по камню. Точно такие до деталей изображения орелоголовых грифонов известны в более ранних скифских курганах Южной России, где они украшают великолепные золотые гориты и определяются многими специалистами как греко-персидские. Халцедоновая инталья с изображением грифона, бесспорно, один из немногих шедевров эллинистического искусства, найденных в некрополе Тилля-Тепе. И кто знает, положили бы инталью в «бедную» пятую могилу, если бы у нее не был отбит краешек.

На запястьях рук не было обычных литых браслетов, и лишь на левой руке мы обнаружили очень тонкий браслет из золотой проволочки, на который припаяно семь обоймочек со вставками. Первая из них изготовлена из смолы типа янтаря; по краю она оконтурена цепочкой из зерни, с тыльной стороны две петельки для крепления, указывающие на вторичное использование обоймочки. Следующая обойма не сохранилась - на ободке висели лишь две петельки для крепления, сама же подвеска утеряна еще в древности. Третья обоймочка имеет вставку-инталью из голубого камня, на котором глубокой резьбой изображена стоящая женская фигура в длинных одеяниях; по-видимому» это богиня Афина - левая рука поднята и опирается на копьё в правой - щит, по контуру обойма украшена мелкой зернью. Четвертая обойма имеет овальную вставку из белого камня, украшенную по контуру зернью. Пятая подвеска представляет собой миниатюрный топорик с отверстием в центре. Шестая подвеска квадратная с белой вставкой, по краю щитка тонкий полустертый орнамент в виде овалов с шишечками (можно предположить что изображена виноградная лоза).

Последняя, седьмая подвеска прямоугольная, со вставкой черного цвета, по бортику орнамент из сплошной цепочки кружочков. Концы браслета заходят один на другой и закручены спирально таким образом, что могут раздвигаться в зависимости от толщины руки. Это редкий пример подобной остроумной конструкции ювелирных изделий.

Около правого бедра находилось круглое медное зеркало с расширяющейся книзу поллой ручкой-подставкой. Видимо, медные окислы зеркала уничтожили бактерии, и поэтому сохранились остатки расшитой ткани, из которой был изготовлен футляр зеркала. Ткань расшита золотыми нитями, образующими растительные орнаменты в виде вьющихся побегов с острыми листочками. Просветы между листочками заполнены нашивным орнаментом из жемчужных бусин, нанизанных на шелковую нитку. Кажется, это первый случай, когда удалось восстановить золотое шитье, комбинированное с шитьем жемчугом.

У кисти правой руки в остатках истлевшей плетеной корзины лежали серебряный сосудик с крышкой и железный крюк, не совсем ясного, скорее всего, косметического назначения. На лодыжках ног были сильно стертые от употребления, тонкие, прямоугольные в разрезе золотые браслеты с несомкнутыми, сильно расширенными концами. Тут же в изножии стоял большой серебряный сосуд, благодаря которому было обнаружено погребение.

Осталось добавить, что вдоль правого предплечья лежала примерно полуметровая серебряная трубочка с остатками сгнившего дерева внутри. На один ее конец насажен диск, причем фрагменты трубочки еще в древности откатились в сторону и оказались между рукой и корпусом умершего.

Итак, в исследуемом погребении мы нашли относительно скромный набор украшений: погребальные одежды были расшиты не золотыми нитями или бляшками, а лишь небольшим количеством жемчуга. Ни одной золотой нашивной бляшки, пуговицы, подвески не было обнаружено при расчистке этого погребения. Очевидно, здесь погребено лицо, хотя и принадлежавшее к правящей элите, но не по прямому, а по побочному родству. По погребальному инвентарю трудно определить пол погребенного, но отсутствие оружия и наличие клипс дают основания предполагать что это женское захоронение. Предварительные антропологические определения также свидетельствуют в пользу захоронения здесь молодой женщины в возрасте около 20 лет. Может быть, это супруга одного из членов правящей фамилии, взятая в жены со «стороны», и с ней в могилу в качестве приношений положены лишь личные вещи, которые она принесла с собой в новую семью.

Скифская Царица?

Расположение пятого «бедного» захоронения по оси восток — запад убедило нас в том, что такое направление - характерный признак погребений нецарственных особ. Поэтому когда мы обнаружили шестую могилу, также расположенную на оси восток — запад, у нас почти не было сомнений, что она окажется относительно бедной. Однако очень скоро нам пришлось признать ошибочность этих поспешных выводов: шестое погребение оказалось одним из наиболее богатых среди уже раскопанных.

Как и в предыдущих захоронениях, могильная яма была вырыта в толще руин храма на Тилля-Тепе. Ее площадь по верхней кромке 3 м на 1,5 м, по мере углубления она уменьшалась до размера 2,5 м на 1,2 м. На образовавшиеся в результате этого уступы было положено деревянное перекрытие, застекленное сверху циновками, и только поверх них насыпали землю. Дно ямы зачищено.

Деревянный гроб длиной 2 м, шириной 65 см и высотой 30 см, каждая стенка сбита из одной доски и прикреплена к днищу уже известными нам железными скобами. Гроб установлен не на самое дно могильной ямы, а на кирпичные подставки. К моменту раскопок днище гроба провалилось и скелет «сполз» почти на самое дно могильной ямы. Гроб без крышки, был покрыт покрывалом, богато расшитым золотыми и серебряными дисками. Покойник лежал в гробу на спине, в вытянутом положении, головой на запад, голова увенчана золотой короной, состоящей из нескольких, соединяющихся между собой частей. Основание короны со-

ставляет широкая лента из тонкого листового золота. На концах ленты припаяны две литые петли, некогда соединявшиеся между собой.

С лицевой стороны лента украшена 20-ю шестилепестковыми розетками, вырезанными из тонкого листового золота, на каждом лепестке дырочка, через которую пропущена проволочка с миниатюрным диском на конце. В центре каждой розетки-цветочка впаяно круглое гнездо с бирюзовой вставкой, оконтуренное зернью. Розетки прикреплены к ленте-основе золотой петелькой, пропущенной в дырочки на ленте.

К тыльной стороне ленты припаяно пять трубочек, при помощи которых на основу-ленту «насаживались» пять высоких пальметок арочной формы, вырезанных из тонкого листового золота. В каждой пальметке сквозными ажурными вырезами изображено стилизованное дерево. У основания каждого такого дерева горизонтальная полоса, от которой поднимается ствол, свисающие ветви оканчиваются заостренными листочками. На верхних ветвях дерева сидит по одной паре птичек с расправленными крыльями и вытянутыми шеями; клювами они упираются в вершину дерева, которая имеет форму сердечка.

С лицевой стороны к дереву прикреплены шестилепестковые цветочки с бирюзовыми вставками в центре, оконтуренные зернью. К каждому лепестку на проволочке прикреплен свободно свисающий диск. На каждом дереве по шесть цветочков - два на нижних ветвях, два на верхних и один на средних: на самом верху дерева еще один цветок. К тыльной стороне основания дерева припаяно по две вертикально поставленных трубочки, при помощи которых дерево прикрепляется к трубочкам основы-ленты, охватывающей кольцом голову покойного.

Центральная пальметка короны иной формы, чем остальные: в основании вырезана широкая полоса, от концов которой поднимаются изгибающиеся стволы с нетями, заканчивающимися листьями. В нижней части ветви образуют вырезанный круг, в который вписана вихревая розетка; верхние ветви, соединяясь, завершая остроконечным листиком. С лицевой стороны центральная пальметка украшена девятью шестилепестковыми розетками-цветочками, инкрустированными в центре жемчугом. На концах лепестков на проволочках прикреплены миниатюрные диски; верх пальметки также венчает золотой диск.

Диаметр короны очень маленький - не более 45 см, поэтому в момент расчистки она лежала на черепе чуть выше лба. Вероятно, корону носили на самой макушке, на высокой пышной прическе, чем и можно объяснить ее малый диаметр.

Особо следует остановиться на рисунке, по которому вырезаны пальметки на короне - дерева и сидящие на них птички. Известно много аналогий этого сюжета, но наиболее близок бактрийский медный амулет эпохи бронзы. По мнению специалистов, изображение «дерева с сидящими на его ветвях птичками» символизирует идею всеобщего плодородия, олицетворяет счастье и благоденствие. В одном из гимнов в священной книге зороастрийцев Авесте упоминается «священное дерево», на котором собраны семена всех растений мира. Птицы, сидящие на дереве, обдирают его ветви, другие птицы собирают опавшие семена, несут их на небо, откуда они с дождем падают на землю, и произрастают новые растения. Не эта ли идея, выдержав полуторатысячелетнее испытание временем, воплощена на пальметках рассматриваемой короны, призванная символизировать процветание и благоденствие ее владельца? В таком случае мы сталкиваемся с примером поразительной живучести древних мифологических представлений все еще загадочного индо-иранского мира, точнее, той его части которая проповедовала религию зороастризма.

Прежде чем перейти к следующим находкам, расскажу о волнениях, которые мне пришлось пережить из-за царских регалий. Когда мы расчистили корону из шестого захоронения, возникло естественное желание сравнить ее с короной, найденной в третьем погребении. Напомним, что она состояла из нескольких широких золотых решетчатых пластин. После научной обработки я надежно спрятал их в один из вьючных ящиков, этих неизменных аксессуаров всех экспедиций, начиная с русских путешественников петровских времен.

К тому времени для каждой могилы был выделен отдельный ящик, в котором и хранились под тяжелым амбарным замком все находки. Было раннее утро обычного экспедиционно-

го дня, все сотрудники выехали на раскопки, а я остался с намерением провести тщательное сравнение корон из третьего и шестого захоронений. Найдя ящик для хранения находок из третьего погребения, я открыл его, чтобы взять решетчатую корону, но ее там не оказалось. Я отнесся к этому спокойно. В самом деле, сколько высокопоставленных визитеров - от посольских работников до местных чиновников разного ранга и положения - просили нас показать им находки. После очередной демонстрации находок корону могли сунуть не в тот ящик. Такие случаи бывали, поэтому я занялся пересмотром содержимого выючных ящиков, перекладывая «чужие» находки в их «собственные» ящики. Приведя в систему всю коллекцию, я с удивлением обнаружил отсутствие короны из третьего погребения. Конечно же, она могла находиться в одном из ящиков моего стола, куда я из-за лимита времени складывал отдельные находки. Сначала поверхностно, затем более систематически я обследовал содержимое стола, но корона так и не находилась. Слегка взволнованный, я внес элемент научного исследования в свои поиски. Вспомнив детективные романы, я решил начать обследование комнаты с левой стороны, методично просматривая все.

В который раз просмотрены все выючные ящики, содержимое столов, вытряхнут и возвращен личный спальный мешок, просмотрено содержимое небольшого железного сейфа, в котором кроме экспедиционной казны грудой лежали пакетики и спичечные коробочки с мелкими золотыми находками. Уж в них никак не могла поместиться большая корона. Дело принимало серьезный оборот. Все находки хранились у меня в комнате, которая запиралась на замок, так что ответственность полностью лежала на мне. Я отлично помнил, что после фотографов и реставраторов корона поступила ко мне и была записана в регистрационный каталог.

Передохнув, я продолжил обыск собственной комнаты, теперь уже начав с правой стороны от входной двери, но результат был тот же. Корона не бляшка и не колечко, чтобы затеряться среди множества остальных находок. Но не могли же украсть ее одну, ведь остальные ценности на месте. В который раз я снова и снова обыскивал комнату, заглядывая во все углы и перетряхивая все до мелочей, но корона не находилась.

Уже давно с обычным веселым гомоном вернулись с раскопок сотрудники и, поужинав, разошлись по комнатам. Я с тоской позавидовал их способности шутить и смеяться, вероятно, для меня уже безвозвратно потерянной. Совершенно обалдев от свалившегося несчастья, я в который раз представлял себе дальнейший ход событий: мое заявление в полицию, его переправят в министерство культуры, Посольство... Ведь если пропала такая крупная вещь, как корона, то... как же поставлена охрана и учет находок!

Давно уже заснули ничего не подозревающие сотрудники, в который раз я сидел за стол писать объяснение и вновь, отложив ручку, принимался за поиски короны, кружа по комнате уже без всякой системы, почти в сомнамбулическом состоянии. Проклятое золото! В который раз я откидывал крышки ящиков и с ненавистью смотрел на золотые сокровища, которыми еще недавно любовался. Теперь я ощущал почти физическое отвращение к тому, что сверкало и блестело под светом электрической лампочки, но особенное раздражение вызывали тысячи мелких золотых бляшек, высыпавшихся из дрожащих рук, когда уже в который раз я перебирал *все* находки. Казалось, жизнь кончилась, и все из-за проклятого золота!

...Когда глубокой ночью в тысячный раз я откинул железную крышку сейфа и машинально, больше для успокоения совести, стал перебирать спичечные коробочки, в которых при всем желании не могла поместиться пропавшая, совершенно не понимая зачем, я стал вынимать их из сейфа, пока не обнаружил под ними корону, аккуратно сложенную и перевязанную тесемочкой.

Теперь-то я вспомнил, что в свое время, изучив и описав, я положил ее на дно сейфа, в который затем складывал по мере поступления и мелкие находки из других могил. Вот этими спичечными коробками и пакетиками и была завалена корона. Но нет худа без добра... Этот трагикомический эпизод подтолкнул к решению давно мучившего меня вопроса - почему корона была изготовлена не цельной, а составной? А теперь такая же составная корона и в шестом погребении. Не связана ли такая конструкция символа царской власти с кочевым

образом жизни - корону можно было сложить и надежно упаковать во вьючный мешок, не боясь испортить во время длительных кочевок или военных походов.

Но вернемся к другим погребальным украшениям из шестого захоронения. По обе стороны черепа у височных костей нашли по одной золотой головной булавке в виде крупной пятилепестковой розетки, вырезанной из тонкого листового золота. В центр розетки впаян кружок, украшенный по контуру мелкой зернью. На двух лепестках имеется по отверстию, в каждое из которых вдетя проволочка со свободно свисающим на ней золотым диском. Два других лепестка соединены проволочкой, от которой вниз отходит еще одна, и к ней прикреплен крупный полумесяц. На проволочках - в середине и на концах - сохранились нанизанные жемчужины. Сами пятилепестковые розетки имеют у основания короткие золотые трубочки-обоймы, в которые вставлены серебряные стержни с заостренным концом. На одной розетке еще в древности откололся лепесток, и его скрепили двумя золотыми заклепками.

Чуть ниже головных булавок в пару им располагаются по одной золотой крупной пятилепестковой розетке (каждый лепесток вырезан в форме сердечка), с которых вниз на золотых проволочках, унизанных жемчужинами, свисают миниатюрные диски. На оборотной стороне этих розеток - петельки для крепления. Это прямое указание на существование, помимо короны, какого-то головного украшения, на которое, видимо, и были нашиты розетки, если только они не украшали платок, прикрывавший нижнюю часть лица.

Лицо было обрамлено двумя свисавшими от висков к плечам золотыми подвесками с одинаковыми изображениями. Подвески представляют собой прямоугольные выпуклые ажурные пластины, в центре которых изображена стоящая полуобнаженная женская фигура. Полное, округлое лицо с прямым носом, небольшими глазками и мудрой, всепонимающей улыбкой. На голове диадема в виде ободка с чеканным орнаментом из овалов. Волосы спускаются из-под диадемы на плечи круто завитыми локонами. Шея короткая, груди чашевидные, с рельефно выделенными сосками, грудь крест-накрест перетянута рельефными полосками, видимо, передающими ремни, на месте перекрестия округлая пряжка. На руках выше локтя браслеты, над плечами изображены два сердечка с бирюзовыми вставками. Левая рука согнута так, что ладонь, держащая округлый предмет, возможно гранат, находится на груди; правая - согнута в локте и поднята вверх; на запястьях обеих рук браслеты. Живот округлый, выпуклый, внизу живота мелкими насечками рельефно показано лоно. С правого бедра к колену левой ноги наискось ниспадает длинное складчатое одеяние, под которым проступают очертания ног; носки обуви высовываются из-под мелких сборок подола.

По обе стороны от женской фигуры головой вниз изображены два фантастических животных с волчьими мордами с разинутыми пастьями; передние ноги животных упираются в женские бедра. Выделенные загривки инкрустированы мелкими бирюзовыми вставками, вместо задних ног пучки листьев, перехваченные у основания лентой, если только это не рыбы хвосты. Основание всего изображения составляет прямая полоска, инкрустированная бирюзовыми полуovalами; оба конца полоски закапчиваются головами рыб с раскрытыми ртами и передними, инкрустированными бирюзой плавниками. По боковым сторонам изображены два столбика, заполненные черной пастой. Над головой женщины — горизонтальная полоска, инкрустированная бирюзовыми ромбиками. Оба конца ее заканчиваются профильными изображениями птиц, с повернутыми в сторону зрителя головами; глаза четко моделированы; крылья сложены по бокам так, что концы их подняты вверх, оперение показано мелкими насечками. Между птицами четырехлепестковая розетка с бирюзовыми вставками из сердечек. В центре розетки сквозное отверстие для крепления подвески на месте; по бокам от розетки инкрустация миндалинами.

Женское божество, изображенное на подвеске, напоминает восточноиранскую богиню Анахиту, символизирующую воду, а в более широком аспекте - идею плодородия. Именно эту идею подчеркнул бактрийский мастер, изобразив богиню почти обнаженной, как бы олицетворяющей всеобъемлющий символ плодородия, рядом с ней он поместил рыб, птиц, зверей и растения (гранат), персонифицирующих подвластную ей природу. И, видимо, недаром хищники изображены вниз головой - богиня может в любой момент низвергнуть их в преиспод-

нюю.

Перед нами всемогущее божество, которому подвластно все сущее на земле: и животный, и пернатый, и растительный мир. В данном бактрийском варианте налицо отказ от классической иконографии Анахиты, всегда целомудренно закутанной в длинные, глухие одеяния. Уши покойного были украшены тяжелыми золотыми клипсами в виде кружка с несомкнутыми концами. Один конец раструбообразный, и на него надет диск-розетка. На другом конце отлита скульптурная фигурка улыбающегося эрота; в середине лба полумесяц; лицо широкое с коротким крупным носом, маленькими глазами и поджатыми в ухмыляющуюся улыбку губами; короткая шея переходит в очень широкие плечи, из-за которых видны короткие крылышки: торс с припухлыми грудями; руки с как бы сжатыми в кулаки ладонями опущены вдоль тела; тонкая талия переходит в округлый живот с точкой-пупком; низ живота выделен треугольником с еле заметным бугорком; бедра преувеличенно толстые, короткие ножки согнуты в коленях.

Клипсы литые, лишь головки эротов пустотелые, возможно, для того, чтобы рельефнее подчеркнуть сквозной полумесяц в середине лба. Лунарные символы не характерны для греко-римской символики, зато на Востоке, и особенно в Бактрии, они были популярны с глубокой древности. В Бактрии уже в эпоху бронзы были распространены печати и амулеты с изображением полумесяца, известна, в частности, бронзовая печать, отлитая в виде сидящего божества, голова которого украшена полумесяцем. Очевидно, местный бактрийский ювелир, взяв за основу образ крылатого эрота, украсил его лоб изображением луны, которой веками поклонялись на бактрийской земле. На клипсах и особенно на дужках следы сильной стертости от длительного употребления.

Нижняя челюсть умершего подхвачена золотой подчелюстной лентой. Под голову подложен широкий, но мелкий серебряный сосуд типа миски. На шее ожерелье из десяти крупных пустотелых, овальной формы золотых бус. Каждая бусина украшена тончайшими пятилепестковыми розетками, оконтуренными мелкой зернью, и, кроме того, инкрустирована мелкими бирюзовыми вставками. Ожерелье застегивалось двумя коническими застежками, богато орнаментированными бирюзовыми сердечками, оконтуренными мелкой золотой зернью. Непосредственно ниже ожерелья четыре золотые подвески в виде трезубцев, украшенные голубыми и синими вставками.

Судя по расположению разного типа золотых нашивных бляшек, можно предположить, что нижняя часть лица - от носа до шеи - была закрыта платком, верхние концы которого завязывались на затылке, а нижние ниспадали на грудь и плечи.

Длинный халат или плащ скреплялся под шеей золотой застежкой, не имеющей себе равной ни в одной мировой коллекции эллинистического искусства. Застежка состоит из двух одинаковых половинок. На каждой из них высоким рельефом изображено громадное фантастическое животное: львоподобная морда со зло сморщенным носом и выделенными ноздрями, широко разинутая клыкастая пасть с высунутым языком. Устрашающий облик подчеркнут огромными вытаращенными глазами под бугристыми, грозно нахмуренными бровями и торчащими вперед ушами; от ушей вниз заворачивается косматая борода.

Изогнутая шея с зубчатым гребнем, инкрустированным бирюзовыми вставками, переходит в мощное тело, которое опирается на три когтистые лапы, четвертая поднята и касается конца лохматой бороды. Длинный извивающийся хвост пропущен между ног и заканчивается кисточкой с бирюзовой вставкой. На спине чудовища попона, инкрустированная бирюзой; на концах попоны круглые кисточки с бирюзовыми же вставками.

На спине животного восседают две фигуры - мужская и женская. Впереди верхом на чудовище сидит женщина - лицо с прямым тонким носом, большими глазами под изогнутыми бровями, закрытым ртом и овальным подбородком, голова, склоненная в сторону мужской фигуры, увенчана венком. Волосы на голове разделены на прямой пробор и двумя волнистыми прядями спускаются на грудь.

На женщине одежда типа кафтана и юбка, доходящая до середины икр. Кафтан с округлым воротом и разрезом спереди украшен круглыми вдавливами и заканчивается по

линии бедер, вдоль бедра спускаются концы, по-видимому, кушака, которым перехвачен кафтан. Юбка широкая, гладкая, отороченная по подолу прямоугольными гнездами с бирюзовыми вставками. Ноги обуты в мягкие сандалии, ремешки которых перехватывают ногу до середины икры, сверху в центре ремешка изображена прямоугольная пряжка. Одна рука, задрапированная в длинный рукав, протянута вперед и держит двуручный сосуд, второй рукой женщина обнимает плечи мужчины.

Мужчина сидит, перебросив ноги по одну сторону животного. Голова его, слегка повернутая к женщине, перехвачена налобной повязкой в виде крученого жгута, украшенного в центре бирюзовой вставкой; лицо с прямым носом, пухлыми губами и миндалевидными глазами.

Волосы на голове разделены прямым пробором и длинными мягкими локонами из-под налобной повязки спускаются на плечи. Платье с глухим воротом под шеей и мягкими полукруглыми складками, ниспадающими на колени так, что гладко натянутый подол заканчивается на уровне икр ног; посередине подол украшен прямоугольным гнездом, инкрустированным пастой. Ниже подола косыми мягкими складками высовывается край другого одеяния, из-под которого выступают острые загнутые вверх мыски обуви. Одной рукой мужчина обнимает за плечи женщину, привлекая ее к себе; вторая лежит на груди женщины, причем между расставленными пальцами выступает сосок.

Эту любовную сцену благословляет богиня Ника, которая изображена в полете, со сложенными на спине длинными крыльями, инкрустированными бирюзовыми вставками. Волосы на голове разделены на две пряди и собраны на затылке в виде высокого шиньона. На богине длинная развевающаяся туника, перехваченная высоко под грудью поясом, из-под которого на бедра спускается юбочка с множеством вертикальных складок. Туника имеет спереди косой разрез, и видна высоко обнаженная нога с браслетами на лодыжке. Правая рука с двумя браслетами на предплечье и одним на запястье держит венок, левая с такими же браслетами - длинную пальмовую ветвь. Возможно, не случайно у богини на обеих половинках застежки всегда в правой руке венки, а в левой - ветвь. Впереди фантастического животного, под его ногами, изображен полулежащий силен: у него бородатое лицо с большим вздернутым носом, глазами навывкат, выделенными лохматыми бровями, и торчащими вверх рогами. Силен одет в длинный, до колен, кафтан из овечьей шкуры, перехваченный по талии кушаком; одной рукой с зажатым в ней посохом опирается на землю, а в другой держит ритон в виде протомы рогатого козла. Этот ритон он протягивает женщине, сидящей на чудовище.

Нет сомнений, что композиция передает хорошо известный в античном мире сюжет «священный брак», истоки которого уходят в седую древность, но во все времена отражали идею всеобщего плодородия. Нас не должно смущать, что мужская фигура задрапирована в длинные «женские» одеяния — именно в таком облачении изображается Дионис на эллинистическом Востоке.

Теперь перейдем к реконструкции костюма погребенного. Систематизация разных типов золотых нашивных бляшек помогла нам восстановить не только типы одежды, но и вид погребального покрывала, в которое был обернут труп. Золотые нашивные цилиндры диаметром 15 мм на дне гроба лежали «лицом вниз», а точно такие же, но на скелете располагались «лицом вверх». И нижний и верхний слой однотипных бляшек образуют правильный прямоугольник, который рамкой от плеч до лодыжек ног заключает внутри себя костяк. Более того, сверху этот прямоугольник по диагонали пересекают сплошные, а не прерывистые линии нашивных цилиндров, что возможно только в одном случае: если они были нашиты на одно полотнище. Очевидно, что перед нами погребальное покрывало, в которое от плеч до ног обернули труп.

Сняв украшения покрывала, мы обнаружили следующий слой нашивных бляшек, располагающихся на груди вдоль вытянутых рук и нижней части скелета. Возможно, именно это платье застегивалось на шее застежками с «любовной сценой». Спереди платье наискось от плеча к подолу было украшено золотыми цилиндрами, нашитыми двумя перекрещиваю-

щимися на груди полосами, а сзади на спине вышитой треугольной фигурой с двумя кругами на поясице.

Под затылком покойного, как и во втором погребении, лежали наборные бляшки, возможно, украшавшие стоячий воротник. Каждая бляшка состоит из шести золотых дисков, украшенных бирюзовыми розетками с золотыми разделителями, с которых на проволочках свисают миниатюрные диски.

Расчищая верхнюю часть скелета, мы обратили внимание, что на левом плече лишь бляшки, некогда нашитые на платье, в то время как на правом предплечье скопление золотых нитей и разнотипных золотых бляшек, к тому же они лежали только поверх скелета и отсутствовали под ним. На основании этого документального факта можно заключить, что на правом предплечье находился, судя по золотым нитям, тканый предмет, скорее всего сложенный в несколько слоев короткий плащ, который предположительно мог скрепляться описанными выше застежками.

Ворот самого платья спереди был обшит тонкой ленточкой, состоящей из золотых рифленых трубочек, на которые нанизаны четыре золотые подвески в виде трезубчатых полумесяцев, инкрустированных разноцветной пастой. Чуть ниже такой же формы нашивная полоска из круглых золотых цилиндров, переходящая на груди в крупную грушевидную фигуру, сплошь состоящую из таких цилиндров. В целом же это нагрудное украшение удивительно близко напоминает вышитые вставки на современных женских платьях туркменок. Внизу это красочное нагрудное украшение завершается нашитой на платье золотой статуэткой крылатой богини. Богиня стоит, опираясь одной рукой на «колонну», а вторую кокетливо уперев в отставленное крутое бедро. Задумчивое лицо, чуть повернутое в сторону, имеет ярко выраженные восточноиранские черты: высокий лоб с точкой-тикой посередине, большие с выделенными зрачками глаза, прямой, слегка расширяющийся книзу нос, припухлые с опущенными уголками губы и округлый подбородок. Волосы разделены прямым пробором и длинными мягкими прядями забраны под диадему или витой жгутом начельник, украшенный орнаментом из колечек. Короткая, еле намеченная шея, возможно, с ожерельем переходит в округлые плечи, из-за которых подняты вверх сильно изогнутые на концах крылья. Грудь с четко моделированными сосками, узкая талия подчеркивает крутую линию бедра и округлый, чувственно выпуклый живот с пупком.

Предплечья украшены двойными браслетами, а запястья - тройным рядом браслетов, переданных рельефно выступающими колечками. Правой рукой, опирающейся на «колонну», богиня изящно придерживает край одежды. По линии бедер фигура задрапирована в складчатые одеяния, оставляющие открытой часть треугольника внизу живота. Переброшенные через левую руку мягкие складчатые одеяния, под которыми угадываются отставленная назад левая и выдвинутая вперед правая нога, спускаются до самого пола.

В сущности, это первое известное науке произведение искусства древней Бактрии, в котором так четко прослеживается смешение нескольких стилей. В самом деле, лицо бактрийки, а лоб украшает индийское пятнышко - тика, ниспадающие одеяния и крылья за плечами - кажется, свидетельство влияния античного и греко-римского искусства. Но так ли это на самом деле? Принято считать, что всякое крылатое женское божество эллинистического времени должно изображать греческую богиню Нику. Однако после открытия Бактрии эпохи бронзы выявляются местные истоки этого образа. Дело в том, что на бронзовых печатях Бактрии встречаются изображения крылатых женских фигур - богинь древнейшего местного пантеона II тысячелетия до н. э. Вопрос можно поставить так: не имеем ли мы здесь пример слияния двух образов — глубоко местного бактрийского, имени которого мы пока не знаем, и античной богини Афродиты? В результате мог сложиться новый синкретический образ божества, впитавший в себя как местные, бактрийские, так и привнесенные, греческие и индийские элементы. Более того, известно промежуточное звено в формировании этого образа - на одном серебряном греко-бактрийском блюде из Эрмитажа, как считают, изображена Ника-Хванинда. Так вот, если иконография золотой статуэтки из Тилля-Тепе почти не оставляет сомнений в изображении греческой Афродиты, то лицо сходно с лицом Ники-Хванинды.

Думается, что в обоих случаях мы имеем пример соединения древнейших бактрийских божеств с греческими, результатом чего явились синкретические божества типа бактрийской Афродиты.

Но вернемся к реконструкции платья погребенного. Возможно, по талии оно было перехвачено золотым поясом, свидетельством чему могут служить обрывки золотой спирали, обнаруженные в области тазовых костей. Вполне возможно, что под платьем на теле была рубаха с глубоким треугольным вырезом, обшитым по краю тремя рядами нашивных бляшек трех типов: цилиндры, крупные прямоугольники и «крылышки». По крайней мере все эти три типа нашивных украшений располагались на самом скелете, образуя самый нижний слой бляшек. На груди находилось круглое зеркало того же типа, что и во втором и третьем погребениях. Зеркало украшено геометрическим орнаментом и китайскими иероглифами. Длинные рукава имели высокие манжеты, сплошь расшитые золотыми бляшками, жемчугом, круглыми костяными и настовыми бусинками, образующими сложные, замысловатые узоры.

На запястьях рук два литых золотых браслета овальной формы с несомкнутыми концами, украшенные скульптурными изображениями головок фантастических животных. Морды животных с разинутыми клыкастыми пастями, раскосые, зло прищуренные глаза над мясистыми щеками, собранными в складки. Надбровные дуги выступают на лбу в виде бугров и переходят в изогнутые, инкрустированные бирюзой короткие рожки, ниже которых инкрустированные тоже бирюзой уши. На одном браслете между рогами вставка из лазуритового ромбика. Скульптурные головки пустотелые, у основания украшены рельефными лентами из миндалин. На браслетах следы стертости от употребления.

Оба браслета имеют очень близкие аналогии, происходящие из скифских захоронений степей Южной России, из Ирана времен Ахеменидов и из Амударьинского клада. По единодушному мнению специалистов, такие браслеты из Амударьинского клада - творение иранских мастеров, так как образы львоподобных рогатых чудовищ широко известны в монументальном искусстве ахеменидского Ирана. Вместе с тем нельзя не вспомнить изображения крылатых львоподобных существ на каменных амулетах Бактрии, относящиеся к несравненно более древнему времени, а именно к эпохе бронзы. В таком случае не лишено основания предположение о тысячелетних местных бактрийских мифологических традициях, о существовании бактрийской художественной школы в системе всего Древнего Востока.

Правая ладонь умершего сжимала небольшой, очень тонкий, полый внутри золотой жезл или скипетр, украшенный кольцевыми выступами. От округлого навершия рукояти, по видимому, на ленте или ремне некогда свисал золотой многолепестковый «цветок». У локтя этой же руки лежало золотое цилиндрическое изделие, украшенное на конце множеством золотых лент, а сверху пятилепестковой розеткой. По внешнему краю изделия пробиты сквозные отверстия.

Фаланги пальцев обеих рук покрыты мелкими золотыми бляшками в виде полусфер; не исключено, что это остатки своеобразных перчаток, расшитых украшениями. На большом пальце левой руки золотой перстень с плоским камнем темно-вишневого цвета, на котором глубокой резьбой выгравировано профильное изображение человеческой головы в небольшой шапочке. Из-под водочки спускаются завитые локоны, над лбом волосы короткие, по бокам и на затылке более длинные. Прямой длинный нос, губы тонкие и сжатые, шея высокая, чуть изогнутая.

В области таза большое скопление нашивного жемчуга: если только он не был нашит на нижнее белье, то можно допустить, что им было украшено платье чуть ниже талии. Отметим, что в области грудной клетки, особенно вдоль ребер, также большое скопление жемчуга. На лодыжках ног золотые, литые, с несомкнутыми концами браслеты, украшенные бирюзовыми вставками; на браслетах следы стертости от употребления. На ноги покойного были надеты туфли или тапочки (а не сандалии), расшитые мелкими золотыми бляшками.

В изножии большой серебряный сосуд и бронзовое зеркало с ручкой из слоновой кости. На зеркале кучкой сложены сурьма, «белила», «румяна» и слюдяные зубчатые кружоч-

ки, покрытые черным лаком; аналогичные зубчатые изделия разнообразных форм находились на лбу и скулах черепа.

В этой связи следует отметить, что под короной на черепе была цепочка золотых цилиндров, продолжающаяся спереди до нижней челюсти. На основании этого можно предположить, что лицо покойника было прикрыто платочком, на который были нашиты золотые цилиндры и слюдяные кружочки. Концы платочка заходили под корону. В таком случае так называемые головные булавки могли быть использованы для закалывания платка на висках. Нелишне отметить, что косвенные свидетельства такого платочка отмечены в четвертом погребении.

Как и в третьем погребении, на полу могильной ямы мы обнаружили погребальные приношения. В круглой, плетеной из тростника корзиночке лежали керамический сосудик и спекшиеся от времени железные туалетные предметы, в том числе небольшой железный ножичек с рукоятью из слоновой кости, украшенной золотыми обоями, а также коробочки из слоновой кости.

В изголовье, но также вне гроба, на дне могильной ямы стояли три стеклянных, явно туалетных сосудика с шаровидным туловом и узким, длинным горлом; в сосудиках сохранились застывшие остатки серой массы от косметических веществ; здесь же находилось небольшое количество «белил».

Отсутствие боевого оружия, набор туалетных и косметических принадлежностей, а также предварительное антропологическое определение указывают на погребение женщины в возрасте около 30 лет. Можно не сомневаться, что она занимала высокое положение в обществе, ярким свидетельством чему, помимо богатых украшений, являются такие символы власти, как корона и жезл или скипетр. Думается, что в могиле погребена царица, а царицы в то время были, как правило, только у кочевых народов. Именно это поражало оседло-земледельческих соседей среднеазиатских кочевников, что нашло отражение в сочинениях греко-римских авторов. Таким образом, женское царское захоронение - еще одно доказательство связей погребенных в могилах Тилля-Тепе с кочевым миром Средней и Центральной Азии.

Вместе с тем о сильном влиянии греческих обычаев и нравов свидетельствует обнаружение за щекой покойной в шестой могиле серебряной монеты. Это типично греческий погребальный ритуал - класть в рот умершим монету как плату Харону за переезд через реку Стикс в царство мертвых. Именно так в строгом соответствии с греческими погребальными обрядами и поступили при захоронении царицы. На лицевой стороне монеты поясное изображение бородатого царя, с диадемой на голове. Диадема скреплена сзади длинными лентами. Внизу надчеканка в виде маленького кружка, внутри которого изображена голова воина в «македонском» (с широкими полями) шлеме. На оборотной стороне вычеканен сидящий на троне лучник, на свободном поле греческая надпись, принадлежащая парфянскому царю Фраату IV, который правил в 38—2 гг. до н. э. Таким образом, погребение царицы не может относиться к более раннему времени, чем I в. до н. э. Но особый интерес для нас представляет надчеканка воина в «македонском» шлеме. По мнению специалистов, это изображен Сапалейзес, один из кочевых юэджийских вождей, правивший в Бактрии до сложения государства Великих Кушан. Примечателен факт, что надчеканка помещена с краю монеты, чтобы не повредить изображения парфянского Царя Фраата IV. Это, как считают специалисты, указывает на какую-то степень зависимости местных правителей от соседней Парфии.

В кулаке левой руки царицы была зажата еще одна, на этот раз золотая монета. На лицевой стороне монеты изображен бородатый царь с тонким, слегка горбоносим лицом, глубоко посаженными глазами и чуть припухлыми губами, на голове округлая тиара с наушниками. На этой же стороне монеты имеется дополнительная сильно стертая надчеканка в виде миниатюрной головки обращенной лицом к зрителю. На оборотной стороне изображен воин, сидящий на троне с луком в руке; на свободном поле греческая надпись, в которой упоминается парфянский царь. Казалось бы, перед нами очередная парфянская монета, однако ни в одном нумизматическом каталоге мира не зарегистрирована такая золотая парфянская монета. Когда нам посчастливилось обнаружить эту монету, мы сразу же определили ее как пар-

фянскую, однако специалист-нумизмат Теркеш Ходжаниязов, пропустивший через свои руки сотни парфянских монет, категорически заявил, что никогда не видел золотой парфянской монеты. Как оказалось, не только он, но и крупнейший авторитет в области античной нумизматики англичанин Д. Селлвуд в последней своей книге также заявляет: «Золотые монеты могли чеканиться, но скорее как церемониальные медальоны, а не для торговли... Я сам, лично, не видел ни одного подлинного экземпляра».

И такую редкую золотую медаль-монету, которых всего-то были считанные единицы, положили умершей в могилу. Это еще одно доказательство ее высокого социального статуса. По мнению специалистов, это местное бактрийское подражание парфянским монетам I в. до н. э., или, иначе, монета была чеканена одним из кочевнических юэджийских вождей, осевших в Бактрии, но находившихся в какой-то зависимости от соседней Парфии.

Чем меньше дней оставалось до конца работ, тем больше дел, оставленных «на потом», предстояло закончить. Наш добровольный и бескорыстный помощник Вадим Корычев, специалист из советской колонии в Шибиргане, все воскресные дни проводил на холме, производя инструментальную съемку раскопанного храма. В процессе раскопок многие архитектурные детали этого монументального здания приходилось наносить на общий план и сносить, чтобы добраться до наиболее древних сооружений. Но предварительно надо было точно зафиксировать раскапываемые конструкции, для чего требовалось произвести инструментальные замеры.

Предстояло завершить инвентаризационную опись всех находок, а для этого сотрудник института археологии Демократической Республики Афганистан Аджан Иноят должен был за оставшиеся дни взвесить, замерить и описать 20 тысяч золотых изделий, извлеченных из шести могил на Тилля-Тене. Только Аджан и его помощники из числа советских специалистов знают, какой это каторжный труд сидеть с утра до позднего вечера за тонкими медицинскими весами и высчитывать граммы и миллиграммы веса очередных мелких золотых украшений. Зато потом нам удастся в рекордно короткий срок, в считанные дни, а не многие недели сдать все находки в музей и получить официальный документ, подтверждающий, что все сокровища Тилля-Тепе до самой мелкой бляшки в полном соответствии с описью поступили на хранение в Кабульский национальный музей.

Рачительным хозяином, не упускающим из вида ничего и никого, ходил по раскопкам другой сотрудник института археологии, Асеф Шарки, в обязанности которого входил научный контроль за ходом полевых археологических работ. Глядя, как он помогает расчищать скелеты, укладывать находки в коробочки и особенно «запечатывать» могилы в конце каждого рабочего дня я вспоминал тот первый год, когда он впервые поехал с нами в экспедицию. Только что закончив школу он сразу включился в экспедиционный ритм раскопок, но вскоре был призван в армию. Вернувшись через два года, снова поехал с нами в экспедицию. На этот раз мы вдвоем совершили чрезвычайно трудную поездку в восточные отроги Гиндукуша, где выявили еще неизвестные археологические памятники. Кочуя с места на место, мы ночевали там, где заставляла нас ночь, и очень часто после ужина при свете нереальной лампочки от нашей автомашины Асеф с увлечением читал какую-то книжку, тщательно обернутую в газету. Как оказалось, он уже тогда состоял членом нелегальной Народно-демократической партии Афганистана, а книга под заглавием "Краткая биография и социальные взгляды В.Ленина" была издана на языке дари в Швейцарии. В те годы за такую книгу полагался арест.

Времени оставалось все меньше, а дел все больше. По нашему плану я должен был выехать в Кабул раньше других и приступить к сдаче находок в музей. Остальным сотрудникам предстояло завершить исследование четвертого и шестого захоронений, законсервировать раскопы и только после этого ехать в Кабул.

До моего отъезда оставалась ровно неделя. Все мы работали на раскопах, когда из-за высохших отвалов земли появился Теркеш и, как всегда невозмутимо-спокойный, поманил меня к себе; я подошел - на его раскрытой ладони сверкали под солнцем золотые бляшки! Новое, седьмое захоронение! Но с нас довольно! Уже кончались все продленные сроки, средства, да

и мы сами... Сказалась физическая и психологическая нагрузка почти пяти месяцев напряженной, нервной работы. Да и опыт показывал, что на исследование одного погребения в среднем нужно полтора месяца, а в нашем распоряжении чуть больше недели. Сбылись пророческие слова, сказанные в начале раскопок, «на каждого по могиле»: семь советских археологов - семь обнаруженных захоронений. Очень соблазнительно заглянуть в седьмую сокровищницу, тем более что лежащие на ладони Теркеша бляшки совершенно нового типа. Но эмоции эмоциями, а профессиональный долг заставил нас руководствоваться здравым смыслом. И вот уже недоумевающие рабочие насыпают мощный слой земли на предполагаемое место седьмой могилы. На Тилля-Тепе устанавливается постоянный пост военизированной охраны, который должен нас ожидать до следующего полевого сезона. Последующая политическая ситуация внесет коррективы в наши планы, но, оглядываясь назад, мы должны подтвердить правильность принятого решения. Мы не могли, подобно «джентльменам удачи», вскрыть могилу только для того, чтобы извлечь погребальные украшения, а на подлинно научные раскопки времени не оставалось.

Итак, оставив нераскопанные сокровища Тилля-Тепе на попечение местных афганских властей, мы ранним утром 8 февраля 1979 г. в сопровождении джипа с вооруженными солдатами выехали из Шибиргана в Мазари-Шариф. Предполагалось нанести краткий визит местному губернатору и не мешкая ехать дальше, в Кабул. До Мазари-Шарифа доехали быстро и без происшествий, но дальше события стали развиваться как в замедленной съемке. Долго не могли найти губернатора — был обеденный перерыв, и он появился точно в конце своего перерыва. Выяснилось, что он не может дать вам разрешение на выезд из города, пока не поставит в известность центральные власти в Кабуле. В самом деле, время было тревожное, нам предстоял переезд через Гиндукуш, где за каждой скалой могла подстеречь опасность, а в машине у нас стояли два вьючных ящика, набитых золотом.

Начались длительные телефонные переговоры, кого-то не было на месте, кто-то еще должен был решить окончательно, а время шло. Наконец, из Кабула поступил категорический запрет на проезд машиной. Сокровища надлежало транспортировать только самолетом. В этот день самолетов не было, и нам пришлось заночевать в городе. Нас разместили в гостинице, но с какой помпой! У двери моей комнаты поставлены были двое часовых, которые не пропускали ко мне в номер даже нашего экспедиционного шофера. Еще двое часовых стояли у главного входа, а где-то в кустах были размещены дополнительные секретеры. На первый взгляд все эти меры предосторожности казались преувеличенными, но ведь содержимое двух вьючных ящиков, стоявших в моей комнате, оценивалось во много миллионов долларов.

С раннего утра следующего дня мы уже стояли у дверей кабинета губернатора, но ни в тот, ни в следующий день погода не благоприятствовала нам. Легко себе представить, что испытывали мы, бессмысленно слоняясь вокруг губернаторского дворца в ожидании хорошей погоды, в то время как в нескольких десятках километров на раскопках у нас было множество неоконченных дел, оставленных ради того, чтобы раньше начать передачу находок в музей. И, как оказалось в дальнейшем, именно этих двух дней нам и не хватило, пришлось сдавать билеты на уже забронированный авиарейс в Москву. Только на третий день установилась летняя погода, и мы в сопровождении машины с вооруженной охраной въехали на аэродром Мазари-Шарифа. Откуда ни возьмись перед нами оказался солдат и, направив на нас дуло винтовки, заорал диким голосом - "Треш!". Похоже, он был испуган больше нам и команду "Стой!" подал, повинувшись телефонному приказу какого-то не в меру ретивого начальника.

Вскоре на бетонной площадке приземлился маленький Як-40, и всех пассажиров попросили войти в здание аэропорта. Пока шла проверка билетов, нас вместе с экспедиционными ящиками быстро загрузили в самолет, и через иллюминатор мы могли видеть, как недоумевающих и ничего не подозревающих пассажиров, прежде чем впустить в самолет, тщательно обыскивают полицейские. Мягко взлетев, наш Як40 ровно потянул над Гиндукушем. Впервые за десять лет я увидел эту часть страны с воздуха, а не из машины. Под кры-

лом самолета проплывают мощные скальные хребты, покрытые белыми шапками снега и голубовато мерцающими на солнце ледниками. Вот узкое ущелье, тонкая нитка горной речушки и уютно примостившаяся к склону горы маленькая деревушка. Окруженная высоченными заснеженными горами, она в прямом смысле слова отрезана от всего остального мира, и лишь еле заметные тропы отмечают линии ее связей (да и то только летом) с внешним миром.

Вот остался позади Саманган, вскоре впереди замаячит Пули-Хумри, последний крупный населенный пункт перед перевалом Саланг. Кажется, мы видим даже полосатый шлагбаум, которым перекрывается движение во время снегопадов, когда на несколько дней закрывается перевал.

Наконец, черные цепи гор становятся все ниже, более расплывчатыми, больше горных деревушек мелькает в ущельях, и вот изумрудным пятном появляется небольшой городок Чарикар, отмечающий подножие южных склонов Гиндукуша. Итак, мы перевалили одну из величайших горных систем Азии, и самолет, постепенно снижаясь, приближается к кабульскому аэропорту. Здесь нас уже ожидают чиновники из министерства культуры и два джипа с полицейскими. Погрузив вьючные ящики в машину, мы под эскортом вооруженной охраны в который раз на предельной скорости, но теперь уже по улицам Кабула мчимся на окраину города в Даруль-Аман, где напротив бывшего дворца Амманулы-хана располагается Национальный музей.

В тот день мы уже были не способны к работе и, опечатав вьючные ящики и двери комнаты, куда они были помещены, отложили сдачу вещей на следующий День. Начался, пожалуй, самый драматический финал бактрийской эпопеи, Энергичный и волевой заместитель министра культуры К. Нурзай употребил всю свою власть и влияние, чтобы до минимума упростить формальности, облегчить нам передачу находок на постоянное хранение Демократической Республике Афганистан. Представьте себе необходимость обмерить в миллиметрах и взвесить в миллиграммах каждую из 20 тысяч единиц золотых находок. К тому же их надо еще сфотографировать, описать и занести в инвентаризационную опись.

Учитывая лимит времени, а до вылета в Москву оставалось чуть больше недели и еще предстояли всевозможные официальные формальности, связанные с окончанием очередного полевого сезона, казалось бы, можно было оставить запечатанные ящики с находками на хранение в Государственном банке до следующего года. Но враги новой власти уже пустили по Кабулу слухи, что советские археологи растаскивают национальные богатства Афганистана, что антикварные лавки забиты золотыми изделиями, проданными им сотрудниками экспедиции, и т.д. и т.п. Словом, ажиотаж вокруг бактрийского золота разгорался, и необходимо было оформить передачу в, казалось бы, немыслимо короткий срок.

Конечно, в такой лихорадочной спешке все время возникали непредвиденные сложности, которые не всегда можно было сразу разрешить. Со стороны экспедиции передачу находок в музей осуществляли Аджан и Асеф, так как мне приходилось мотаться между разными министерствами и нашим посольством, утрясая мелкие формальности, начиная от консервации экспедиционных автомашин до следующего сезона до получения разрешения на вывоз для анализов органических остатков из могил, исключая, конечно, золотые изделия. Нокдаун, от которого я долго не мог прийти в себя, был нанесен мне Асефом во второй день передачи. Он позвонил мне в отель и мягким извиняющимся голосом сообщил: «Доктор-Саиб, як халта нист!» Иными словами, в ящике не хватало одного пластикового мешочка с золотыми бляшками. Казалось бы, легче всего было заглянуть во второй стоящий тут же вьючный ящик, куда по ошибке мог попасть «пропавший» мешочек с золотом. Но ящик опечатан бумажной пломбой-наклейкой на которой подписи пяти официальных лиц, оставивших свои автографы в первый день, когда ящики поступили в музей. И вскрыть ящик надлежит только в присутствии всех пяти членов комиссии. Казалось бы, собрать их - дело легче легкого: ведь все они сотрудники музея, но, как всегда, кого-то нет на месте, кто-то заболел. Конечно же, в конце концов собралась в полном составе вся комиссия, вскрыли ящик и обнаружили «пропавший» пластиковый мешочек, но этому благополучному исходу предшествовали день и две

ночи. Но какие! Всякое могло произойти при нашем отъезде из Шибиргана, всякие мысли приходили в голову, особенно бессонными ночами, когда все представляется более драматичным, чем на самом деле.

Это один, но далеко не единственный подобного рода эпизод в передаче сокровищ Тилля-Тепе в музей. Когда казалось, что все уже позади - большая часть содержимого ящиков перекочевала в надежные запасники музея, - вдруг по непонятной для нас причине целых два дня сотрудники музея не приходили на работу. Этих-то двух дней не хватило нам, чтобы в срок вылететь в Москву, где нас после почти полугодового отсутствия ждали заранее предупрежденные родные и близкие. Я предложил оставшуюся часть золотых находок сдать под расписку в банк, но получил решительный отказ министерства культуры Афганистана. Наши авиабилеты были аннулированы, визы продлены, и лишь через два дня глубокой ночью самолетом афганской авиакомпании «Ариана» мы вылетели в Москву.

Итак, в шести захоронениях мы обнаружили около 20 тыс. золотых изделий. Ничего подобного не знала мировая археологическая практика в этой части Азии. Где же находилась резиденция правителей, похороненных на Тилля-Тепе? Ответ на этот мучивший нас вопрос мы нашли в третьем погребении, когда обнаружили там керамические сосуды. Точно такая посуда, но в обломках была широко известна на раскопках расположенного рядом Емши-Тепе. Сразу возникли предположения о какой-то связи между могильником на Тилля-Тепе и обитателями расположенного рядом кушанского города. В самом деле, в пределах Северного Афганистана Емш-Тепе входит в первую десятку наиболее крупных городищ и некогда безусловно являлся столичным центром. Вспомним высокие, неприступные стены, усиленные боевыми башнями с частыми, узкими бойницами, мощную, доминирующую над городом, поднятую на кирпичную платформу цитадель - резиденцию местного правителя.

Частичные раскопки установили, что город Емши-Тепе возник, возможно, еще в греко-бактрийское время, а расцвет его относится к последующей, кушанской эпохе. Таким образом, город существовал в то время, которым датируется могильник на Тилля-Тепе. Не исключено, что именно правители города и всей области могли облюбовать расположенный рядом с городом оплывший холм под семейный некрополь.

Для подтверждения этой гипотезы не хватает еще многих фактических доказательств, но есть одно, подводящее под нее реальное основание. Как уже отмечалось, холм Тилля-Тепе раскопали почти полностью, и можно с полной уверенностью утверждать, что могилы располагаются только в северо-западной его части, обращенной к Емши-Тепе. По всей остальной окружности холма их нет и никогда не было, что документально доказано раскопками. Это - косвенное доказательство предложенной нами гипотезы, если учесть к тому же, что захоронения скорее всего совершались втайне от всех. А этому тоже есть косвенные доказательства. Фантастическое богатство могил находится в очевидном противоречии с простотой, если не сказать примитивностью, устройства могильных сооружений. Могильные ямы вырыты явно поспешно, за считанные часы, они даже не обмазаны глиняной штукатуркой. И в то же время археологии известны захоронения в той же Бактрии с тщательной отделкой могильных камер каменными блоками, со сложным устройством надмогильных сооружений. Кстати, именно это в конечном счете их и погубило — почти все они были разграблены еще в древности, и до наших дней от них ничего не сохранилось, кроме погребальных сооружений.

Словом, в настоящее время наиболее вероятным представляется предположение о тайных захоронениях. Могильщики под покровом ночи за считанные часы рыли яму, опускали в нее гроб, перекрывали яму на уровне уступов заранее приготовленными плахами и плетеными циновками, насыпали поверх них землю и сверху камуфлировали это место дерном. Так или примерно так совершались захоронения, и недаром все они располагаются в одном узком секторе холма Тилля-Тепе, в то время как имелось много свободного места на остальной площади холма. Думается, местные правители хорошо знали неумную алчность любителей легкой наживы и поэтому располагали могилы на том участке холма, который хорошо просматривался из цитадели. Это позволяло, не вызывая подозрений, следить за сохранностью

некрополя, несметные богатства которого тешили их царское тщеславие. Не исключено, что существовал и официальный некрополь, где совершались ложные захоронения, чтобы отвлечь внимание грабителей от истинного могильника.

Тот факт, что в четвертом погребении на самом верху могильной ямы находился конский череп, не противоречит предложенной гипотезе. Древний кочевнический обычай помещать голову коня, завернутую в его шкуру, лишь дань вековой традиции: заброшенная сверху землей, она никак не могла раскрыть место погребения.

Но кто же были те, что покоились почти две тысячи лет в деревянных гробах на Тилля-Тепе? Касаясь типов некоторых золотых украшений и покроя одежды, мы уже отмечали влияние искусства кочевнического мира. В предшествующие годы французские археологи обнаружили и раскопали на левобережье Амударьи около североафганского г. Кундуз курганы кочевников, к сожалению, оказавшиеся разграбленными еще в древности. Однако раскопки этих курганов документально подтвердили проникновение кочевых племен из Средней Азии на левый берег Амударьи, т. е. в районы Северного Афганистана. Для проверки этого факта обратимся к древним погребениям смежных районов, и в первую очередь соседних областей Северной Бактрии (правобережье р. Амударьи - ныне южные области советской Средней Азии). Так, менее чем в ста километрах от Тилля-Тепе, у речной переправы через Амударью, вблизи туркменского селения Мукры, советские археологи раскопали большой могильник, оставленный племенами, некогда кочевавшими в этих районах. Хоть в руки археологов попали лишь рядовые погребальные приношения и украшения, тем не менее по типу они близко напоминают некоторые золотые находки из Тилля-Тепе. Сходны и погребальные обряды, что дает право видеть в людях, оставивших могильники у Мукры и на Тилля-Тепе, представителей родственных кочевых племен, хотя и относившихся к разным социальным группам тогдашнего общества.

Тоже на правобережье р. Амударьи, но уже в соседнем Южном Узбекистане, около г. Термеза, напротив афганского порта Хайратон советские археологи обнаружили могильник того же времени, что и некрополь на Тилля-Тепе. Сравнительный анализ подтверждает идентичность погребальных обрядов этих двух могильников. Среди большого количества рядовых могил встречены были и могилы знати, видимо, с богатыми погребальными приношениями, но, к сожалению, оказавшиеся разграбленными еще в древности. Тем не менее среди немногочисленных золотых украшений, в спешке не замеченных грабителями, есть нашивные бляшки и некоторые другие золотые изделия, идентичные таким же из Тилля-Тепе, но представляющим собой их миниатюрные копии.

Еще дальше, на территории Южного Таджикистана, там, где р. Кафирниган впадает в Амударью, в Бишкентской долине были обнаружены большие группы курганов в виде насыпных холмиков, обложенных сверху крупными камнями. Под курганной насыпью глубокая вертикальная шахта, у основания шахты в боковой стенке вырыта прямоугольная камера, в которой на спине в вытянутом положении, преимущественно головой на север покоится умерший. Стены и дно могильных камер выложены тщательно пригнанными крупными камнями. Эти своеобразные каменные ящики сверху перекрывались плоскими каменными плитами. Как видно, в противоположность захоронениям на Тилля-Тепе здесь родственники умерших не спешили с похоронами и обкладывали могилы тяжелыми камнями и плитами, стараясь навеки обезопасить трупы от хищников и возможных врагов. Как правило, вместе с покойниками помещали лишь два-три обычных керамических сосуда, латунные и каменные украшения, необходимое оружие - железные наконечники стрел, кинжалы, мечи. Лишь в единичных захоронениях были обнаружены золотые украшения - немногим более 50 изделий на 200 раскопанных могил, и хотя по ценности они несравнимы с украшениями из могил на Тилля-Тепе, тем не менее удивительно близки по стилю и формам. Особенно показательны золотые южно-таджикистанские бляшки в виде крылышек: точно такие были обнаружены в шестом погребении на Тилля-Тепе.

Все эти могильники расположены по правому берегу Амударьи и как бы кольцом охватывают Северо-Восточный Афганистан, отмечая места, где некогда кочевали и хоронили сво-

их умерших номады примерно в то время, к которому относятся захоронения на Тилля-Тепе.

Наконец, еще севернее, вплоть до степных равнин Бухарского оазиса и Приаралья, выявлены курганы, сходные с описанными как по типу погребальных обрядов и надгробных сооружений, так и по найденным в них украшениям и погребальным приношениям. Таким образом, данные археологии, и в частности материалы, полученные на раскопках Тилля-Тепе, позволяют выявить распространение сарматских кочевых племен от Южной Сибири через Нижнее Поволжье, Северную Среднюю Азию до левобережья Амударьи, т. е. до северных районов Афганистана.

У истоков мировой империи

У истоков мировой империи Кочевой мир и оседлое население традиционно земледельческих центров издревле находилось во взаимодействии, поэтому в письменных памятниках древности, в частности в трудах античных авторов, немало данных о кочевых племенах Востока. Так, ахеменидский царь Кир II, собираясь в египетский поход, решил обезопасить свой тыл, где на великих среднеазиатских степных просторах кочевали могущественные союзы племен. Драматические события этого похода нашли отражение в трудах многих античных авторов. По представлению греко-римских историков, подтверждающемуся археологическими материалами, на бескрайних степных просторах от Каспийского и Аральского морей до среднего течения Сырдарьи обитали многочисленные кочевые народы, которых они именовали общим названием «скифы». Среди скифов различали саков и массагетов, которые, в свою очередь, подразделялись на ряд относительно более мелких племенных союзов. Когда Кир II подошел к левобережью Амударьи, у скифов правила царица Тамирис. Она не воспрепятствовала переправе персов через реку, чтобы затруднить им путь к отступлению. Заманив персов в западню, скифы в жестоком сражении разгромили персидское войско. В этой битве пал и сам царь Кир. «Отец истории» Геродот так заканчивает свой рассказ об этих событиях: «Сражение это было наиболее жестоким из всех, в каких когда-либо участвовали варвары. Происходило оно, как я слышал, так: вначале оба войска обстреливали друг друга из луков на значительном расстоянии, потом, когда стрелы были истощены, перешли врукопашную и бились копьями и мечами. Войска долго стояли друг против друга, и ни одна сторона не обращалась в бегство. Наконец, массагеты победили. Большая часть персидского войска пала на месте сражения, сам Кир был убит» (Herot. I, 214).

Для нашей темы особо важны сведения о военной мощи среднеазиатских кочевников, сумевших разгромить армию мировой Ахеменидской державы, а также то высокое положение, которое в VI в. до н. э. занимала женщины в кочевой среде.

Скупые сведения о последней кочевой экспансии находим в китайских хрониках. Согласно этим данным на территории современной Монголии обитали хунны, а к западу от них юэчжи. К середине III в. до н. э. юэчжи настолько возвысились, что хуннский правитель вынужден был отдать им в заложники своего сына. Однако несколько позднее ситуация изменилась, и уже хунны наносили поражения юэчжам. Немалую роль в этих сложных отношениях сыграли и интриги соседнего ханьского Китая, всемерно старавшегося ослабить своих северных соседей. Видимо, не без китайского вмешательства в 176 г. до н. э. отношения между двумя народами снова обострились, и хунны двинулись походом против юэчжей. Через год предводитель хуннов Люшань окончательно разгромил юэчжей, заставил их откочевать дальше на запад вплоть до среднеазиатских степей, где мы застаем их накануне завоевательных походов на юг, в сторону Амударьи и где издавна жили родственные им по культуре скифы.

Несмотря на довольно туманные свидетельства китайских хроник, в них имеется одно чрезвычайно интересное сообщение, а именно, что при продвижении в Среднюю Азию

юэчжи потеснили народ сэ (по мнению специалистов, сэ — саки древнеперсидских и скифы античных письменных памятников). Здесь впервые китайские, иранские и греко-римские данные могут быть сопоставлены, так как повествуют об одних и тех же событиях. Конечно, греко-римские авторы весьма смутно представляли себе события, развивавшиеся далеко на востоке, но показательно, что и они единодушны в том, что Греко-Бактрия была сокрушена кочевниками. Греческий географ и историк Страбон пишет: «Из этих кочевников в особенности получили известность те, которые отняли у греков Бактриану, именно асии, пасианы, тохары и сакараулы, которые переселились из области на другом берегу Яксарта (Сырдарья) рядом с областью саков» (Strabo, XI, 8). У Помпея Трога находим лишь краткое сообщение о том, что Бактрию захватили скифские племена. Специалисты еще долго будут исследовать вопросы, связанные с конкретизацией упоминаемых событий, для нас же важна информация о том, что кочевые племена, обитавшие изначально далеко на востоке, достигают, наконец, степных просторов Средней Азии. Здесь, между Каспийским и Аральским морями, издревле кочевали бесчисленные племена, которых называли то скифами, то саками, то массагетами. Очевидно, что где-то в середине II в. до н. э. в среду среднеазиатских кочевников вливаются новые кочевые племена - юэчжи, сумевшие на время возглавить военную экспансию кочевого мира на юг. Ограниченность пастбищ для тысяч голов скота приводила к межплеменным конфликтам - сильные племена теснили и грабили менее сильные, а города манили богатством - соблазн был слишком велик, чтобы не вылиться в великое военное вторжение. Вспомним, что еще в 206 г. до н. э. у границ Греко-Бактрии стояли полчища кочевников.

Под давлением больших масс пришлых юэчжийских племен сдвинулся необъятный кочевой мир Средней Азии. Общее направление было одно: на юг, в процветающие земледельческие оазисы. Одна группа племен в конечном счете оседает на Индийском субконтиненте. Основная же часть среднеазиатских кочевников (саков, массагетов) во главе с юэчжами. двинулась на юг, в Бактрию. Во всяком случае, в китайских источниках среди народов, которые разгромили Греко-Бактрию, упомянуты только юэчжи. Можно считать доказанным, что в 128 г. до н. э. Бактрия уже была подчинена ими, но на первых порах резиденция юэчжийских вождей находилась еще на правом берегу Амударьи, в Северной Бактрии, а затем они проникают и в коренные земли Бактрии.

Согласно все тем же китайским хроникам, обосновавшиеся здесь юэчжи разделились на пять княжеств. Но «по прошествии с небольшим ста лет гуйшуанский князь Киоцзюкю покорил прочих четырех князей и объявил себя государем» (Бичурин, II, 227). И это, пожалуй, единственное историческое свидетельство, которое известно для периода непосредственно после крушения Греко-Бактрийского царства.

Судя по раскопкам греческого города Ай-Ханум в Северном Афганистане, лавина кочевников, хлынувшая из-за Амударьи, огнем и мечом прошла через территорию Бактрии, разрушая все на своем пути. Мрачным свидетельством тому служат развалины города Ай-Ханум, сожженного завоевателями. Разграбленные дворцы и храмы отмечали путь кочевников в глубь страны, но постепенно жизнь возвращалась на пепелища. Отстраивались города и села, налаживалась нормальная жизнь. Завоеватели, переходя на оседлость и ведя городской образ жизни, перенимали многие местные обычаи. Ярким примером тому служат первые монеты, выпущенные в Бактрии вчерашними кочевниками. На лицевой стороне этих монет портрет мужчины, на оборотной - всадник, к которому подлетает богиня Ника, на свободном поле греческая надпись - «Кушан Герай». Напомним, что в китайских хрониках в рассказе о пяти княжествах упоминается владение Гуйшуан, т. е. «кушан». Считается, что Герай один из первых правителей династии Кушан, которые вскоре создадут Империю Великих Кушан, дальнейшая история которой выходит за рамки нашей темы.

О периоде, когда Греко-Бактрийское царство уже не существовало, а Кушанское еще не возникло, до сих пор было известно очень мало, он оставался «темным периодом», окутанным дымкой таинственности и загадочности. До открытия царских захоронений на Тилля-Тепе все сведения о нем, по существу, ограничивались лишь приведенными более чем скудными данными китайских хроник да материалами раскопок дворца в Халчаяне.

Документированный археологический материал из погребений на Тилли-Тепе дает возможность проверить сведения письменных источников и построенные на их основании предположения современных историков. Например, как уже говорилось, погребальные конструкции Тилля-Тепе имеют аналогии не только в уже упомянутых могильниках Средней Азии, но и еще дальше на востоке, вплоть до Монголии и Алтая. В самом деле, могильные ямы в виде вертикальных шахт известны в хуннских курганах. Внутри могильных камер обычно находился бревенчатый сруб, перекрытый сверху бревенчатым настилом, на полу которого и устанавливался деревянный гроб. Налицо определенная близость в устройстве могил у хуннов и на Тилля-Тепе, разница лишь в том, что в Афганистане, бедном строительным лесом, не делали срубов. И в том и в другом случае могилы располагали преимущественно по линии север - юг, покойников укладывали на спину в вытянутом положении, головой на север, в прямоугольные деревянные гробы, доски которых крепились железными скобами³⁹. Примечательна и такая общая деталь, как стремление приподнять гроб над дном могильной ямы устройством специальных ножек или просто подкладыванием брусков под днища гробов.

Приведенные аналогии, конечно, недостаточно убедительны, но они приобретают особую значимость, так как дополняются так называемыми ордосскими бронзами, происходящими, к сожалению, из случайных находок расхищенных курганов пустыни Ордос в Северном Китае. Однако они, в свою очередь, дополняют хуннские изделия из научных раскопок, выполненные в скифо-сарматском зверином стиле и по времени предшествующие сходным изделиям из четвертого погребения на Тилля-Тепе. Все это еще не дает оснований видеть прямую связь между могильниками, но предостерегает от полного игнорирования приведенных наблюдений. Хунны обитали по соседству с юэчжами, что позволяет предполагать сходные обычаи, в том числе погребальные. Пока в научном обороте нет достоверно раскопанных юэчжийских могильников, мы по необходимости вынуждены привлекать материалы раскопок на соседних территориях, что представляется вполне оправданным. Из таких материалов особенно интересны аналогии из Пазырыкских курганов. Общий тип устройства могил в прямоугольных ямах, ориентированных по странам света, помещение умершего в деревянный саркофаг-колоду, плоская земляная насыпь, покрытая каменной наброской, - все находит свои уменьшенные реплики в бактрийских могилах. Особенно показателен факт помещения умерщвленных коней в северной части могилы, глухой, полузабытой репликой чего может служить помещение походного кресла, лука и колчанов в северной части четвертой могилы Тилля-Тепе. Правда, здесь нет ни каменных насыпей, ни деревянных срубов. Это можно объяснить отсутствием материала, но прежде всего тем, что это были тайные захоронения.

К сожалению, все Пазырыкские курганы оказались разграбленными еще в древности, и наиболее ценные погребальные приношения до нас не дошли. Зато в условиях вечной мерзлоты в непо потревоженном виде сохранилась одежда - почти точная копия одеяний скифов и в определенной мере погребенных на Тилля-Тепе. Во всех случаях отмечаются высокие островерхие шапки, нижние рубахи с глухим полукруглым воротом и разрезом спереди, короткие с запахом кафтаны, обшитые сотнями деревянных, крытых золотом декоративных пластин и пуговиц. Штаны ни в одном кургане не найдены, однако, судя по ноинулинским захоронениям, они были широкие и длинные (доходящие до самых лодыжек) и заправлялись в короткие сапожки с плоской подошвой без каблуков (аналогия в Тилля-Тепе - точно такие же плоские без каблуков золотые подметки из третьего погребения).

Излишне перечислять многочисленные аналогии ювелирным изделиям из Тилля-Тепе в памятниках скифо-сарматского искусства. Они очевидны. Вместе с тем прослеживается предпочтительная близость с древностями Алтая и Монголии, чем с находками из районов Юга России, и в первую очередь Причерноморья. Погребальные обряды и тип памятников искусства дают основание выделить эту обширную историческую область как центр, откуда юэчжи начали движение на юг, достигнув в конечном счете плодородной бактрийской равнины, где и заложили основу будущей Империи Великих Кушан.

При всей очевидности культурно-исторических связей трудно конкретизировать их направление. Дело в том, что форм этих связей могло быть множество. Например, греческие мастера-ювелиры Северного Причерноморья выполняли заказы скифской знати. Так же и их бактрийские собратья по ремеслу по заказу юэчжийской аристократии отливали ювелирные украшения, которые затем растекались по обширному сарматскому миру. Именно руками гениальных бактрийских мастеров созданы шедевры сибирской коллекции, на что помимо уже отмеченных черт сходства указывает и одинаковая техника отливки по текстильной, матерчатой основе (например, обувные пряжки с колесницей, запряженной львоподобными грифонами). Сюжеты изображений на таких изделиях бактрийских мастеров свидетельствуют о новых, привнесенных юэчжами идеях и образах, например, сцена на пряжках - китаец в колеснице. Точно так же кочевники видоизменяли традиционно переднеазиатские мотивы; так, на золотых ножнах одному из чудовищ с волчьей головой приделали "сибирские" рога. Процесс взаимного обмена и обогащения был многообразен и имел традицию до появления юэчжей в Бактрии. Среди находок из Пазырыкских курганов есть ковры, по убедительному мнению специалистов, привезенные из ахеменидской Персии, а в хуннских курганах Ноин Улы - ткани, импортированные из Греко-Бактрийского царства⁴⁰. И нет ничего удивительного, если какие-то переднеазиатские мотивы или образы, попавшие в кочевую среду еще на былой родине, видоизменившись и обогатившись за счет влияния местного прикладного искусства, затем снова с их владельцами попадают на Древний Восток, например в Бактрию.

Как мы уже говорили, могильник на Тилля-Тепе на основании найденных в нем монет и в еще большей степени китайских зеркал датируется рубежом нашей эры. Таким образом, погребенные на Тилля-Тепе принадлежали ко второму-третьему поколению кочевников-юэчжей, завоевавших Бактрию. Потомки завоевателей постепенно становятся горожанами, возводят новые и отстраивают старые города, и эллинистические обычаи и традиции уже прочно входят в их быт. Убедительное свидетельство того — весь комплекс находок в могилах Тилля-Тепе: суровые номады постепенно превращаются в изнеженных горожан. Еще недавно они не признавали другой жизни, как верхом на лошадях кочевать с одного места на другое, ночевать в легкой походной юрте, а нередко на земле под тонкими домоткаными кошмами. Теперь они умащивают свои тела благовониями, хранящимися в золотых и серебряных туалетных сосудиках, пользуются косметическими принадлежностями, вплоть до «маникюрных» ножниц и т. д.

Как же выглядели люди, разрушившие одно из наиболее цивилизованных государств того времени? Можно обратиться к монетам, на которых вычеканены «портреты» кушанских царей. Самые ранние из этих монет - монеты царя Герая, как предполагают, возможно, являвшегося дедом основателя государства Великих Кушан — Киоцзюкю. Герай показан в профиль, с прямым носом, большими сливовидными глазами, аккуратно подстриженными усами и волевым подбородком. Длинные, слегка волнистые волосы, четко разделенные на пряди, спускаются до самой шеи. Когда археологи при раскопках дворца в Халчаяне обнаружили глиняные скульптуры людей и божеств, то сразу было отмечено, что отдельные скульптурные изображения близко напоминают портрет царя Герая, как он представлен на монетах. Высказано предположение, что Халчаян - резиденция Герая.

В могилах Тилля-Тепе не обнаружено ни одной монеты Герая, из чего можно заключить, что это некрополь догераевского времени. Некоторые находки, и прежде всего подвеска «государь и драконы» из второго погребения, дают представление о внешнем облике людей того времени. При первом же взгляде обращает на себя внимание монголоидность черт лица государя. И, возможно, не случайно китайские хроники повествуют о юэчжецах как о бывших соседях хуннов, живших на территории современной Монголии. К сожалению, из-за плохой сохранности костей антропологические определения черепов из могил Тилля-Тепе проведены не были. Однако, по квалифицированному заключению специалистов, погребенные в могильниках Южного Таджикистана обнаруживают вполне определенные черты монголоидности.

В погребениях Тилля-Тепе достаточно четко выраженные монголоидные антропологиче-

ческие признаки запечатлены на многих художественных изделиях. Достаточно вспомнить широкоскулое, с миндалевидными глазами и энергичным подбородком лицо крылатой богини из второго погребения, золотые фигурки музыкантов с широкоскулыми раскосыми лицами. И это не удивительно – мастера-ювелиры в своих произведениях передавали наиболее характерные внешние признаки правителей. Поскольку среди пришлого конгломерата кочевых племен именно юэчжи занимали руководящую роль, то они составили правящую элиту общества, и преимущественно этот этнический тип передавали мастера при изображении высшей аристократии и божеств местного пантеона. Как бы то ни было, но изображение государя, до определенной степени, перекликается как со скульптурами Халчаяна, так и с портретами Герая, что дает реальные основания предполагать династийно-племенную связь, у истоков которой находятся погребенные на Тилля-Тепе.

Вполне возможно, что на подвеске «государь и драконы» мы видим портрет самого погребенного, того, кто стоял во главе одного из пяти юэчжийских княжеств на заре истории Империи Великих Кушан. В самом деле, если учесть, что почти все ювелирные изделия с Тилля-Тепе изготовлены местными мастерами, то вполне вероятно, что еще при жизни государя заказывали украшения (типа рассматриваемых подвесок) со своими собственными портретами. Правда, на подвеске из Тилля-Тепе государь в отличие от портретов царя Герая на монетах и династийных скульптур из Халчаяна изображен безусым. Но это не противоречит нашей гипотезе, поскольку пришельцы-юэчжи восприняли греко-бактрийские моды.

Этнический тип, поразительно близко напоминающий лицо государя с драконами, передан в скульптурной фигурке крылатой богини с эротом на плече.

На ювелирных изделиях из захоронений на Тилля-Тепе есть и изображения, передающие иные, но опять-таки вполне определенные этнические признаки. Так, головка крылатой богини из шестого погребения наделена совершенно иными этническими чертами: мягкий овал лица, пухлые чувственные губы, прямой с выделенными ноздрями нос, широкого разреза, без монголоидной складки глаза. Думается, что перед нами бактрийка, представительница исконного местного восточно-иранского населения. Близкое по типу лицо у богини плодородия на золотых подвесках из шестого погребения: тонкие взлет брови, широкого разреза глаза, прямой, слегка мясистый нос, полные губы, мягкий, округлый овал лица. Аналогичное, если не идентичное, лицо изображено на медальонах из третьего погребения. И, возможно, не случайно близкие по типу лица мы встречаем на настенных фресках культовых сооружений Афганистана, где изображены представители местного населения.

На фигурной же застевке из третьего погребения, на которой изображены два воина, передан классический греко-римский тип лица (ровная линия лба почти без изгиба переходит в прямой, четко очерченный нос), хорошо известный по памятникам прикладного искусства античного мира. Имеются и другие основания предполагать существование в Бактрии трех основных этнических типов: средиземноморского (греко-римского), восточно-иранского (индо-афганского) и юэчжийского (монголоидного).

Художественные изделия из могил Тилля-Тепе свидетельствуют о высоком техническом уровне ювелирного дела, по застывшие, фронтально развернутые композиции далеки от реалистического, полного жизни местного эллинистического направления предшествующего греко-бактрийского искусства. Почти на всех изображениях фигуры фронтально развернуты; застывшие, статуарные, они возвращают нас к династийному ахеменидскому искусству давно прошедших веков. Конечно же, бактрийские земли не оскудели талантами, но на Тилля-Тепе мы имеем дело с официальным, династийным искусством. С чисто варварским великолепием первые кушанские царевичи украшают свои парадные одежды сотнями и тысячами блестящих, звенящих бляшек, подвесок, бубенчиков. Почти килограммовые, ничем не украшенные гривны на шее и полукилограммовые ножные браслеты не имеют никакой художественной ценности, главная цель – подавить блеском богатства.

Хотя на многих украшениях изображены боги греческого пантеона и даже целые композиции из греческой мифологии, несовершенное с точки зрения классических античных канонов исполнение – свидетельство упадка художественных вкусов и формирования новых за-

просов.

Завоевание Бактрии кочевыми племенами привело к созданию совершенно нового направления в античном искусстве этой части Передней Азии. В самом деле, удивительно широкая веротерпимость завоевателей-юэчжей по отношению к покоренным народам определила смешение самых различных религиозно-мифологических систем, о чем убедительно свидетельствуют материалы раскопок Тилля-Тепе. Если ранее считали, что культура кушанского общества - продукт смешения преимущественно греко-римских, восточноиранских и индийских художественных традиций, то материалы Тилля-Тепе обнаружили совершенно новый бактрийский источник, уходящий корнями в прикладное искусство Бактрии эпохи бронзы (крылатые богини местного бактрийского пантеона, сидящие верхом на животных, - сравни Ки-бела, сидящая на льве; корона, украшенная пальметками с изображением «древа жизни» с птичками, - сравни прототипы в бактрийской глиптике). Эти наблюдения выделяют Бактрию в один из центров сложения скифо-сарматского искусства. Вот лишь один из многих примеров. В самые последние годы на Керченском полуострове археологи раскопали богатый скифский курган, разграбленный, как и многие другие, еще в древности. Однако в спешке грабители оставили несколько золотых изделий, и в том числе золотую обкладку колчана. В противоположность точно таким же, но не украшенным обкладкам колчанов из четвертого погребения на керченской находке сохранилось изображение поверженного на землю оленя, на которого напал лев. Для нас особый интерес представляет вставшая на хвост змея, изображенная перед оленем, — композиционный сюжет, ранее совершенно неизвестный в скифском искусстве, зато документально засвидетельствованный в Бактрии эпохи бронзы. Среди уже упоминавшихся стеатитовых амулетов, вырезанных бактрийскими камнерезами во II тысячелетии до н. э., широко представлена тематика животных и рептилий, но особенно впечатляет один образец, на котором изображен бык (атакуемый сверху драконом), перед мордой которого дополнительно выгравирована вставшая на хвост разъяренная змея. Налицо близкая, если не идентичная, тема на двух конкретных изделиях, разделенных тысячами километров и почти полутора тысячами лет.

Синкретизм местных традиционно бактрийских мифологических идей и представлений с греко-римскими, иранскими и индийскими - сущность нового кушанского искусства, и это позволяет исследователям по-новому осветить историю культуры этого региона на рубеже нашей эры.

Материалы раскопок Тилля-Тепе документированно подтверждают влияние ханьского Китая и Индии (китайские зеркала и индийская резная кость), и это неудивительно, учитывая расположение Тилля-Тепе на пересечении Великого шелкового пути: на западе - Римская империя, на востоке - ханьский Китай, на юге - Индия. Кажется, впервые после Амударьинского и Беграмского кладов удалось встретить собрание художественных ювелирных изделий, конкретизирующих наши представления о путях сложения культуры Империи Великих Кушан. Первые кушанские цари рисуются нам как люди, почти полностью порвавшие с кочевыми традициями. Вспомним захоронение с монетой во рту - типично греческий погребальный ритуал, которому, изменив вековым традициям, следуют теперь вчерашние кочевники. А ведь погребальные обряды наиболее консервативны среди всех остальных традиций.

Пожалуй, лишь коническая форма холма Тилля-Тепе, напоминающая своим профилем курганы, да культовые тризны лошадей - дань вековым погребальным кочевническим традициям. Во всем остальном юэчжи восприняли местные традиции. Однако эстетические запросы первых правителей еще далеки от общего уровня тогдашнего цивилизованного мира. Их социальный заказ ограничивается набором разнообразных золотых ювелирных изделий без учета их художественной ценности. И мы видим, как бактрийские мастера, выполняя царский заказ, почти полностью отходят от реалистических традиций живого эллинистического искусства.

Стили искусства Греции и Рима, Индии и Китая причудливо смешиваются в Бактрии, создавая тот сплав культуры, который впервые представляют нам изделия из Тилля-Тепе. Достаточно вспомнить драконов с ветвистыми рогами сибирских оленей и оконтуренные ри-

сунками индийской свастики, чтобы оценить масштабы смешения разных стилей и культурных традиций. Точно так же подвески "государь и драконы" демонстрируют нам образ предположительно юэчжийского государя, утверждающего свое высокое социальное положение типично индийским символом - пятнышком на лбу - и борющегося с драконами, ноги которых вывернуты назад по канонам «сибирского звериного стиля».

В еще большей степени синкретизм разных культурных традиций и веяний проявляется в художественных изделиях, связанных с греческой мифологией. Можно вспомнить крылатых богинь, передающих образ греческой Афродиты в одном случае с индийской тикой на лбу, в другом - с одинаковыми широкоскулыми монголоидными лицами у богини и эрота, чтобы оценить те глубокие перемены, которые происходили с наследием греко-бактрийского искусства. Кажется, впервые общее определение «эллинистическое искусство» как простое соединение греко-римских и восточных традиций может быть конкретизировано на вышеприведенных примерах. В свою очередь, за этими культурными проявлениями намечаются контуры исторических событий, связанных с ранней историей кушан, традиции которых берут начало в скифо-алтайском мире. Возглавив союз среднеазиатских племен, юэчжи, сокрушив Греко-Бактрию, на первых порах находятся в какой-то зависимости от соседней Парфии и лишь начиная со II в. н. э., но не раньше создают свою собственную Империю Великих Кушан, Именно в это время на основе синтеза былых греко-бактрийских, индийских и иранских традиций формируется кушанская культура.

Не доказано, но в высшей степени вероятно, что некрополь Тилля-Тепе принадлежит именно тому дому юэчжийских правителей, которые положат основание Империи Великих Кушан. Преимущественно парфянский (а не греко-бактрийский!) состав монет некрополя указывает на период максимальной экспансии соседней Парфии в восточном направлении, когда в сферу ее политического влияния попадают пограничные юэчжийские владения. Историк Юстин так повествует об этих событиях: «Почти в одно и то же время стали царями Митридат в Парфии, а Евкратид в Бактрии. Оба великие мужи. Но судьба, более благосклонная к парфянам, довела их под водительством этого правителя до вершины могущества. Бактрийцы же, ведя непрерывно то одну, то другую войну, потеряли не только царство но и свободу; измученные войнами с согдианами, арахотами, дрангами, ареями и индами, они в конце концов, как бы обескровленные, были покорены более слабыми парфянами» (Юстин, XII, 6,1 — 5).

Для нашей темы этот исторический отрывок важен тем, что он прямо свидетельствует о парфянской экспансии на востоке за счет греко-бактрийских земель, и в этой связи особое значение приобретают находки именно парфянских монет в могилах Тилля-Тепе. И это не единичное указание подобного рода. Страбон прямо пишет, что парфяне «захватили также часть Бактрии, оттеснив скифов и еще раньше Евкратида и его сторонников», причем в другом месте он еще раз упоминает, что «сатрапии Аспион и Турину парфяне отняли у Евкратида» (Страбон, XI, 9,2). Для нас особенно важно замечание, что скифы, под которыми Страбон подразумевает кочевников вообще, были подчинены после правления Евкратида, т. е. в более позднее время, возможно, именно тогда, когда здесь совершаются захоронения на Тилля-Тепе, бесспорно, обнаруживающие четкие кочевнические традиции. И, видимо, не случаен факт удивительно близкой переклички золотых украшений Тилля-Тепе с золотыми изделиями парфянского могильника далекой Ниневии (Северная Месопотамия). Таким образом, нумизматический состав могил Тилля-Тепе с бесспорностью указывает на то, что по крайней мере в I в. до н. э. не только не существовало Кушанское царство, но не возвысился еще один из его основателей - Герай. Это вносит определенные коррективы во все еще интригующе спорную проблему о времени правления Канишки.

Такой представляется нам предыстория могучего Кушанского государства, которое в первые века нашей эры занимало огромную часть Средней Азии, Афганистана, большую часть Индостана, в том числе и долину Ганга, а одно время и Восточный Туркестан. Эта могущественная империя в пору своего расцвета с успехом соперничала с ханьским Китаем, Парфией и Римской империей, но ядром ее во все периоды оставалась Бактрия. И не случайно именно здесь, в сердце Бактрии, мы находим родовой некрополь безвестных царей, заложивших ос-

новы Империи Великих Кушан. Еще много неясного в начальной истории кушан, но найденные и еще не раскопанные могилы Тилля-Тепе вселяют надежду на будущие открытия.

Послесловие

Все дальше отодвигаются события, связанные с сенсационными археологическими находками на холме Тилля-Тепе в Северном Афганистане. Стираются в памяти многие детали и частности почти полугодовой работы небольшого, но на редкость сплоченного коллектива Советско-афганской археологической экспедиции. Все ее сотрудники - и советские, и афганские - с подлинным научным энтузиазмом в тяжелых условиях, на пределе сил и возможностей, трудились каждый на своем участке, занимались расчисткой, консервацией, закреплением на месте, фотографированием, фиксацией многих сотен и тысяч золотых изделий, обнаруженных в погребениях холма Тилля-Тепе. Журналисты многих стран мира назвали раскопки этих захоронений «открытием века». Вот некоторые заголовки советской и мировой прессы: «Крупнейшие специалисты разных стран назвали это открытие археологической находкой века» («Вечерняя Москва», 28.III.1979); «Около 20 000 украшений из золота обнаружила Советско-афганская археологическая экспедиция» («Труд», 28.I V. 1979); «Найденные в Афганистане сокровища могут соперничать с сокровищами гробницы Тутанхамона» («Нью-Йорк Таймс», 13.IV.1979); «Советские раскопки открыли сокровища в могилах Афганистана» («Вашингтон Пост», 12.IV. 1979); «Никто не мог мечтать открыть такие драгоценные сокровища на простом холме, расположенном среди хлопкового поля на окраине г. Шибиргана» («Таймс», 2.VI.1979).

Проходит время, и меняются судьбы людские. Кажется, еще совсем недавно маленькое содружество археологов трудилось на холме Тилля-Тепе, а безжалостная судьба уже вырвала из их рядов Владимира Сергеевича Ерофеева. Бессменный участник всех десяти половых сезонов в Афганистане, он был подлинной душой нашей экспедиции. Удивительный жизнелюб, человек открытой души, он щедро отдавал людям всю теплоту своего сердца. Бескорыстный рыцарь науки, Владимир Ерофеев забывал личные интересы ради общественных. От него, заместителя начальника экспедиции по хозяйственным делам, в конечном счете зависела бесперебойная, ритмичная работа всего сложного экспедиционного механизма и в первую очередь настроение каждого из сотрудников. В тяжелые минуты неудач, при бытовых неурядицах «Сергеич» всегда умел приободрить, успокоить, вселить уверенность в себя. В редкие часы отдыха он был центром веселья, без него и его песен не обходилось ни одно застолье. Всегда улыбающийся, рассыпающийся вокруг шутки-прибаутки, он дарил окружающим не только запас душевной доброты, но и все, что имел. К нему полностью подходит восточная поговорка: «У него попроси папаху – он голову отдаст».

Казалось, еще годы и годы будет с нами работать и жить наш Володя, но судьба распорядилась по-иному. История науки не забудет истории открытия сокровищ Тилля-Тепе, тем более она не должна забыть подлинного героя бактрийской эпопеи - Владимира Сергеевича Ерофеева. Пройдут годы, но за блеском золотых сокровищ Тилля-Тепе мы не забудем прекрасного человека, верного друга и товарища, годами делившего с нами и радости и печали.

¹ Амударьинский клад. Л., 1979, фиг. 38.

² Там же, фиг. 2.

³ С.И. Руденко. Культура населения горного Алтая в скифское время. М.-Л., 1953, табл. LXXXVI.

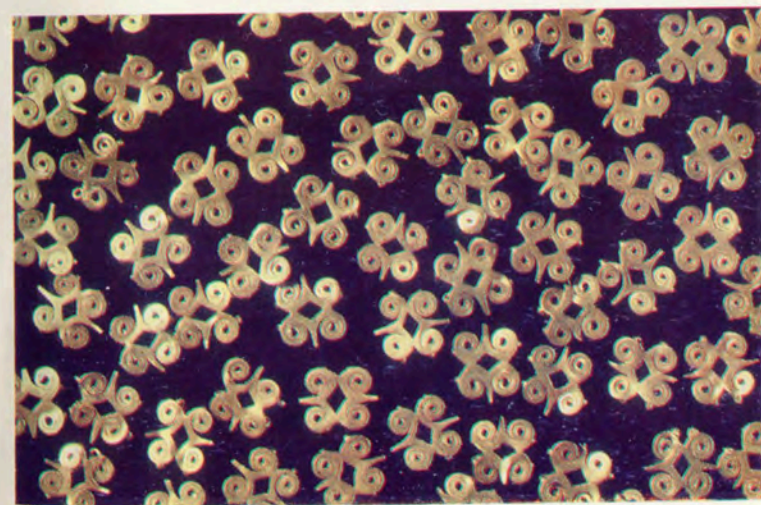
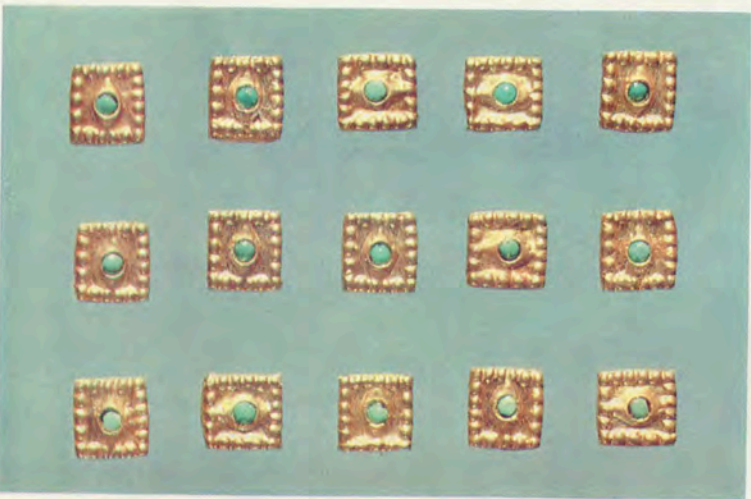
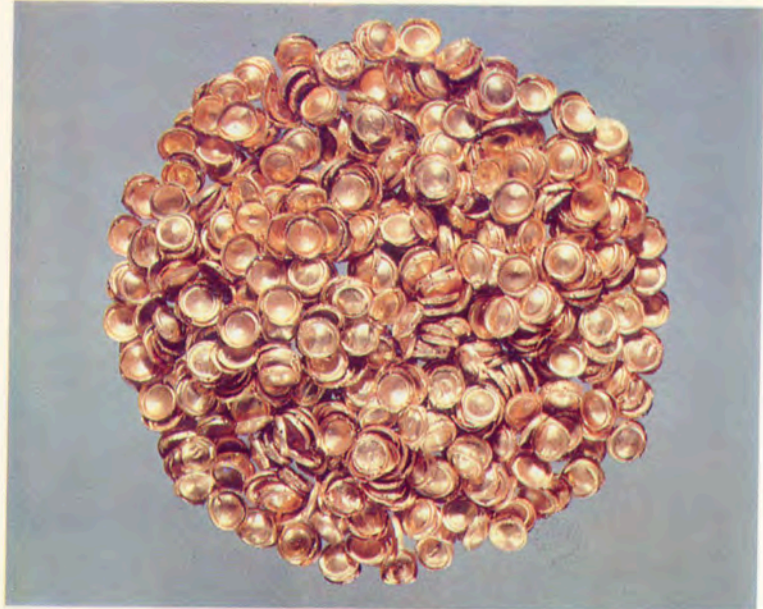
⁴ С.И. Руденко. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.—Л., 1960, табл. ХСVII, № 4

⁵ Б.Н. Г р а к о в. Скифы. М., 1971.

⁶ И. Руденко. Культура населения горного Алтая в скифское время, табл. ХСV.

-
- ⁷ Амударьинский клад, фиг. 2, 38, 69, 89.
- ⁸ B. Goldman. Origin of the Persian Robe.— «Iranica Antiqua». Т. IV, 1964.
- ⁹ 7000 ans D'ART en Iran. Téhéran, 1962, фиг. 287.
- ¹⁰ К.А. Акишев. Курган Иссык. М., 1978, рис. 62—63.
- ¹¹ J. Rosenfield. The Dinastic Arts of the Kushans, Berkley — Los Angeles, 1967.
- ¹² Там же.
- ¹³ М. И. Артамонов. Сокровища саков. М., 1973, рис. 180.
- ¹⁴ С.И. Руденко. Культура населения горного Алтая в скифское время, с. 338, табл. СІХ, № 2.
- ¹⁵ М. И. Артамонов. Сокровища саков, рис. 188.
- ¹⁶ Там же, рис. 206, 208.
- ¹⁷ Там же, рис. 213.
- ¹⁸ A. S a l m o n y. Sino-Siberian Art in the Collection of C. T. Loo. Paris, 1933, табл. XXII, № 3.
- ¹⁹ В. Сарияниди. Печати-амулеты мургабского стиля. - «Советская археология». 1976, № 1.
- ²⁰ P. Amiet. Antiquites de Bactriane.— «La Revue du Louvre», Т. XXVIII, 1978.
- ²¹ В. Sarianidi. New Finds in Bactria and Indo-Iranian Connections.— «South Asian Archaeology». Naples. Т. II, 1979, фиг. 5, №10.
- ²² Barnett. Median Art.—«Iranica Antiqua». Т. 11, 1962.
- ²³ R Ghirshman. Iran, Parthes et Sassanides. Paris, 1962, фиг. 78-80.
- ²⁴ J. Rosenfield. The Dinastic Arts of the Kushans.
- ²⁵ С.И. Руденко. Культура населения горного Алтая в скифское время, рис. 90.
- ²⁶ Там же, табл. LVI—LVII.
- ²⁷ М.И. Артамонов. Сокровища скифских курганов. Москва — Прага, 1966, табл. 116.
- ²⁸ С.И. Руденко. Искусство Алтая и Передней Азии, М., 1961, рис. 42.
- ²⁹ С.И. Руденко. Культура населения горного Алтая в скифское время, рис. 157—160.
- ³⁰ Там же, рис. 156.
- ³¹ Там же, табл. LXXVIII, № 2.
- ³² Там же.
- ³³ С.И. Руденко. Сибирская коллекция Петра I. М.— Л., 1962, рис. 35, 37.
- ³⁴ Там же, табл. VIII, № 5—8.
- ³⁵ С.И. Руденко. Культура населения горного Алтая в скифское время, табл. LVI—LXVIII и др.
- ³⁶ С.И. Руденко. Сибирская коллекция Петра I, табл. XXIII.
- ³⁷ А.П. Манцевич. Находка в запорожском кургане. - «Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии». М., 1976.
- ³⁸ С.И. Руденко. Культура населения горного Алтая в скифское время, рис. 99, 128.
- ³⁹ С.И. Руденко. Культура хуннов и Ноинулипские курганы. М.— Л., 1962.
- ⁴⁰ К.В. Т р е в е р. Памятники греко-бактрийского искусства. Л., 1940.

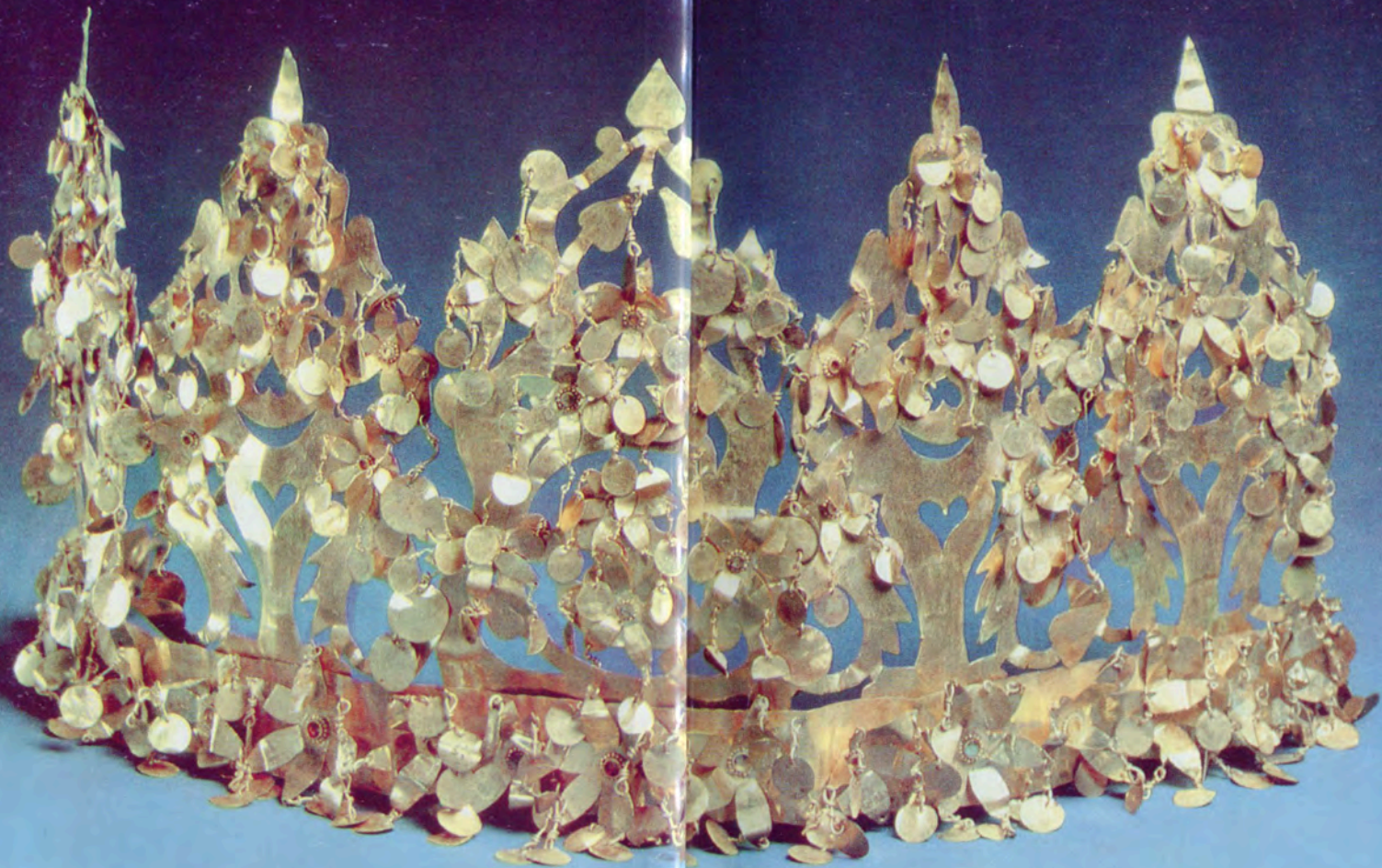

Золотые
нашивные бляшки
из погребений Тилля-Тепе

Квадратные
золотые нашивные бляшки
из погребения 1

Золотые нашивные пластины
«человек с дельфином»
из погребения 1

Фигурные
золотые нашивные бляшки
из погребений Тилля-Тепе

Золотая корона
из погребения 6

Золотые
ножны и кинжал
из погребения 4

Навершие кинжала
и ножны (детализовка)
из погребения 4

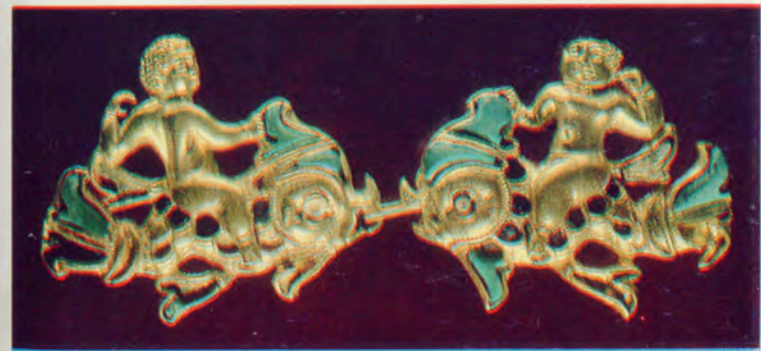
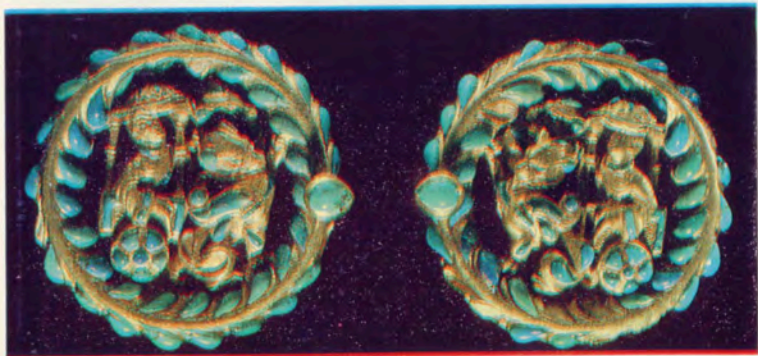
Каменные и золотые
Мелкие украшения
из погребения 1

Золотая
нагрудная застежка «волны»
из погребения 3

Золотые нагрудные застёжки
с любовной сценой
общий вид (погребение 6)

Золотая нагрудная застёжка
(детализовка) с любовной
сценой (погребение 6)

Нитка бус из золота и слоновой кости (погребение 2)

Обувные золотые пряжки «колесницы с драконами» из погребения 4

Ожерелье из золотых бус, инкрустированных бирюзой (погребение 6)

Золотые нагрудные застёжки «амуры на дельфинах» из погребения 3

Золотой пояс
из погребения 4

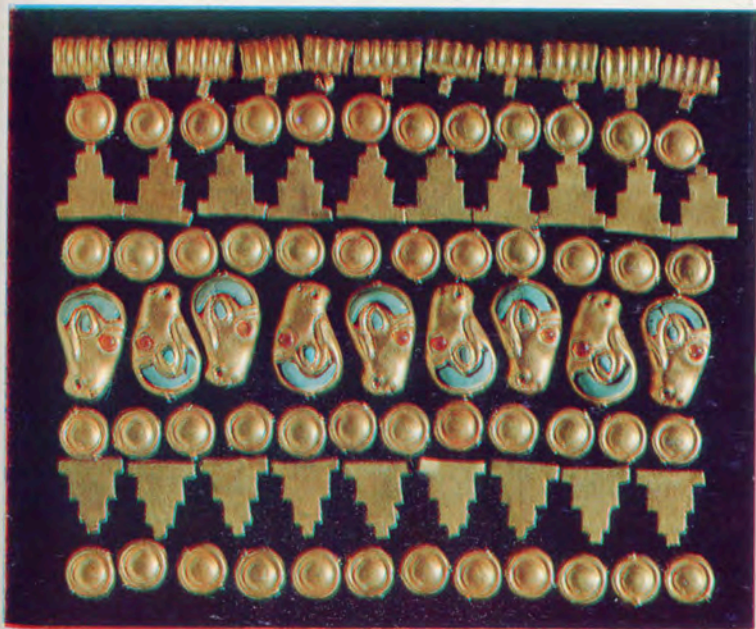
Золотое ожерелье с бирюзовыми и гранатовыми вставками (погребение 5)

Реконструкция орнамента из золотых нашивных бляшек (погребение 6)

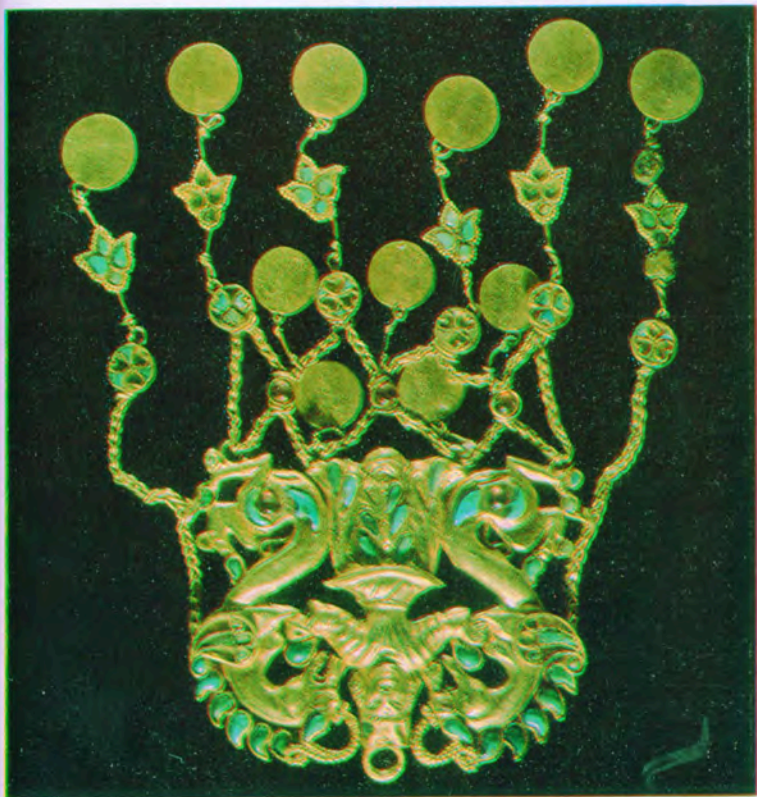
Золотые бляхи с сюжетом «терзание животных» из погребения 4

Реконструкция орнамента из золотых нашивных бляшек на манжетах кафтана (погребение 2)

Головная золотая подвеска
«Государь и драконь»
из порцебени 2

Халцедоная пнталь
с изображением грифона
(порцебени 5)

Погребение 1

Рис. 1. Золотая клипса

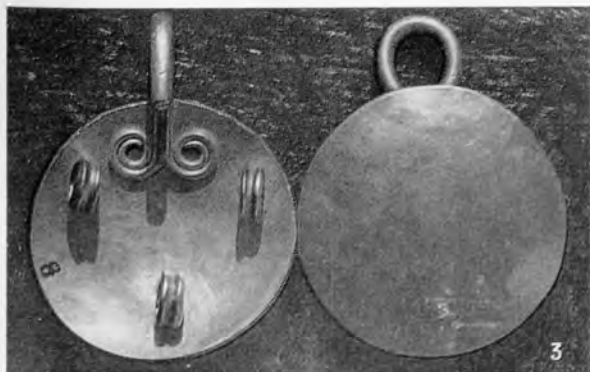
Рис. 2. Золотые
нашивные бляшки
с лицевыми изображениями

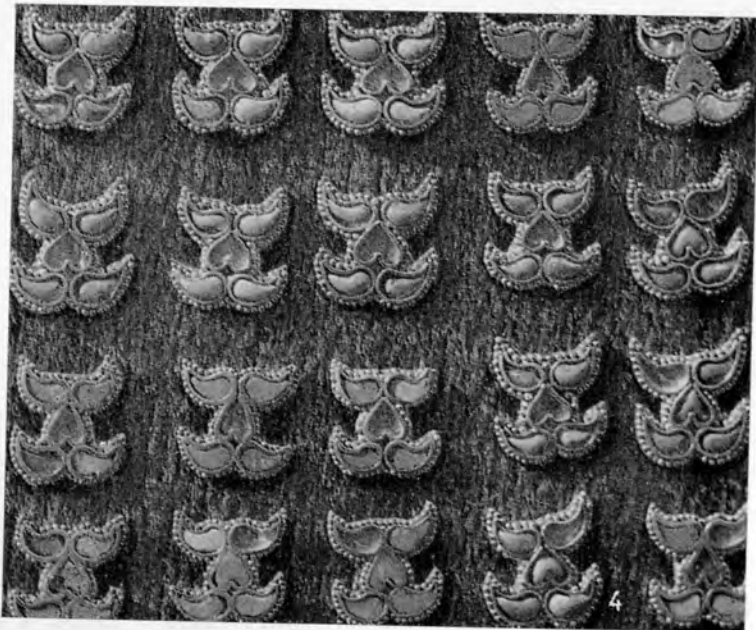
Рис. 3. Золотые застёжки
(лицевая и оборотная
стороны)

Рис. 4. Золотые
нашивные бляшки-жучки
с инкрустацией бирюзой

Рис. 5. Золотые застёжки
ожерелья

Рис. 6. Головная булавка
с золотым навершием

Погребение 2

Рис. 7. Раскладка погребения 2 (общий вид)

Рис. 8. Золотые головные подвески «государь и драконы»

Рис. 9. Золотые диски с инкрустацией бирюзой

Рис. 10. Золотые бусины из ожерелья

Рис. 11. «Афродита Кушанская» (золото)

Рис. 12. Золотые нашивные бляшки

Рис. 13. Золотые нашивные бляшки «головки баранов»

Рис. 14. Золотой перстень с печаткой и греческой надписью «Афина»

Рис. 15. Изображение Афины на перстне

Рис. 16. Золотой перстень с каменной вставкой

Рис. 17. Золотая подвеска в форме ноги

Рис. 18. Лазуритовые подвески в форме ноги

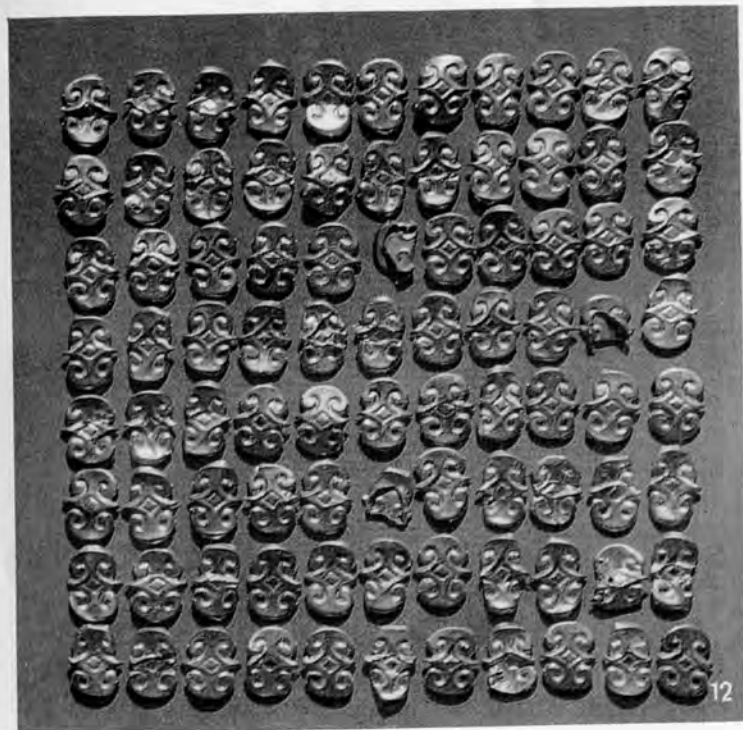
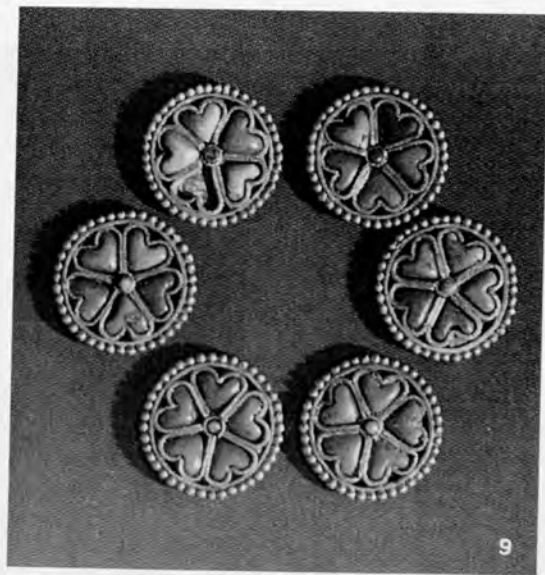
Рис. 19. Подвеска в форме руки (бирюза)

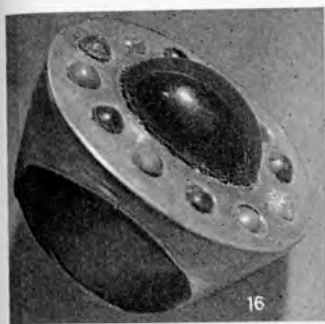
Рис. 20. Подвеска в форме руки (бирюза)

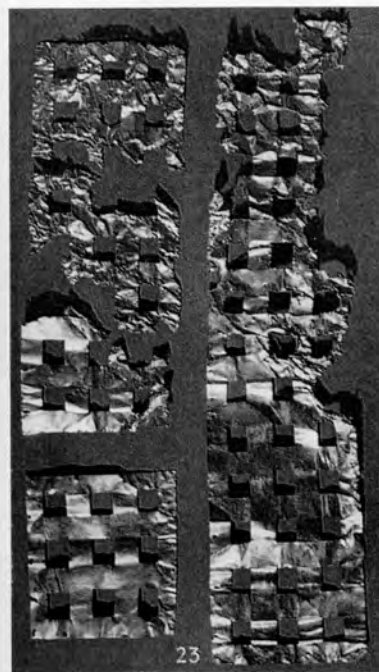
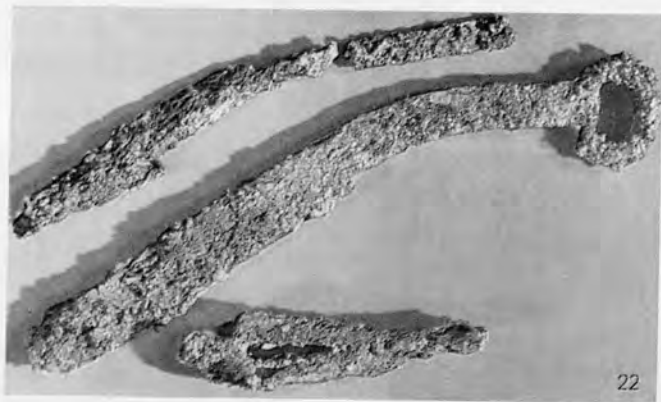
Рис. 21. Золотые наручные браслеты с инкрустацией бирюзой

Рис. 22. Железные ножи и топор

Погребение 3
Рис. 23. Детали
золотой короны

Рис. 24. Оттиск с геммы
с изображением Афины

Рис. 25. Золотые
навершия
головных булавок
(лицевая и оборотная
стороны)

Рис. 26. Ножные
браслеты (золотое
литье)

Рис. 27. Золотые
застежки «амуры
на дельфинах»

Рис. 28. Золотая гривна

Рис. 29. Нагрудная
застежка «воин»
(крупный план)

Рис. 30. Золотой
медальон

Рис. 31. Золотая
головная подвеска
с протомами лошадей

Рис. 32. Нашивные
бляшки-розетки
с подвесками (золото)

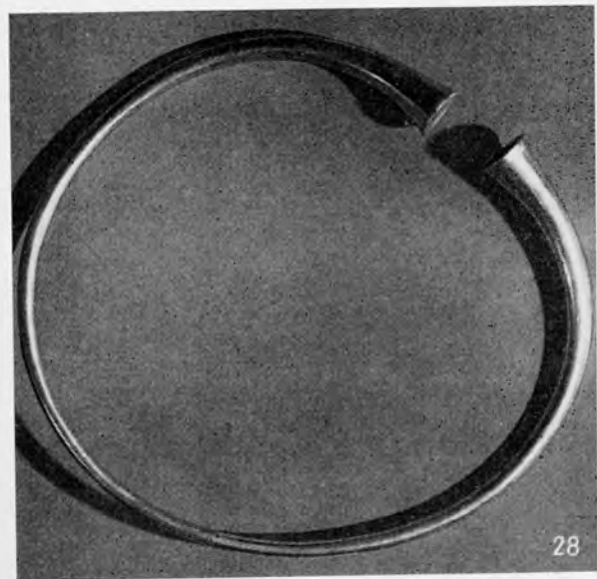
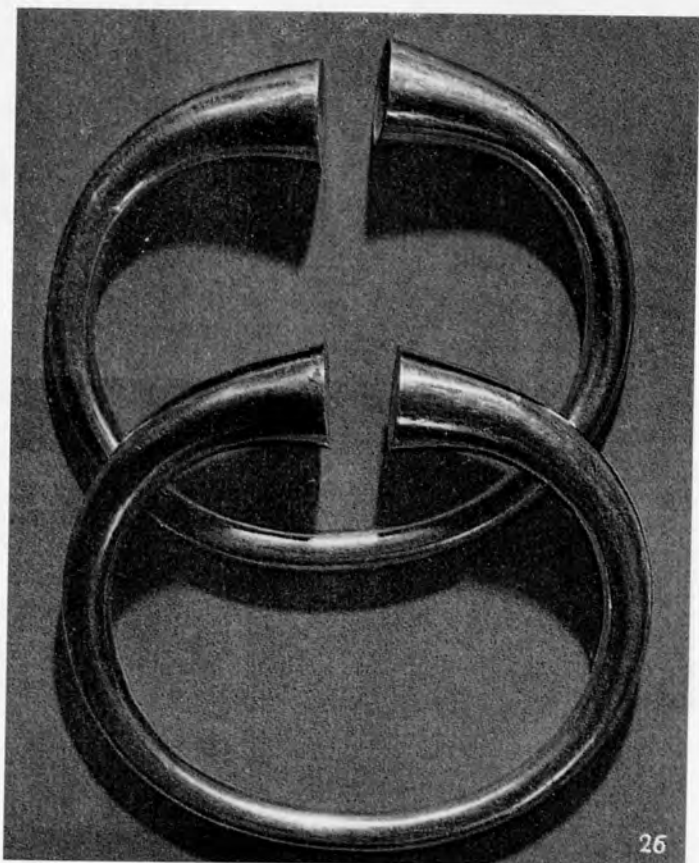
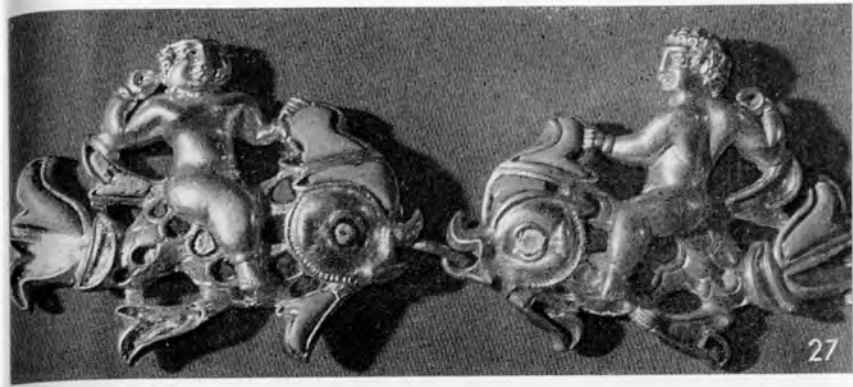
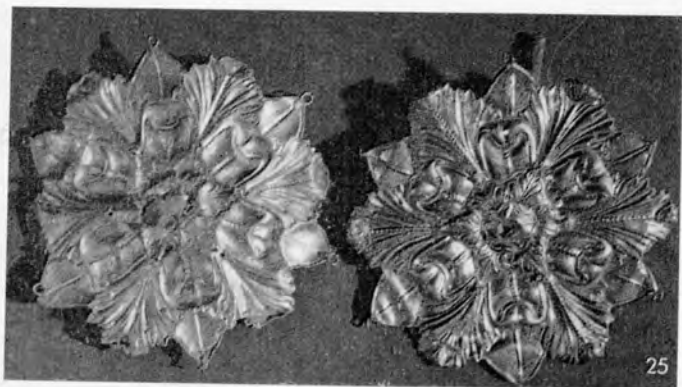
Рис. 33. Золотой
сосудик для косметики

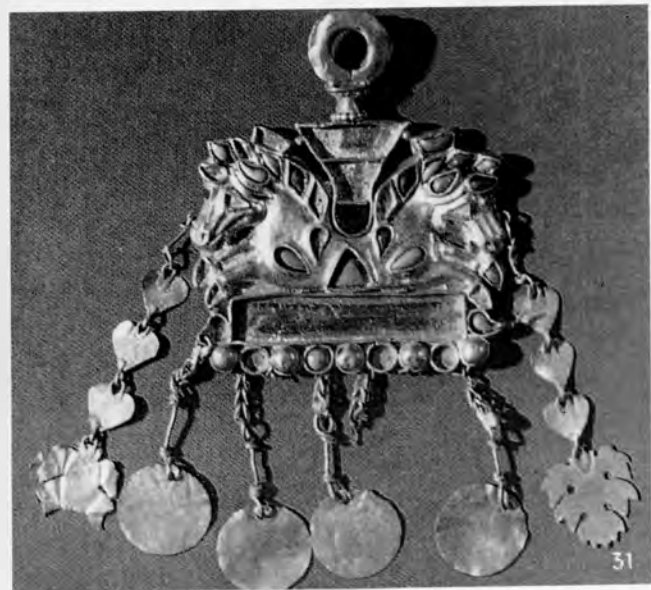
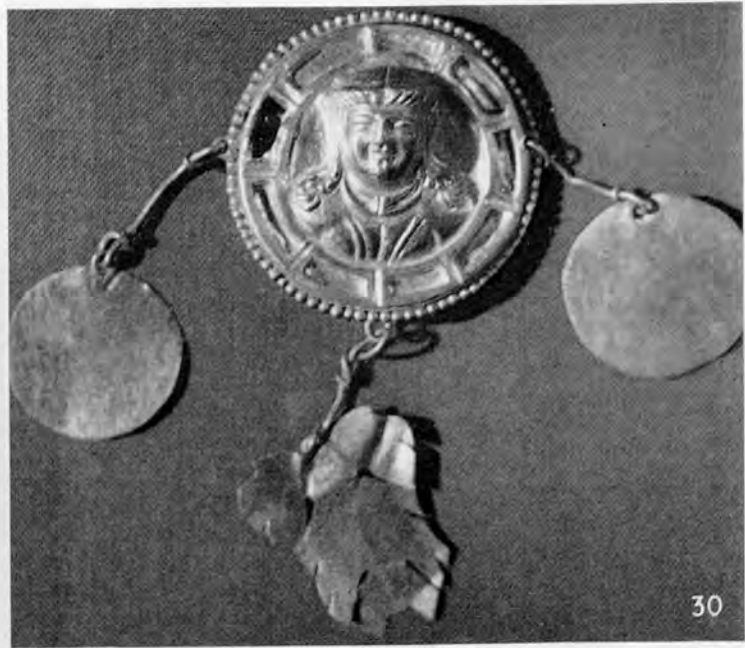
Рис. 34. Римская
золотая монета
императора Тиберия
(avers)

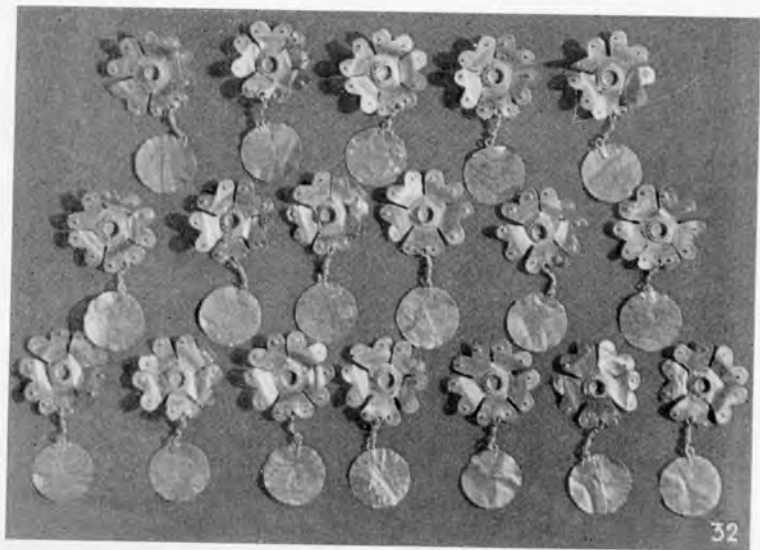
Рис. 35. Римская
золотая монета
императора Тиберия
(revers)

Рис. 36. Гребень
из слоновой кости

Рис. 37. Ожерелье
из золотых бус

32

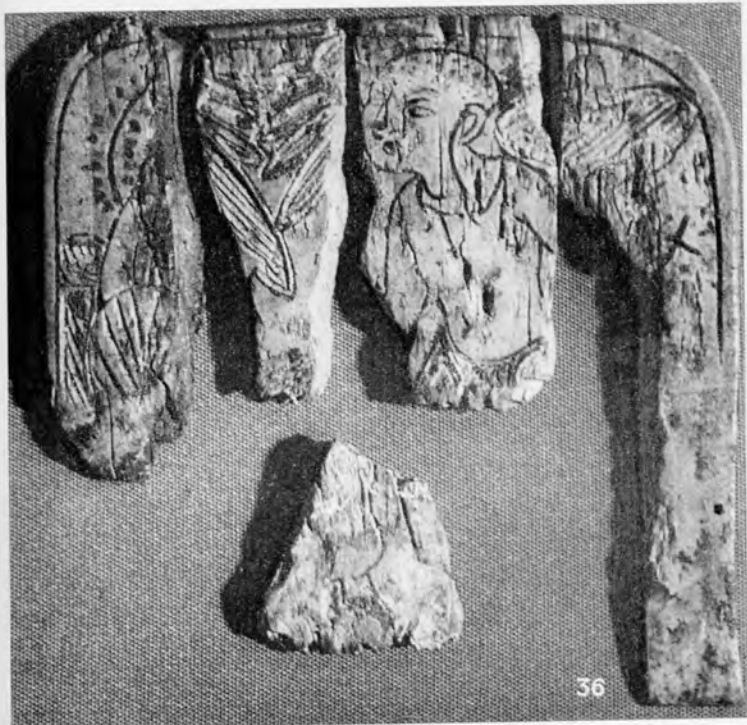
34

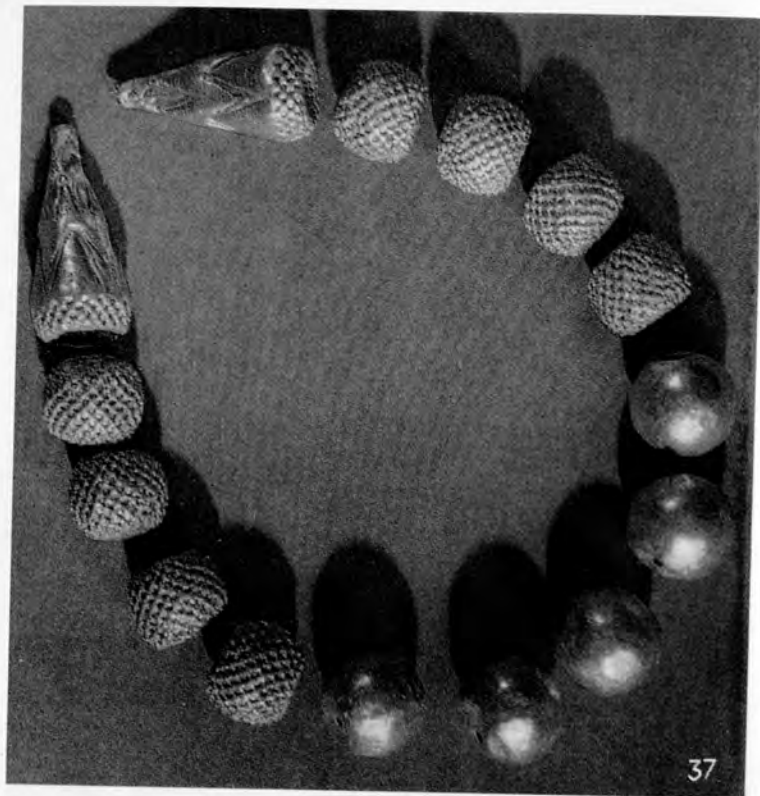
35

33

36

37

Погребение 4

Рис. 38. План четвертого погребения

Рис. 39. Остатки одежды с нашитыми украшениями на спине скелета

Рис. 40. Золотой фиал

Рис. 41. Золотая модель дерева

Рис. 42—44. Золотая фигурка архара (в разных ракурсах)

Рис. 45. Кишжал в золотых ножнах (лицевая сторона)

Рис. 46. Прорисовка лицевой стороны золотых ножен

Рис. 47. Прорисовка сюжетной композиции на золотых ножнах

Рис. 48. Золотые ножны (деталь)

Рис. 49. Прорисовка лицевой стороны золотых ножен

Рис. 50. Прорисовка сюжетной композиции на золотых ножнах

Рис. 51. Золотая пектораль с камеей

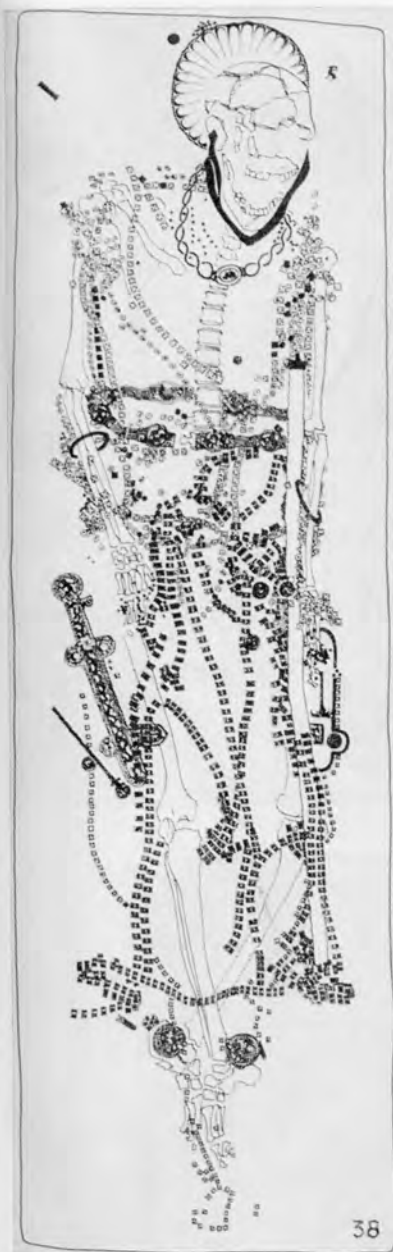
Рис. 52. Камень из золотой пекторали

Рис. 53. Прорисовка лицевой стороны бляхи «пантера, терзающая антилопу»

Рис. 54. Прорисовка лицевой стороны бляхи «драконы, терзающие лошадь»

Рис. 55. Золотой наконечник с изображением пантеры

Рис. 56. Литик «гераклиды, тянущие жребий»

38

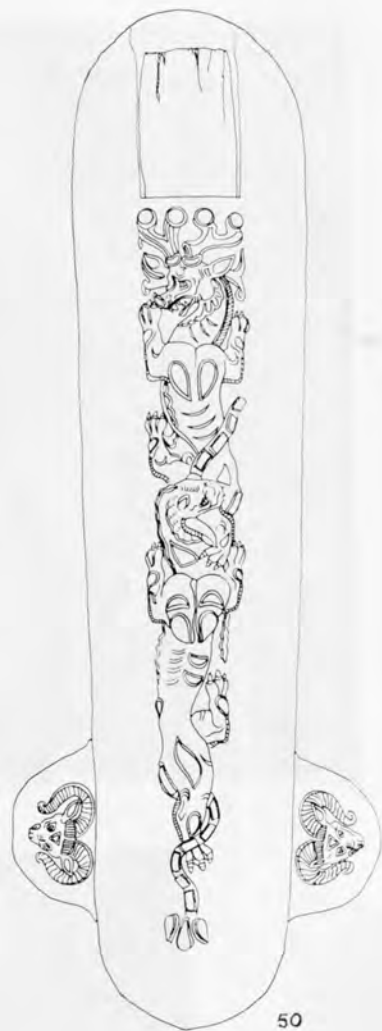
45

46

47

Погребение 5

Рис. 57. Деталь золотого браслета с подвеской-нитальей с изображением Афины

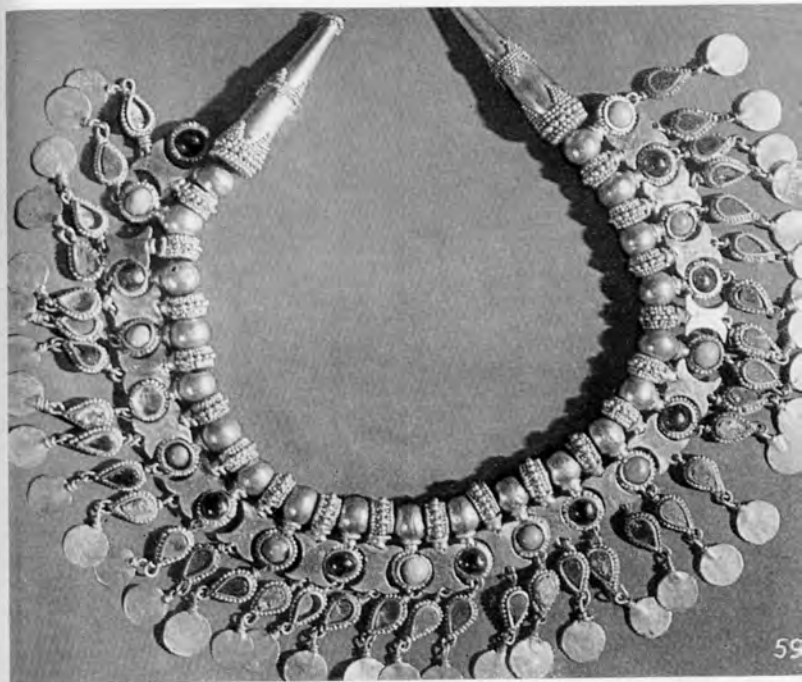

Рис. 58. Серебряные виноградные листья

Рис. 59. Золотое ожерелье

Рис. 60. Оттиск с нитальи с изображением грифона

Рис. 61. Ниталья с изображением парящей Ники

Погребение 6

Рис. 62. Золотые браслеты с протомами рогатых львов

Рис. 63. Золотые инкрустированные подвески

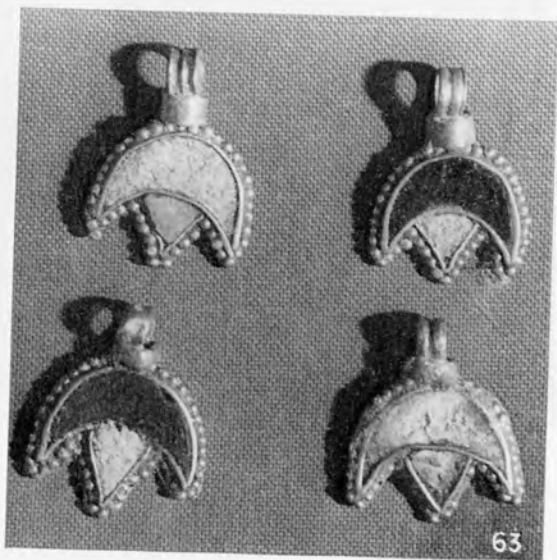
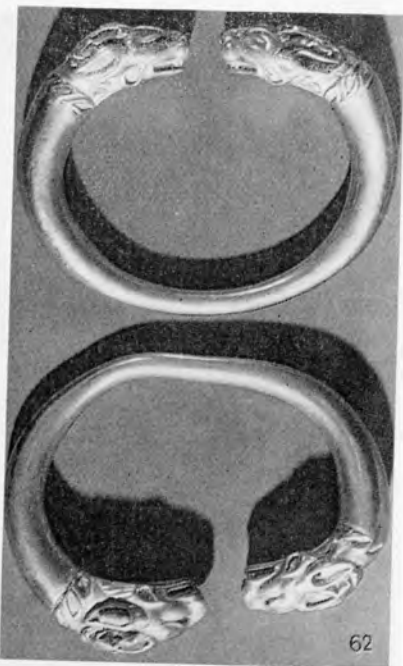
Рис. 64. Расчистка погребения 6

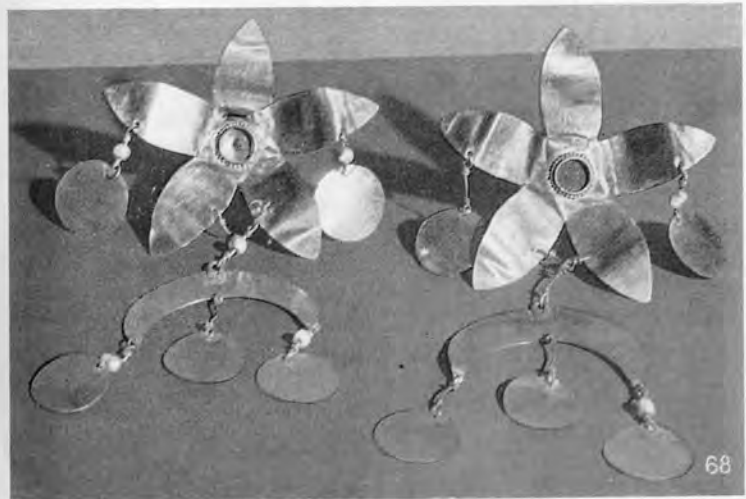
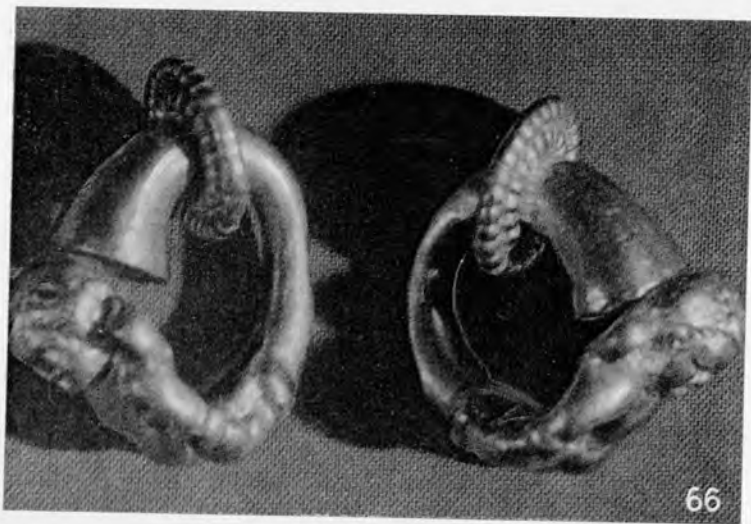
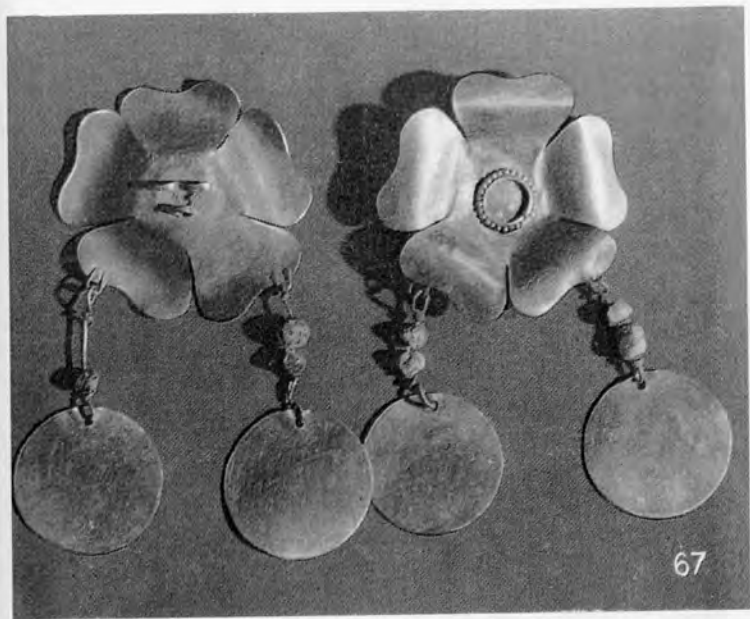
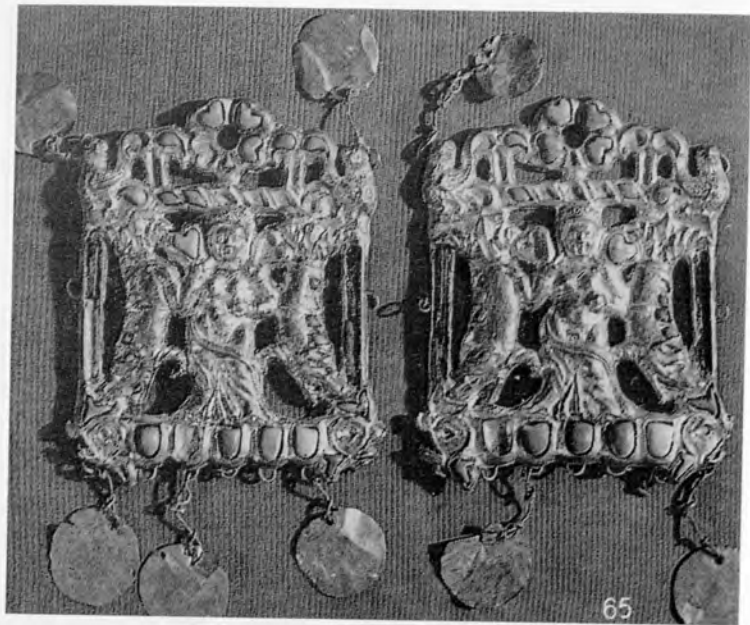
Рис. 65. Золотые головные подвески

Рис. 66. Золотые клипсы в виде эротов

Рис. 67. Золотые броши (лицевая и обратная стороны)

Рис. 68. Золотые головные булавки

Советские археологи
В. Сарьяниди и Т. Ходжаньязов
на раскопках Тилля-Тепе